Василій Экземплярскій.

# Евангеліе Іисуса Христа передъ судомъ Фр. Ницше.

(Популярныя чтенія).

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія „ВИКТОРІЯ“, Знаменская ул., 17. Телеф. 32-48.

# Евангеліе Іисуса Христа передъ судомъ Фридриха Ницше. *(Популярныя чтенія).*

Поклонились и служили твари вмѣсто Творца .

*Ап. Павелъ*

Если Богъ есть, то вся воля Его. Если нѣтъ, то вся воля моя.

*Кириллов Достоевскаго.*

## I.

Тема, избранная мною для моихъ чтеній, требуетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыхъ поясненій, несмотря на всю ясность своей формулировки. Именно, мнѣ представляются возможными сомнѣнія относительно своевременности самой постановки вопроса объ отношеніи Ницше къ Евангелію. Можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что Ницше для нашего времени устарѣлъ и уже постепенно переходитъ въ разрядъ тѣхъ классиковъ философіи и литературы, сочиненія которыхъ издаются, научно изучаются, но рѣчь о которыхъ теряетъ почти совершенно интересъ свѣжести и современности, т е. то, что такъ важно при выборѣ предмета популярныхъ богословскихъ чтеній, которыя должны прежде всего касаться жизненно важныхъ проблемъ, непосредственно возникающихъ изъ глубины запросовъ нашего ума и совѣсти. Если было время и, пожалуй, еще не такъ давно, когда Ницше волновалъ сердца людей своею безудержной критикой человѣческихъ цѣнностей, то теперь этого нѣтъ больше. Цѣлый рядъ талантливыхъ диссертацій, посвященныхъ критическому изученію взглядовъ Ницше, уже достаточно сдѣлалъ для того, чтобы безъ непосредственнаго чувства волне-

нія и удивленія останавливаться передъ фанатическою проповѣдью аморализма Ницше, но, напротивъ, имѣть полную возможность подойти къ этой проповѣди съ достаточной освѣдомленностью въ томъ, что въ сочиненіяхъ философа можно найти дѣйствительно цѣннаго, и что въ нихъ является уже безповоротно осужденнымъ. Въ частности, ожесточенныя нападки Ницше на Евангеліе Христа Спасителя и вообще на христіанство давно уже признаны серіозной критикой одною изъ слабыхъ сторонъ въ творчествѣ этого мыслителя, такъ что едва ли есть настоятельная потребность подчеркивать эту научную несостоятельность въ критикѣ основъ христіанства. Говоря яснѣе, если бы задачей своихъ чтеній я ставилъ прежде всего опроверженіе сказаннаго Ницше противъ Евангелія, то это, пожалуй, явилось бы излишнимъ. Но не въ этомъ цѣль моихъ чтеній; въ чемъ-то иномъ, болѣе общемъ, вижу я ихъ возможное назначеніе.

Ницше одновременно и философъ, и художникъ. Поэтому онъ интересенъ не только, какъ обособленный мыслитель, но онъ въ своемъ художественномъ творчествѣ воплотилъ типъ извѣстнаго міропониманія и, еще частнѣе, пониманія Евангелія, отношенія къ христіанству. И если самъ Ницше уже умеръ, а его философская аргументація поколеблена критикой, то самый типъ того отношенія къ жизни и Евангелію, какой нашелъ удивительно прямолинейное и яркое выраженіе въ сочиненіяхъ философа,—типъ этотъ не умеръ вмѣстѣ съ Ницше, какъ впрочемъ, не съ нимъ онъ и родился. Художникъ не есть творецъ изъ ничего, онъ нерѣдко лишь опознаетъ тѣ идеи, которыя фактически являются уже движущей силой въ духовной жизни современнаго художнику человѣчества, и которыя очень часто на многіе вѣка переживаютъ своихъ первыхъ провозвѣстниковъ. Если герои Достоевскаго точно мимоходомъ, но со всею опредѣленностью, высказывали такія сужденія, которыя Ницше считалъ своимъ геніальнымъ открытіемъ въ мірѣ идей, то и въ наши дни,—очень возможно, что и внѣ прямой зависимости отъ западнаго мыслителя,—многое и очень многое изъ характернаго для него въ отношеніи къ Евангелію и христіанству продолжаетъ существовать и даже имѣетъ типическое значеніе для идеологіи нашего времени. Укажу для примѣра на взглядъ широкихъ круговъ современнаго намъ образованнаго общества

на цѣнность христіанской проповѣди о кротости, смиреніи, прощеніи, чаяніи будущаго вѣка... И ясно, что если признать созданный или сознанный Ницше типъ отношенія къ Евангелію еще не умершимъ, а быть можетъ напротивъ, растущимъ и углубляющимся, то и рѣчь о такомъ типѣ не будетъ ненужной или даже запоздалой. Критическое, вдумчивое отношеніе къ тому, что было сказано въ свое время Ницше, явится и для насъ однимъ изъ путей болѣе сознательнаго отношенія къ міру идей, царящихъ въ современной намъ эпохѣ, лучше понять тотъ положительный христіанскій идеалъ, который мы исповѣдуемъ, и съ большимъ спокойствіемъ и подготовленностью отнестись къ тѣмъ нападкамъ на этотъ идеалъ и къ тому его непониманію, какія, къ сожалѣнію, не менѣе характерны для нашего времени, чѣмъ для прежняго.

Какъ опредѣленно показываетъ тема моихъ чтеній, меня интересуетъ не весь Ницше, но лишь его отношеніе къ Евангелію. Конечно, невозможно понять и критически оцѣнивать это отношеніе изолированно отъ всей философской системы, но послѣдняя явится для меня только тою перспективой, на первомъ планѣ которой будетъ стоять Ницше—Антихристъ.

Трудно представить большую противоположность міропониманія, чѣмъ та, какая открывается при сравненіи проповѣди Ницше, его „новыхъ скрижалей“ цѣнностей съ тѣмъ, что возвѣстило міру Евангеліе Іисуса Христа. Все, что дорого, свято, важно для послѣдователя Христова, все это ненавистно, все это обезцѣнивается и высмѣивается Ницше. И однако при всей противоположности евангельскаго ученія ницшевской проповѣди, есть въ послѣдней одна сторона, которая по формѣ нѣсколько напоминаетъ Евангеліе и какъ бы облегчаетъ возможность сопоставленія такихъ несоединимыхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ученій, какъ евангельское и ницшевское. Это формальное сходство проповѣди Ницше съ Евангеліемъ—въ безбрежности утвержденій обѣихъ проповѣдей, въ отсутствіи мелочныхъ корыстныхъ вычисленій, столь характерныхъ для морали утилитаризма. Христосъ Спаситель любилъ учить народъ на горѣ. Это какъ бы символъ того необъятнаго пространства, той неизмѣримой дали вѣковъ, которую должно было обнять Его благовѣстіе міру.

Ницше также стремился всегда поставить себя „на высоту горныхъ вершинъ“, отрѣшиться отъ всего случайнаго и мелкаго, заглянуть въ безконечную даль человѣческой исторіи. Не удалось это Ницше въ полной мѣрѣ, закрытымъ для него оказался безконечный небосклонъ маленькими предметами, и взглядъ его не могъ оторваться отъ той почвы, на какой самъ онъ стоялъ. Но все же, та высота, на какую взобрался Ницше, отразилась въ его творчествѣ. Отъ его ученія вѣетъ свѣжестью, въ немъ много искренности, не видно въ немъ стремленія затемнить мысль, усыпить душу. Говоря проще, въ лицѣ Ницше Евангеліе имѣетъ открытаго противника и при томъ такого, самая ожесточенность нападокъ котораго зависѣла отъ серіознаго и горячаго отношенія къ религіозной проблемѣ, что было такъ непонятно чуждо современной Ницше матеріалистической философіи.

Во множествѣ мѣстъ своихъ сочиненій Ницше утверждаетъ, что онъ „до ужаса“ расширилъ духовный горизонтъ человѣчества, что ему первому, послѣ цѣлыхъ тысячелѣтій заблужденій и путаницы, посчастливилось найти дорогу къ нѣкоторому д а и къ нѣкоторому н ѣ т ъ [1]), сказать н о в о е с л о в о о жизни въ переоцѣнкѣ всѣхъ ея цѣнностей [2]). Критическое изученіе Ницше въ значительной степени ослабило силу подобныхъ его утвержденій и показало не только тѣсную связь и во многомъ зависимость мыслителя отъ предшествующей и современной ему философіи [3]), но весьма не высоко оцѣнило то н о в о е, что было сказано Ницше. Но тѣмъ не менѣе, по широтѣ замысла и по безусловности отрицанія міра всѣхъ цѣнностей человѣчества Ницше пока не имѣлъ предшественниковъ. Онъ дѣйствительно поднялся на ту высоту самомнѣнія, съ которой можно смѣяться надъ всякой трагедіей сцены и жизни [4]), и своимъ смѣхомъ попытался ниспровергнуть все то, чѣмъ дорожилъ человѣкъ, какъ святыней. И такъ какъ моральныя цѣнности во всѣ времена человѣческой исторіи принадлежали къ той области бытія, которая была наиболѣе близка и дорога человѣче-

---

[1]) „Воля къ власти“, § 54. Цитируется по русскому изданію „Московскаго книгоиздательства“, т. IX. [2]) „Воля къ власти, § 263. [3]) См., напр., книгу А. Фуллье „Ницше и имморализмъ“. [4]) „Такъ говорилъ Заратустра“, русск. перев. Ю. М. Антоновскаго, 4 изд., стр. 30.

скому сердцу, то на борьбу съ этими цѣнностями и были прежде всего направлены усилія Ницше. И свою задачу въ этомъ случаѣ онъ понялъ очень широко и глубоко, и если до него главное вниманіе удѣлялось вопросу о происхожденіи нравственныхъ оцѣнокъ, при чемъ сами философы въ нихъ вѣрили такъ же, какъ и христіанство, по замѣчанію Ницше [1]), то самъ онъ пошелъ неизмѣримо дальше и въ послѣдовательности своего скептицизма отвергъ всякую вѣру въ доброе и злое по существу. По Ницше, самое убѣжденіе въ томъ, что будто бы уже извѣстно, что такое зло и что такое добро, представляетъ величайшую опасность для будущаго человѣчества [2]), и пора сознать, что нѣтъ лжи большей, чѣмъ это убѣжденіе. „Поистинѣ, я говорю вамъ: добра и зла, которое было бы непреходящимъ, не существуетъ“ [3]). „Добродѣтель, долгъ, добро само въ себѣ, доброе съ характеромъ безличности и всеобщности—все это выдумки, въ которыхъ выражается упадокъ, крайнее обезсиленіе жизни“ [4]) Нѣтъ грѣха въ метафизическомъ смыслѣ, какъ нѣтъ и добродѣтели [5]). Если говорятъ о добрѣ и злѣ, то это лишь „старое безуміе“, измышленіе прорицателей и звѣздочетовъ [6]), въ дѣйствительности же въ нихъ нѣтъ ничего реальнаго, это только „бѣгущія тѣни и ползущія облака“, по сравненію со всѣми другими вещами [7]). Но если такъ, то необходимо покончить съ заблужденіями и предразсудками, нужно разбить „старыя скрижали“, опрокинуть „старыя каѳедры“, съ которыхъ говорили о добромъ и зломъ, и явиться новому „познающему и созидающему“ и поставить новыя скрижали передъ человѣчествомъ [8]). Этимъ „познающимъ и созидающимъ“ Ницше счелъ себя самого и на себя принялъ задачу разбить старыя скрижали и поставить новыя на ихъ мѣсто. И здѣсь сразу Ницше очутился лицомъ къ лицу съ идеей Бога.

„Старыя скрижали“ имѣли, по вѣрѣ человѣчества, Божественное происхожденіе, и даже тѣ, которые не вѣрили,

---

[1]) „Воля къ власти“, § 253, стр. 88 рус. пер. [2]) „Такъ гов. Зар.“ стр. 187. [3]) Тамъ же, стр 99. [4]) „Antichrist“, § 11 B. VIII. Verl. v. Naumann, 1889 [5]) „Человѣческое, слишкомъ человѣческое“, 1, § 56, цитируется по русскому изданію „Московскаго Книгоиздательства“, т. III. [6]) „Такъ гов Зар.“, стр. 176. [7]) Тамъ же, 143 стр. [8]) Тамъ же, „о старыхъ и новыхъ скрижаляхъ“, стр. 171 и слѣд.

что заповѣди написаны въ сердцѣ человѣка Божіей рукой, вѣрили, все же, въ то, что добро—божественно. Ницше не могъ разбить „старыхъ скрижалей“, прежде чѣмъ не отвергнулъ вообще вѣры человѣчества въ Бога и въ міръ надземныхъ цѣнностей И въ этомъ своемъ отрицании Ницше строго послѣдователенъ и рѣшителенъ. Всюду онъ выставляетъ себя убѣжденнымъ атеистомъ, утверждаетъ, что вѣра въ Бога является признакомъ упадка, что въ наше время „неприлично вѣрить“ [1]), и что въ его глазахъ вѣра въ Бога и Божественное есть не только заблужденіе, но и преступленіе по отношенію къ жизни. „Мы отрицаемъ, говоритъ онъ, Бога, какъ Бога .. Если бы намъ доказали существованіе этого Бога христіанъ, то мы еще менѣе смогли бы увѣровать въ него“ [2]). И этотъ прямолинейный атеизмъ Ницше имѣетъ важное значеніе для его отношенія къ морали Исторія философіи знаетъ много именъ мыслителей, не признававшихъ существованія Бога и однако всѣми силами стремившихся утвердить значеніе моральныхъ оцѣнокъ. Ницше думаетъ и рѣшительно утверждаетъ, вмѣстѣ съ героями Достоевскаго, что если Бога нѣтъ, то „все позволено“, теряетъ всякій смыслъ рѣчь о добрѣ и злѣ въ себѣ, о долгѣ, авторитетѣ. „Понятіе о величайшемъ Богѣ порождало всегда величайшее чувство долга. Съ паденіемъ вѣры падало всегда и сознаніе долга. Атеизмъ есть полное уничтоженіе долга“ [3]). „Если человѣкъ отказывается отъ христіанской вѣры, онъ тѣмъ самымъ отказывается и отъ христіанской морали Эта истина не совсѣмъ понятна сама по себѣ. и потому ее приходится постоянно вдалбливать въ тупыя англійскія головы. Христіанство представляетъ изъ себя цѣлую систему, цѣлое замкнутое міровоззрѣніе Если мы отнимемъ изъ него его основное понятіе—вѣру въ Бога. то тѣмъ самымъ разрушимъ и всю систему . Христіанская мораль.. истина, если есть Богъ, она опирается на вѣру въ Бога и падаетъ вмѣстѣ съ нею“. [4]) Вмѣстѣ съ чувствами долга совершенно „отпадаетъ и чувство грѣха“, когда отпадаетъ представленіе о Богѣ [5]).

---

[1]) Antichrist, § 50. [2]) Тамъ же, § 47, рус. перев. Н. Н Полилова. [3]) „Происхожденіе морали“ 2-й отд., § 20, стр. 165 русск перев. Изд. Клюкина, т. IX. [4]) „Сумерки кумировъ“, русск. изд. Клюкина, т VI, стр. 113. [5]) Человѣческое, слишкомъ человѣкъ“. § 133.

Отрицаніе Бога—это первый рѣшительный ударъ, который Ницше наноситъ моральнымъ устоямъ человѣческой жизни. Съ этимъ отрицаніемъ неразрывно и естественно связывается также отрицаніе всѣхъ „надзвѣздныхъ идеаловъ", потусторонней жизни, добра и зла, лежащихъ „по ту сторону міра" Мысль о небѣ и жизни потусторонней для Ницше является такъ же, какъ и мысль о Богѣ, величайшимъ преступленіемъ по отношенію къ нашей жизни, и первымъ условіемъ правильнаго пути послѣдней является отказъ отъ мечтаній о надземныхъ мірахъ. „Я заклинаю васъ, мои братья, оставайтесь вѣрны землѣ и не вѣрьте тѣмъ, кто говоритъ вамъ о надземныхъ надеждахъ! Они отравители, все равно знаютъ ли они это или нѣтъ. Они презираютъ жизнь, эти умирающіе и сами себя отравившіе, отъ которыхъ устала земля: пусть погибнутъ они! Прежде хула на Бога была величайшей хулой, но Богъ умеръ и вмѣстѣ съ нимъ умерли и эти хулители. Теперь хулить землю самое высшее преступленіе, также какъ чтить сущность непостижимаго выше, чѣмъ смыслъ земли" [1]). „Приложимъ печать вѣчности къ нашей жизни! Эта мысль заключаетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ всѣ религіи, которыя презираютъ эту жизнь, какъ нѣчто скоропреходящее, и научаютъ обращать свой взоръ на какую-то другую неопредѣленную жизнь.. Эта жизнь—твоя вѣчная жизнь" [2]). „Оставайтесь вѣрны землѣ, братья мои.. не позволяйте вашей добродѣтели улетать отъ земного и биться крыльями о вѣчныя стѣны... Приводите, какъ я, улетѣвшую добродѣтель обратно къ землѣ,—да, обратно къ тѣлу и жизни; чтобы дала она свой смыслъ землѣ, смыслъ человѣческій" [3]).

Какой же это смыслъ? Ясно, что не иной, какъ чисто природный. Если нѣтъ ничего выше видимой природы, частью которой является человѣкъ, и если нѣтъ міра высшихъ духовныхъ цѣнностей, то идеаломъ человѣческаго развитія будетъ слиться съ природой, жить согласно съ ея началами. „Я говорю о „возвращеніи къ природѣ", хотя, въ сущности, это не возвращеніе, а возвышеніе себя до природы, до великой, свободной, даже внушающей ужасъ природы, которая игра-

[1]) „Такъ гов. Зар.", стр. 6. [2]) Посмерт. соч. „изъ эпохи Веселой науки", § 124, т. VIII, стр. 239 русск. изд. Клюкина. [3]) „Такъ гов Зар.", стр 63.

чтэ и смѣетъ играть великими задачами жизни“ [1]). Если до сихъ поръ во имя призрачной вѣры въ Бога и міръ моральныхъ цѣнностей философы постоянно говорили „нѣтъ“ видимому міру и клеветали на него, разсматривая міръ какъ нѣчто кажущееся; то теперь должно наступить иное время: нужно упразднить т. наз „истинный міръ“, упразднить высшія цѣнности, мораль. И „если тиранія прежнихъ цѣнностей будетъ сломлена, то самъ собою возникнетъ новый строй цѣнностей“ [2]). и мѣсто моральныхъ цѣнностей займутъ „исключительно натуралистическія цѣнности“ [3]).

Природа съ ея законами и природа самого человѣка съ ея индивидуальными различіями [4])—вотъ что пишетъ свои повелѣнія на новыхъ скрижаляхъ заповѣдей, это и есть та „позиція внѣ морали, по ту сторону добра и зла“ [5]), съ которой единственно возможна переоцѣнка прежнихъ цѣнностей. И критеріемъ цѣнности съ точки зрѣнія этой позиціи, является уже не добро или зло, которыхъ не вѣдаетъ природа, но сила и красота, какъ природныя начала жизни, при чемъ красота сама есть созданіе человѣческой творческой воли [6]). Въ послѣдней и выражается сила человѣка какъ прежде всего чувство власти. Сама жизнь есть „воля къ власти“ и нѣтъ въ жизни другихъ цѣнностей, кромѣ степени власти“ [7]). Поэтому на вопросъ: что хорошо? Ницше отвѣчаетъ: „все, что повышаетъ въ человѣкѣ чувство власти, волю къ власти, самую власть“ А „дурно“—все, что, „происходитъ отъ слабости“ [8]). Это чисто природная добродѣтель, и „всѣ добродѣтели суть физіологическія состоянія“ [9]) У природы „нѣтъ доброты, она не бываетъ неэгоистичной“ [10]), поэтому нельзя и учиться у нея этому качеству Въ природѣ есть, однако, источникъ эстетическихъ сужденій, которыя могутъ явиться основаніемъ и для новыхъ скрижалей добра. И когда мы отрицаемъ абсолютную истину и остаемся при одной

---

[1]) „Сумерки кумировъ“ стр. 157. [2]) „Воля къ власти“ § 461, стр. 210. [3]) Тамъ же, § 462, стр 211. [4]) „Пусть ваше Само отразится въ поступкахъ, какъ мать отражается въ ребенкѣ“. „Такъ гов. Зар.“, стр. 81. [5]) „Веселая наука“, стр. 273, русск. перев. Николаева, т. VII изд. Клюкина. [6]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 105. [7]) Воля къ власти“, стр. 40. [8]) Antichrist, § 2. [9]) „Воля къ власти“, § 255. [10]) Изъ эпохи „Веселой науки“, т. VIII, стр. 324.

видимости [1]), то должны вернуться къ эстетическому сужденію. И задача новой морали создать „полноту эстетическаго равноправнаго почитанія“ [2]). Съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакого основанія отрицать законность эгоистическихъ нашихъ стремленій, порицать и унижать ихъ Напротивъ, эгоизмъ это естественный и необходимый „перспективный законъ ощущенія, по которому все ближайшее кажется намъ большимъ и важнымъ, а съ удаленіемъ всѣ предметы теряютъ въ величинѣ и вѣсѣ“ [3]). Поэтому „ничего иного, кромѣ эгоизма, и быть не можетъ“, и „у людей, у которыхъ ego дѣлается слабымъ и жидкимъ, ослабляется сила великой любви... любовь есть выраженіе эгоизма“ [4]). „Богатство личности, переливающая черезъ край полнота внутренней жизни, инстинктивное чувство благосостоянія и самоподтвержденія—вотъ что составляетъ сущность великихъ жертвъ и великой любви. Сильная и божественная самость и есть та почва, на которой вырастаютъ.. стремленіе къ господству, расширеніе сферы вліянія личности, внутренняя увѣренность въ обладаніи правомъ на все“ [5]). Отсюда, основная заповѣдь новыхъ скрижалей есть заповѣдь о любви къ самому себѣ [6]), стремленіе руководиться въ жизни голосомъ своихъ инстинктивныхъ желаній и стремленій, проявлять въ жизни свое само въ возможной полнотѣ его обнаруженія [7]). Никакихъ внутреннихъ границъ этому стремленію жизни обнаруживаться во всей полнотѣ быть не можетъ съ паденіемъ понятій о добрѣ и злѣ, грѣхѣ и добродѣтели. Но внѣшнія границы неизбѣжно остаются не только въ видѣ природной ограниченности, но и ограниченія со стороны общества людей. Если по перспективному закону мироощущенія *я*—всегда больше всего другого и степень эгоизма выражаетъ степень любви къ себѣ, то для другихъ цѣнность этого личнаго эгоизма опредѣляется уже не степенью его только, но и тѣмъ, кому онъ принадлежитъ.

---

[1]) „Утверждать, что истина дороже видимости, значитъ—говоритъ Ницше—держаться моральнаго предразсудка“, „По ту сторону добра и зла“, § 34, стр. 53 русск. перев. Николаева, т. II, изд. Клюкина. [2]) Изъ эпохи „Веселой науки“, § 145 и 146, т. VIII, стр. 245—246. [3]) Веселая наука“, стр. 150. [4]) „Воля къ власти“, § 362. [5]) Тамъ же, § 378. [6]) „Такъ гов. Зар.“, 168 стр. и др. [7]) Тамъ же, стр. 81.

„Себялюбіе имѣетъ постольку значенія, поскольку физіологически цѣненъ человѣкъ, обладающій имъ: оно можетъ значить очень много, или не значить ничего и даже возбуждать презрѣніе. Мы должны обращать вниманіе на то, представляетъ ли собою каждый отдѣльный человѣкъ восходящую или нисходящую ступень жизни. Рѣшивъ это, мы рѣшимъ и вопросъ, какое значеніе имѣетъ его эгоизмъ. Если человѣкъ представляетъ восходящее направленіе линіи, то значеніе его чрезвычайно велико, и ради всей совокупной жизни міра, которая вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ шагъ впередъ, мы должны стараться изо всѣхъ силъ о сохраненіи и созданіи optimum жизненныхъ условій... Если же человѣкъ представляетъ нисходящее развитіе, упадокъ, хроническое вырожденіе, болѣзненность, то значеніе его не велико, и самая справедливость требуетъ, чтобы онъ какъ можно меньше отнималъ у людей восходящаго развитія, такъ какъ онъ не болѣе, какъ ихъ паразитъ“ [1]). Послѣдовательнымъ проведеніемъ этого принципа предполагается, какъ норма человѣческихъ отношеній, неравенство людей. „Такъ говоритъ во мнѣ моя справедливость: „люди не равны. И они не должны быть равны“. [2]) „Равенство, выразившееся въ теоріи о равноправности, представляетъ, въ сущности, признакъ упадка. Бездна между людьми и сословіями, многообразіе типовъ воли, самостоятельности и желанія стать выше—однимъ словомъ все то, что я называю „паѳосомъ разстоянія“ характеризуетъ, наоборотъ, любую эпоху силы“ [3]). Поэтому, „нѣтъ болѣе тяжкаго несчастья во всѣхъ человѣческихъ судьбахъ, какъ если самыя сильные земли не суть также и первые люди Тогда все становится лживымъ, кривымъ и чудовищнымъ“ [4]). Только наиболѣе одаренные люди имѣютъ право на красоту и прекрасное [5]), такъ какъ и сами они составляютъ красоту міровой жизни, поднимаясь надъ толпою подобно вьющемуся вокругъ дуба растенію, которое, опираясь на дерево, перерастаетъ его и распускается пышнымъ цвѣткомъ, красуясь своимъ счастьемъ.

Отсюда, изъ такого взгляда на природное неравенство людей и вытекаетъ та жестокость Ницше, которая, обык-

---

[1]) „Сумерки кумировъ“, т. 6 русск. изданія Клюкина, стр. 134—135. [2]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 86, 109. [3]) „Сумерки кумировъ“, стр. 142—143. [4]) „Такъ гов. Зар.“, 217 стр. [5]) Antichrist, § 57.

новенно, такъ подчеркивается. Это чисто физіологическая жестокость, а не моральная. Если цѣнность человѣка опредѣляется его одаренностью и жизнеспособностью, то сильные и прекрасные имѣютъ въ тысячу разъ больше права на жизнь, а слабые и неудачные—или очень мало, или совершенно не имѣютъ такого права. „Не надо желать быть врачомъ неизлечимыхъ“ [1]), они должны исчезнуть [2]). „О, мои братья, развѣ я жестокъ? Но я говорю: что падаетъ, нужно еще толкнуть“ [3]). „Почему вы такіе мягкіе, такіе уступчивые, такіе податливые? Почему такъ много отреченія въ сердцѣ вашемъ? И если вы не хотите быть твердыми и неумолимыми: какъ могли бы вы вмѣстѣ со мною побѣждать? Новую скрижаль, о братья мои, ставлю я надъ вами: будьте тверды [4])

Эта жестокость Ницше, какъ я уже сказалъ, есть попытка приложить къ сферѣ человѣческихъ отношеній тѣ неумолимые законы, какіе царятъ въ мірѣ природной необходимости. Природа не знаетъ жалости и состраданія, и однако она „не безнравственна, когда безъ состраданія относится къ дегенератамъ“. Наоборотъ, ростъ зла въ человѣческомъ родѣ есть слѣдствіе именно болѣзненной чувствительности, которая противоестественна и поэтому безнравственна [5]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что найденъ новый масштабъ оцѣнки человѣческихъ поступковъ и отношеній. „Я не отрицаю—говоритъ Ницше,—что многихъ поступковъ, называемыхъ безнравственными, надобно избѣгать. Я не отрицаю, что слѣдуетъ дѣлать и требовать, чтобы дѣлали многое изъ того, что называется нравственнымъ. Но то и другое должно стоять на иной почвѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ“ [6]). И мы знаемъ уже, что этой иной почвой должна явиться оцѣнка человѣческой жизни съ точки зрѣнія проявленія въ ней природныхъ началъ *силы* и *красоты*. Въ проповѣди законности господства въ мірѣ этихъ началъ Ницше видѣлъ свое *новое* слово и съ точки зрѣнія ихъ отрицалъ прежнія моральныя цѣнности. Критикѣ послѣднихъ посвящено много мѣста въ сочиненіяхъ Ницше, и критика эта носитъ нерѣдко крайне заостренный, фанатическій

---

[1]) „Такъ гов Зар.“, 181 стр. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, стр. 183. [4]) Тамъ же, стр. 188—189. [5]) „Воля къ власти“, § 52 [6]) „Утренняя заря“, § 54, стр. 40, т. III, русск. изд. Клюкина.

характеръ, какъ сознавалъ это и самъ философъ [1]). Если пока не говорить объ ожесточенныхъ его нападкахъ на христіанство, о чемъ рѣчь дальше, то отрицаніе Ницше міра прежнихъ моральныхъ цѣнностей выразилось, какъ въ фокусѣ, въ борьбѣ Ницше съ началомъ сострадания, признаваемаго основой нравственной жизни въ философской системѣ Шопенгауэра. Вслѣдъ за послѣднимъ, Ницше увидѣлъ въ состраданіи воплощеніе всего того, что считалось нравственно цѣннымъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, и потому при своихъ нападкахъ на старую мораль Ницше имѣлъ въ виду прежде всего чувство состраданія и цѣлью своей ставилъ развѣнчать это чувство изъ моральной нормы въ противоестественный инстинктъ.

Послѣ того, что было сказано нами о новомъ критеріи цѣнности жизни у Ницше, должно быть совершенно несомнѣнно, что жалость и состраданіе не могли быть написаны на новыхъ скрижаляхъ заповѣдей. Природа не знаетъ жалости, она равнодушна и къ горю, и къ радости людской, спокойная и величавая въ своей красотѣ. И если прежняя мораль видѣла въ жалости и добротѣ собственно человѣческія цѣнности, возвышающія жизнь людей надъ міромъ природнаго равнодушія, то новая мораль должна была увидѣть въ добротѣ и жалости, именно въ силу ея внѣприродной качественности, противоестественное начало жизни, вносящее въ нее разладъ и внутреннюю порчу.

„Сколько вижу я доброты, столько слабости“ [2]). „Надо сдерживать свое сердце . Ахъ, гдѣ въ мірѣ совершалось больше безумія, какъ не среди сострадательныхъ? И что въ мірѣ причиняло больше страданія, какъ не безуміе сострадательныхъ? Горе всѣмъ любящимъ, у которыхъ нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ состраданіе ихъ“ [3]). „Состраданіе, если оно дѣйствительно порождаетъ страданія, есть слабость, оно увеличиваетъ страданіе въ мірѣ“ [4]). Но если такъ, то состраданіе является „вреднымъ для моральнаго здоровья паразитомъ: не можетъ быть обязанности, предписывающей увеличивать на свѣтѣ количество страданій“ [5]). Какъ видимъ, здѣсь состраданіе обезцѣнивается съ психологической

---

[1]) „Предисловіе“ къ дополненіямъ къ „Утренней Зарѣ“, т. III, стр. 251. [2]) „Такъ гов. Зар“, стр. 147. [3]) „Такъ гов. Зар.“, 76 стр. [4]) „Утренняя заря“, стр. 70. [5]) „Воля къ власти“, § 368

точки зрѣнія, какъ ослабляющее душу сострадающаго и увеличивающее страданіе въ мірѣ. Но есть еще и чисто физіологическая точка зрѣнія, ясно показывающая негодность состраданія, какъ нормы жизни, изъ его вреднаго вліянія на самый типъ человѣческой жизни. Хотя нельзя отрицать, что „иногда вслѣдствіе состраданія облегчается или уничтожается страданіе“ [1]), но, въ цѣломъ, его назначеніе не поддерживать жизнь, а разрушать ее. „Ту добродѣтель, о которой еще Шопенгауэръ училъ, какъ о высшей, единственной и основной добродѣтели, именно ее, это состраданіе, призналя болѣе опасной, чѣмъ любой порокъ“ [2]).

„Состраданіе. дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ Состраданіемъ еще увеличивается и усложняется убыль въ силѣ, наносимая жизни страданіемъ. Само страданіе дѣлается заразительнымъ черезъ состраданіе... Вотъ первая точка зрѣнія. Но есть еще и болѣе важная. Если измѣрять состраданіе цѣнностью реакцій, которыя оно обыкновенно вызываетъ, то опасность его для жизни еще яснѣе Состраданіе противорѣчитъ закону развитія, который есть законъ подбора. Оно поддерживаетъ то, что̀ должно погибнуть, оно встаетъ на защиту обездоленныхъ и осужденныхъ жизнью. Поддерживая въ жизни неудачное всякаго рода..., состраданіе отрицаетъ жизнь, дѣлаетъ ее достойной отрицанія. Повторяю: этотъ угнетающій и заразительный инстинктъ уничтожаетъ тѣ инстинкты, которые исходятъ изъ поддержанія и повышенія цѣнности жизни: умножая бѣдствія и охраняя все бѣдствующее, оно является главнымъ орудіемъ decadence'a... Нѣтъ ничего болѣе нездороваго среди нашей нездоровой современности, какъ.. состраданіе. Здѣсь быть врачомъ, здѣсь быть неумолимымъ, здѣсь дѣйствовать ножомъ,— это надлежитъ намъ, это нашъ родъ любви къ человѣку, съ которой живемъ мы—философы, мы—гипербореи“ [3]).

Такова вторая, рѣшающая для жизни, точка зрѣнія, съ которой состраданіе должно быть осуждено. Наконецъ есть и третья, въ узкомъ смыслѣ моральная, въ которой также состраданіе не является чѣмъ либо возвышенно-благороднымъ, какъ не лишенное начала своекоры-

---

[1]) „Утр. заря“, стр. 70. [2]) „Воля къ власти“, § 54. [3]) Antichrist, § 7, переводъ В. Флеровой.

стія, чѣмъ такъ восторгался Шопенгауэръ. Нѣсколько странно слышать упреки со стороны Ницше состраданію въ эгоизмѣ страдающаго и сострадающаго, но нужно замѣтить, что здѣсь нѣтъ непосредственнаго противорѣчія основному принципу Ницше, но послѣдовательное примѣненіе его физіологическихъ критеріевъ: страдающій долженъ понимать, что онъ не имѣетъ права на состраданіе, долженъ подавлять свой эгоизмъ, стоять выше своего страданія. Точно также и сострадающій, если онъ является такимъ лишь потому, что хочетъ избѣжать страданія, также является въ своемъ эгоизмѣ слабымъ и недостойнымъ. Съ этой точки зрѣнія, думается мнѣ, Ницше и возмущается „эгоизмомъ“ состраданія Онъ полагаетъ, что со стороны страдающаго эгоизмъ выступаетъ какъ желаніе причинить боль другимъ, черезъ это проявить свое значеніе въ жизни и въ страданіи другихъ найти нѣкоторое своеобразное удовольствіе [1]). А въ дѣйствіяхъ сострадательнаго эгоистическая подкладка обнаруживается не только въ томъ, что „исполняя дѣло состраданія мы избавляемся только отъ того страданія, которое испытывается исключительно нами“, но и въ томъ также, что въ это же время мы ищемъ удовольствія, какъ отъ сознанія преимущества своего положенія, своей силы, отъ ожидаемыхъ похвалъ окружающихъ, такъ и отъ другихъ, болѣе тонкихъ ощущеній [2])

Итакъ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія состраданіе представляется Ницше выраженіемъ упадка жизни и потому должно быть безповоротно осуждено. И когда Ницше ожесточенно нападалъ на состраданіе, то онъ считалъ, что борется не съ Шопенгауэромъ только, но со всею областью морали, являющейся выраженіемъ христіанской любви. Этимъ прежде всего и объясняется то преувеличенное положеніе, какое занимаетъ въ творчествѣ Ницше критика имъ начала состраданія Поэтому о другихъ „добродѣтеляхъ“, сравнительно съ состраданіемъ, онъ говоритъ мало, хотя ясно, конечно, что его отношеніе къ нимъ не могло быть инымъ, какъ рѣзко отрицательнымъ, если только „добродѣтели“ не находили основы въ эгоистической „самости“ человѣка (напримѣръ, minimum аскетическаго воздержанія [3]) или же въ

[1]) „Человѣч, сл. челов.“, § 50 [2]) „Утренняя заря“, § 81, стр. 67—69.
[3]) „Происхожденіе морали“, т. IX, стр. 186.

прямыхъ требованіяхъ физическаго благосостоянія рода. Но такъ какъ вообще „добродѣтелью“ именно и называлось всегда нѣчто специфически—человѣческое, отличавшее и, по вѣрѣ моралистовъ, возвышавшее человѣка надъ міромъ природной и животной необходимости, то Ницше, съ точки зрѣнія своихъ критеріевъ, обезцѣниваетъ всякую добродѣтель. Такъ, напримѣръ, любовь глупа, когда, обладая рогомъ изобилія, изъ него раздаетъ свои блага всякому, даже если онъ ихъ не заслуживаетъ [1]). „Прощеніе“—удѣлъ слабыхъ и разочарованныхъ [2]) „Смиреніе“ и „терпѣніе“ — привычка рабовъ [3]) „доброта“ — безсиліе; „кротость — трусливая низость“ [4]) и т д.

Такимъ образомъ міръ прежнихъ моральныхъ цѣнностей человѣчества оказался безповоротно осужденнымъ Ницше. Всѣ эти цѣнности, послѣ провѣрки ихъ съ точки зрѣнія новыхъ критеріевъ, оказались не только требующими переоцѣнки, но и положительно заслуживающими осужденія: онѣ на пути человѣческаго развитія являются не благопріятствующими такому развитію факторами, но, напротивъ, препятствіями, ведущими ко внутренней „порчѣ“ человѣчества чрезъ отклоненіе его отъ нормальной жизни, согласной съ природными началами. И Ницше думалъ, что эта „порча“ уже глубоко проникла въ сферу человѣческихъ отношеній, что въ современномъ намъ обществѣ гуманность достигла огромныхъ размѣровъ Если это не всегда ощущается нами, то именно это лучше всего свидѣтельствуетъ о силѣ такого вліянія гуманныхъ началъ [5]). Въ наши дни уже открылось „небесное царство нищихъ духомъ“ [6]), и человѣчество идетъ не вверхъ, не по пути прогресса, но внизъ по наклонной плоскости, къ совершенному упадку: „все идетъ внизъ и внизъ, все становится слабымъ, уступчивымъ, разсудительнымъ, спокойнымъ, умѣреннымъ, все идетъ къ китайщинѣ: человѣкъ — это несомнѣнно — становится все „добрѣе“, „лучше“. Въ этомъ зловѣщій рокъ Европы“ [7]). И сознавъ это, почувствовавъ сердцемъ всю боль за человѣчество и всю силу отвращенія къ тому ложному пути, по которому оно

[1]) „Челов., сл. челов.“, § 69. [2]) „Воля къ власти“, § 81. [3]) „Такъ гов. Зар.“, стр 166. [4]) „Происхожденіе морали“, т IX, стр. 124. [5]) „Воля къ власти“ § 63. [6]) Тамъ же, § 94. [7]) „Происхожденіе морали“, т. IX, стр. 121

дошло до такой степени паденія, Ницше задается высокой цѣлью указать человѣчеству ошибочность того пути, какимъ оно шло до настоящаго времени и показать новый путь къ лучшему будущему.

Мы уже, отчасти, видѣли, какъ Ницше занимается, говоря его терминологіей, „химіей моральныхъ переживаній“ и на какомъ основаніи признаетъ ихъ внутренно враждебными жизни. Теперь остается невыясненнымъ вопросъ, какимъ же ужаснымъ по степени заблужденія путемъ должно было идти до сихъ поръ человѣчество, чтобы дойти до такой степени упадка и обожествить такія начала жизни, которыя разрушаютъ ее въ самомъ основаніи? Отвѣтъ Ницше на этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе для насъ, что рѣшающее значеніе въ этомъ процессѣ постепеннаго извращенія моральныхъ цѣнностей усвояется христіанской проповѣди. Въ „Происхожденіи морали“ и въ „По ту сторону добра и зла“ Ницше въ яркихъ краскахъ рисуетъ весь тотъ п у т ь, какимъ, по его представленію, пришло человѣчество къ современному моменту глубокаго упадка.

Какъ я сказалъ уже, по Ницше человѣчество не представляетъ собою развитія къ лучшему, или сильнѣйшему, или къ высшему, какъ въ это до сихъ поръ вѣрятъ.

„Прогрессъ“ есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея“ [1]). Правда, и теперь „въ единичныхъ случаяхъ, на различныхъ территоріяхъ земного шара и среди различныхъ культуръ удается проявленіе того, что фактически представляетъ собою высшій типъ“ [2]). Но теперь это лишь случайность. Въ прошломъ жизнь была совершеннѣе, а относительно будущаго предстоитъ задача сдѣлать, чтобы это природное совершенство прошлаго явилось примѣромъ для выработки высшаго человѣческаго типа.

Итакъ, прежде всего, въ прошломъ жизнь была совершеннѣе, и исторія достаточно опредѣленно, думаетъ Ницше, рисуетъ намъ эту жизнь, близкую къ природному совершенству, хотя еще далеко не полную въ выраженіи всей сложности человѣческихъ отношеній. „Дѣлая обзоръ болѣе тонкихъ и болѣе грубыхъ моралей—говоритъ Ницше,—я

---

[1]) Antichrist, § 3. [2]) Тамъ же, § 4.

нашелъ.. два главныхъ типа и одно основное различіе. Есть мораль господствующихъ и мораль рабовъ.

Различеніе моральныхъ цѣнностей устанавливается либо господствующимъ родомъ... или оно слагается среди подчиненныхъ, рабовъ. Въ первомъ случаѣ, когда господствующіе устанавливаютъ понятіе „хорошо“, возвышенныя, гордыя состоянія души принимаются за отличіе... Такая мораль есть возвеличеніе себя. На первомъ планѣ стоитъ чувство полноты власти, которая стремится перелиться черезъ край, счастье высокаго напряженія, сознанія своего богатства. Вѣра въ себя, гордость самимъ собою, вражда и иронія по отношенію къ самоотреченію опредѣленно относится къ благородной морали“ [1]).

Благородные всегда и консерваторы, такъ какъ преклоняются передъ происхожденіемъ и предками. Самымъ же характернымъ въ морали владыкъ является то, что они признаютъ обязанности только въ отношеніи равныхъ себѣ; въ отношеніи же лицъ низшаго ранга благородный находится „внѣ добра и зла“ и можетъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Въ противоположность этому мораль рабовъ опредѣляется ихъ психологіей слабости и подвластности.

Они не могутъ цѣнить и преклоняться предъ тѣмъ, что радуетъ сильнаго и могущественнаго. Напротивъ, получаютъ цѣнность свойства, могущія облегчить существованіе слабыхъ и страдающихъ: „тутъ воздается хвала состраданію, готовности помочь, терпѣнію, усердію, кротости... Мораль рабовъ по существу—мораль полезности. Тутъ очагъ для противоположенія „добра“ и „зла“ [2]). Хотя численный перевѣсъ и могъ быть на сторонѣ слабыхъ, и рабовъ всегда было больше, чѣмъ владыкъ, но сила, отвага и одаренность послѣднихъ дѣлали то, что знатная каста всегда была законодательницей, и былъ счастливый вѣкъ аристократическихъ оцѣнокъ. Это было нормально и согласно съ разумомъ, такъ какъ лучшіе и сильнѣйшіе были владыками и законодателями. Правда, эта мораль владыкъ лежала большимъ гнётомъ на низшихъ и подчиненныхъ. Эти аристократы,

---

[1]) „По ту сторону добра и зла“, стр. 222—224. [2]) „По ту сторону добра и зла“, стр 224—226.

обнаруживавшіе въ отношеніи равныхъ себѣ „самообладаніе, вѣрность, предупредительность, гордость, дружбу",—эти самые люди въ отношеніи не равныхъ обнаруживаютъ совершенно другія свойства, „становятся не лучше хищныхъ звѣрей, ведя позади себя ужасную свиту убійствъ, пожаровъ, насилія, пытокъ" и дѣлая все это „съ гордостью и душевнымъ равновѣсіемъ, какъ будто бы совершена простая шалость" [1]). Добрымъ для аристократа было все то, что онъ считалъ такимъ и прежде всего сами аристократы: „мы—сильные, мы—хорошіе, мы—красивые, мы—прекрасные". Такова было по мнѣнію Ницше знать всѣхъ древнихъ народовъ: „римская, арабская, германская, японская знать, таковы гомеровскіе герои и скандинавскіе викинги... Смѣлость благородныхъ расъ безумная, безразсудная, безрасчетная, легкомысленная, ихъ наслажденіе въ разрушеніяхъ, ихъ сладострастное упоеніе побѣдой и жестокостью—все это было характерной чертой аристократа, дѣлавшаго его варваромъ, злымъ врагомъ, вандаломъ" въ глазахъ тѣхъ, кто терпѣлъ „шалости" господъ [2]). Вѣдь, слабые, неудачные не могли, естественно, любить знатныхъ и сильныхъ, подобно тому какъ ягнята не любятъ большихъ хищныхъ птицъ. Но какъ „нелѣпо обвинять большихъ хищныхъ птицъ за то, что они таскаютъ ягнятъ", такъ точно не было ничего возмутительнаго и въ практикѣ сильныхъ, такъ какъ ихъ сила не могла не проявляться въ видѣ желанія низвергнуть, побѣдить, господствовать [3]). И тотъ „паѳосъ разстоянія", который отдѣлялъ знатныхъ отъ рабовъ и позволялъ первымъ свысока смотрѣть на низшихъ, онъ и являлся необходимымъ условіемъ выработки повышенія типа „человѣкъ", постоянно поддерживая въ аристократіи „стремленіе внутри самой души къ выработкѣ все болѣе высокихъ, рѣдкихъ, далёкихъ состояній" [4]).

Итакъ, царили сильные, они же законодательствовали. Масса рабовъ создавала благопріятныя условія для развитія силы и повышенія человѣческаго типа. Человѣчество, говоря иначе, находилось на правильномъ пути своей жизни. И

---

[1]) „Происхожденіе морали" т. IX, стр. 118. [2]) „Происхожденіе морали", т. IX, стр 114—119. [3]) Тамъ же, стр. 121—122. [4]) „По ту сторону добра и зла" т. II, стр. 218—219, § 257.

однако, несмотря на это, т. е. несмотря на естественность господства въ мірѣ аристократическихъ оцѣнокъ, являющихся залогомъ истиннаго прогресса жизни, въ самыхъ отношеніяхъ моралей владыкъ и рабовъ были заложены сѣмена неизбѣжной борьбы двухъ міропониманій и возможности внутренней порчи человѣчества. Очагомъ этой борьбы прежде всего являлась противоположность оцѣнокъ жизни владыкъ и рабовъ. Въ то время, какъ мораль сильныхъ выростаетъ изъ того, что побѣдоносно говоритъ „да“ самому сильному, мораль рабовъ говоритъ „нѣтъ“ всему, что выше ихъ, и въ этомъ отрицаніи—творчество рабовъ [1]). Рабскія цѣнности, такимъ образомъ, чисто нигилистическія, выросшія изъ одного отрицанія морали владыкъ: если въ послѣдней храбрость—здѣсь трусость; если тамъ честность и прямодушіе, здѣсь лживость и скрытность; тамъ гордость, здѣсь смиреніе; тамъ месть, здѣсь прощеніе. Но какъ бы то ни было, рабы на почвѣ своихъ отношеній къ господамъ создали свою мораль, свои цѣнности: „добръ—каждый, кто не причиняетъ насилія, кто никого не оскорбляетъ, кто не нападаетъ, кто не отплачиваетъ за зло, кто предоставляетъ отмщеніе Богу“ [2]). Конечно, съ точки зрѣнія Ницше, это—горькое существованіе, это—мудрость низшаго свойства, самообманъ, который позволяетъ слабости казаться свободой, подчиненности—заслугой“ [3]). Но и на сторонѣ рабовъ были своего рода преимущества во всегда готовой вспыхнуть борьбѣ двухъ міроощѣнокъ. Это прежде всего „великое число“ рабовъ, а затѣмъ та „разсудительность“ натуры скрытной и выдержанной, которая легко могла имѣть преимущество передъ открытой, благородной, но вспыльчивой и невыдержанной натурой аристократа. Но все же этотъ постоянный очагъ борьбы могъ бы тлѣть тысячелѣтія, не разгораясь во всеистребляющій пожаръ до тѣхъ поръ, пока сильные оставались сильными, пока самихъ сильныхъ не коснулась внутренняя порча. Но это случилось, и орудіями этой порчи явилась среди сильныхъ каста жрецовъ, а среди народовъ—народъ іудейскій.

Каста жрецовъ—аристократическая, и первоначально ея оцѣнки не могли быть иными, чѣмъ аристократическими.

---

[1]) „Происхожденіе морали“, стр. 114—115 [2]) Тамъ же, 123. [3]) Тамъ же.

Но въ самой профессіи жреца лежалъ соблазнъ измѣны аристократическому знамени. Если „война, приключенія, охота, танцы и вообще все сильное, свободное веселье“ составляло залогъ силы и счастья аристократа, то жрецамъ оказывалось „плохо, когда дѣло доходило до войны“ [1]). „Въ жреческихъ аристократіяхъ съ самаго начала бываетъ нѣчто нездоровое... Вспомнимъ, напр., о предписываемыхъ имъ діэтахъ, постахъ, о бѣгствѣ въ пустыню; прибавимъ сюда вообще всю метафизику жрецовъ съ ея враждою къ чувственному, съ ея проповѣдью лѣни... У жрецовъ всё становится опаснымъ: и великодушіе, и месть, и распущенность, и властолюбіе“ и тѣ „могучія физіологическія страсти“, которыя лежатъ въ основѣ аристократическихъ оцѣнокъ [2]). Жрецы, благодаря этому, въ средѣ самихъ благородныхъ являлись носителями оцѣнокъ, отчасти приближавшихся къ рабскимъ, и жрецы прежде всего могли объединить рабовъ въ ихъ борьбѣ съ господами. И эту войну дѣйствительно объявилъ владыкамъ „народъ жрецовъ“ — іудеи. Именно іудеи отмстили своимъ врагамъ и повелителямъ „местью духовной“—радикальной переоцѣнной ихъ цѣнностей. „Съ замѣчательнымъ успѣхомъ выступили они противъ аристократическаго отожествленія оцѣнокъ, въ силу которыхъ ихъ повелители считали равнозначущими понятія „хорошій“, „знатный“, „могущественный“, „красивый“, „счастливый“, „возлюбленный Богомъ“, установивъ вмѣсто этого новый принципъ: „только несчастные—хорошіе люди, только бѣдные, слабые, низкіе—хорошіе люди; только страдающіе, нищіе, больные, уроды—благочестивые, блаженные люди. А вы—благородные, сильные, вы—злые, жестокіе, чувственные, ненасытные, безбожные, вамъ во вѣкъ не будетъ блаженства, вы навѣки прокляты... Съ евреевъ началось возстаніе рабовъ въ морали, то возстаніе, которое въ теченіе тысячелѣтій шло къ побѣдѣ... Изъ ствола іудейской ненависти, самой глубокой и захватывающей, создающей идеалы, производящей переоцѣнки.. выросла новая любовь, самая глубокая и самая захватывающая любовь... Эта любовь выросла изъ мести.. Эта любовь, несшая счастье и побѣду бѣднымъ, больнымъ, грѣшнымъ...—не была ли она обольще-

---

[1]) „Происхожденіе морали“ стр. 111—112. [2]) Тамъ же.

ніемъ въ самой страшной формѣ, не достигъ ли Израиль въ лицѣ этой заповѣди... своей послѣдней цѣли—отмщенія сильнымъ? Къ чему говорить объ идеалахъ силы! Покоримся фактамъ: народъ побѣдилъ, „рабы", „чернь", „толпа", или называйте это, какъ хотите,—но фактъ тотъ, что побѣдили іудеи" [1]). Евреи—„самый замѣчательный народъ" въ мировой исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ „самый роковой народъ": своимъ вліяніемъ они настолько извратили человѣчество, что еще теперь христіанинъ можетъ сознавать себѣ анти-іудеемъ, не понимая того, что онъ есть послѣдній логическій выводъ юдаизма [2]). Первоначально, во времена царей, и Израиль стоялъ ко всѣмъ вещамъ въ правильномъ отношеніи. Его Іегова былъ выраженіемъ сознанія власти, радости, надежды на себя, въ немъ ожидали побѣды и спасенія... Народъ выше всего цѣнилъ образъ царя—хорошаго солдата и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго судію [3]). Но когда не осталось мѣста иллюзіямъ, когда стало ясно, что „старый Богъ ничего болѣе не могъ изъ того, что могъ Онъ ранѣе", то жрецы измѣнили о Немъ понятіе и стали въ Богѣ указывать всемогущаго судію, въ счастьи народа учили видѣть Божію награду за исполненіе Его заповѣдей, а въ несчастьи—наказаніе за нечестіе. Жрецы же создали какой-то неизмѣнный нравственный міропорядокъ, являющійся, будто-бы, выраженіемъ Божіей воли... Жрецъ обезцѣниваетъ природу, лишаетъ ее святости: этой цѣной онъ существуетъ вообще, такъ какъ во всѣхъ естественныхъ событіяхъ народной жизни, какъ-то: рожденіи, бракѣ, болѣзни, жертвѣ, смерти являлся „священный паразитъ" якобы для того, чтобы „освятить" все это, возвести къ чему-то вышеземному, лишить все естественности. Все естественное: удача, сила, красота, самоутвержденіе противоставлялось волѣ Божіей, жрецы требовали повиновенія измышленнымъ цѣнностямъ, а неповиновеніе объявляли грѣхомъ [4]).

На такой-то іудейской почвѣ „выросло христіанство, самая острая форма вражды къ реальности, какая только до сихъ поръ существовала" [5]). Христіанство, по мнѣнію Ницше, „можно понять единственно въ связи съ той

---

[1]) Происхожденіе морали" стр. 112—114 [2]) Antichrist, § 24. [3]) Тамъ же, § 25. [4]) Тамъ же. [5]) Antichrist, § 27

почвой, на которой оно выросло,—оно не есть движеніе, враждебное іудейскому инстинкту, оно есть его послѣдовательное развитіе... по формулѣ Искупителя: „спасеніе приходитъ отъ іудеевъ“ [1]). Христосъ взялъ отъ іудейства его вѣру, его жреческія оцѣнки, его отрицаніе всякой реальности и силы, но сказалъ послѣднее слово въ этомъ отрицательномъ направленіи: Онъ отрицалъ самый „святой народъ“, самый „избранный народъ“, „самую іудейскую реальность“ и въ томъ числѣ прежде всего всѐ, что было жрецомъ и богословомъ въ іудействѣ—послѣдній остатокъ аристократіи въ народѣ [2]). Этотъ „святой анархистъ“ Своими рѣчами вызвалъ на противодѣйствіе господствующему классу низшій народъ, народъ изгнанныхъ и грѣшныхъ, паріевъ внутри іудейства,—рѣчами, которыя и теперь еще могли бы довести до Сибири. Іисусъ отвергалъ всякое насиліе въ борьбѣ со врагами и до смерти остался вѣренъ Своему ученію о непротивленіи злому—этому „ключу Евангелія“ Проповѣдь Христа есть благая вѣсть о томъ, что найдена истинная жизнь, вѣчная жизнь, какъ жизнь въ любви. Каждый есть дитя Божіе, и въ этомъ смыслѣ каждый равенъ каждому. Царство небесное принадлежитъ дѣтямъ. Вѣра въ него не пріобрѣтается завоеваніемъ, но напротивъ, такъ вѣрующій не гнѣвается, не осуждаетъ, не обороняется. Вѣра эта „не нуждается въ доказательствахъ ни чудомъ, ни наградой и обѣщаніемъ, ни даже писаніемъ: она сама всякое мгновеніе есть свое чудо, своя награда, свое доказательство, свое „царство Божіе“ [3]). Это царство Христосъ называетъ „внутреннимъ“, по существу чуждымъ всякому насилію и обладанію. И самъ Христосъ жилъ, какъ училъ. Въ наслѣдство человѣчеству Онъ оставилъ не только ученіе, но и практику, Свое „поведеніе передъ судьями, палачами, обвинителями и всякаго рода клеветой и насмѣшкой—Свое поведеніе на крестѣ. Онъ не сопротивляется, не защищаетъ Своего права, Онъ не дѣлаетъ ни шагу, чтобы отвратить отъ Себя самую крайнюю опасность... Онъ молитъ, Онъ страдаетъ, Онъ любитъ съ тѣми, которые дѣлаютъ Ему зло“ [4]). Въ сущности, думаетъ Ницше, былъ одинъ только христіанинъ—

---

[1]) Тамъ же, § 24. [2]) Тамъ же, § 27. [3]) Antichrist, § 32, перев Флеровой [4]) Тамъ же, § 33—34, перев. Флеровой

Христосъ, и Онъ умеръ на крестѣ. Евангеліе умерло на крестѣ. Это потому, что христіанство—практика, а не вѣра. Послѣдующее христіанство отошло отъ Евангелія настолько, насколько оно основано на вѣрѣ. На вѣрѣ во что? На вѣрѣ въ самого Христа, а не въ Его практику или ученіе. Когда судьба Евангелія была рѣшена, и оно было распято на крестѣ, то эта позорная смерть Христа поставила передъ Его учениками вопросъ: „кто Онъ былъ? что это было?". Всплыло на верхъ самое не евангельское чувство—чувство мести. Смерть Іисуса Христа объявили жертвой за грѣхи міра, самого Христа назвали Божіимъ Сыномъ и въ Немъ указали Судію живыхъ и мертвыхъ Создается представленіе о Царствѣ Божіемъ, какъ будущемъ и небесномъ, о небесномъ блаженствѣ и „безстыдное ученіе" о личномъ безсмертіи [1]). Христіанство, такимъ образомъ, пережило эволюцію, перешло въ новую форму міропониманія, и больше всѣхъ въ этомъ случаѣ потрудился ап. Павелъ. Ненависть къ нему со стороны Ницше—особенно горячая. Павелъ, по Ницше „жидъ въ особенности", „вѣчный жидъ". Онъ сдѣлался плотью и геніемъ гнѣва паріевъ противъ Рима, противъ міра вообще. Онъ угадалъ, что при помощи символа „Богъ на крестѣ" можно суммировать въ одну чудовищную власть все только мятежное [2]). Для Павла не нужна была жизнь Спасителя, даже Его смерть, но прежде всего Его воскресеніе: „если Христосъ не воскресъ, то вѣра наша тщетна". Жизненный центръ тяжести переносится въ жизнь потустороннюю. „Жить такъ, чтобы не было больше смысла жить,—это становится теперь смысломъ жизни" [3]). Каждый, какъ безсмертная душа, былъ равенъ каждому, и это безсмертіе, признаваемое за каждымъ Петромъ и Павломъ явилось величайшимъ посягательствомъ на аристократію человѣчества [4]). А „Богъ на крестѣ"! Неужели до сихъ поръ еще непонятенъ истинный смыслъ этого символа? Всё, что страдаетъ, что на крестѣ—божественно! Христіанство объявило смертельную войну высшему типу человѣчества, оно отреклось отъ основныхъ инстинктовъ этого типа, взяло сторону всѣхъ

---

[1]) Antichrist, §§ 39—41. [2]) Тамъ же, § 58. [3]) Тамъ же, §§ 42—43 [4]) § 43.

слабыхъ. больныхъ, неудачниковъ; оно внесло порчу въ самый разумъ духовно сильныхъ натуръ, такъ какъ научило ихъ чувствовать высшія духовныя цѣнности какъ грѣховныя, какъ и с к у ш е н і я [1]). Христіанское понятіе о Богѣ самое извращенное, какое только существовало на землѣ. „Если все сильное, доблестное, властное, гордое устраняется изъ понятія „Богъ", если Онъ шагъ за шагомъ спускается до символа посоха для усталыхъ, якоря спасенія для всѣхъ тонущихъ, если Онъ становится Богомъ бѣдныхъ, Богомъ грѣшниковъ, Богомъ больныхъ, и предикатъ „Спаситель" какъ бы остается Божескимъ предикатомъ" [2]), то это христіанское понятіе о Богѣ „представляетъ собою мѣрило глубины нисходящаго развитія божескаго типа" [3]). Сильныя расы сѣверной Европы не оттолкнули отъ себя христіанскаго Бога и за то на нихъ легло проклятіе: „они впитали во всѣ свои инстинкты болѣзненность, дряхлость, противорѣчіе, они уже не создали болѣе съ тѣхъ поръ никакого Бога! Почти уже два тысячелѣтія, и ни одного новаго Божества!" [4])

И такому понятію о Богѣ вполнѣ отвѣчалъ взглядъ христіанства на ч е л о в ѣ к а. Если греки въ свои богахъ боготворили и идеализировали себя, то христіанство, своимъ ученіемъ о Богѣ напротивъ „совершенно раздавило и сломило человѣка, какъ бы погрузило его въ глубокую тину" [5]). Христіанство стоитъ въ противорѣчіи со всякой удачливостью, оно нуждается только въ больномъ разумѣ [6]), есть съ самаго начала движеніе всего негоднаго и вырождающагося Христіанство направило инстинктъ больныхъ противъ здоровыхъ, и такъ какъ оно не было національно, то всюду имѣло своихъ союзниковъ, и численность получила господство [7]). Христіанство побѣдило, но эта побѣда явилась величайшимъ несчастіемъ для человѣчества [8]), такъ какъ была побѣдой слабаго и низкаго надъ сильнымъ и благороднымъ и неизбѣжно вела къ ухудшенію типа европейской расы, когда христіанство упорно стремилось спасти и поддержать все то, что должно было погибнуть [9]). Эта христіанская „практика" „перевернула всѣ цѣнности вверхъ ногами". Разбила

---

[1]) Antichrist. § 5. [2]) Тамъ же, § 17, перев Н. Полилова. [3]) Тамъ же, § 18. [4]) § 19. [5]) „Человѣч. сл. челов." § 114. [6]) Antichrist, § 52. [7]) Antichrist, § 51. [8]) Тамъ же [9]) Тамъ же, § 7

сильныхъ, сдѣлала хилыми великія надежды, надломила все самовластное, мужественное, превратила естественную любовь къ землѣ и къ власти надъ землей въ ненависть къ землѣ и всему земному [1]). Вѣра въ „правдиваго Бога“ уничтожила искусство [2]), а созерцаніе въ мысли страданій Христа создало вмѣсто радостнаго ипохондрическое настроеніе въ человѣчествѣ [3]). Христосъ не любилъ смѣха, Онъ объявилъ „горе смѣющимся нынѣ“ и этимъ призналъ радость за величайшій грѣхъ [4]). Сознаніе грѣховности отягчаетъ сердца людей, дѣлаетъ ихъ больными духовно. И это не случайность въ христіанствѣ, но именно христіанскій путь къ побѣдѣ. Только сдѣлавши человѣка слабымъ и больнымъ, можно было сдѣлать его изъ дикаго звѣря прирученнымъ животнымъ—прямая задача христіанской цивилизаціи [5]). И путемъ къ этому была проповѣдь въ церкви аскетическаго идеала. Съ точки зрѣнія послѣдняго „чѣмъ здоровѣе, сильнѣе, богаче, плодотворнѣе, предпріимчивѣе себя чувствуетъ человѣкъ, тѣмъ онъ безнравственнѣе“ [6]). Самая жизнь разсматривается съ точки зрѣнія ея отношенія къ совершенно другому міру и бытію, играетъ роль только моста къ какой-то другой жизни. Воля къ власти въ аскетизмѣ получаетъ самое извращенное направленіе въ стремленіи къ господству не надъ чѣмъ-нибудь въ жизни, но надъ самою жизнью, надъ самыми глубокими, основными условіями жизни. Здѣсь осуждается красота, успѣхъ, радость и, наоборотъ, доставляетъ своеобразное удовольствіе самоосужденіе, лишеніе, самопожертвованіе [7]). И въ этомъ случаѣ аскетическій идеалъ глубоко враждебенъ всему благородному въ жизни. Опорочивая здоровье, успѣхъ, красоту, онъ утѣшаетъ этимъ всѣхъ лишенныхъ благъ міра, является путемъ спасенія и сохраненія вырождающейся жизни, передъ которой ставитъ новую цѣль и новую оцѣнку жизни: аскетическій идеалъ представляетъ всѣ другіе интересы мелкими и узкими, сравнительно съ нимъ. Аскетическій жрецъ съ помощью хитрости, съ помощью измышлен-

---

[1]) „По ту сторону добра и зла“, § 62, стр 86—87 рус. перев. [2]) „Рожденіе трагедіи“, т. I, стр. 29—30 руск пер., изд „Моск. Книгоизд“. [3]) „Человѣч, сл. челов.“, § 47. [4]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 260 руск пер [5]) Antichrist, § 22. [6]) „Воля къ власти“, § 395. [7]) „Происхожденіе морали“, т IX, стр 190—192 руск перев.

ныхъ понятій о духѣ, грѣхѣ, винѣ, искупленіи вступилъ въ борьбу съ хищными звѣрями—природнымъ человѣкомъ и достигъ своей цѣли, создалъ новую сцену въ человѣческой исторіи: куда ни взглянешь—всюду взоръ грѣшника, отыскиваніе вины въ себѣ, нечистая совѣсть, всюду самоистязаніе, сокрушеніе, страхъ, раскаяніе. При всей своей жизневраждебности, аскетическій идеалъ пріобрѣлъ громадную власть надъ человѣкомъ, давая разъясненія смысла жизни и истолковывая фактъ страданій; самую волю человѣка этотъ идеалъ доводилъ до высочайшаго напряженія въ ея стремленіи къ „ничто", когда воля оставалась силой, но уже ведущей къ разрушенію жизни [1]). Вся христіанская мораль представляется Ницше проникнутой этимъ аскетическимъ идеаломъ, и, слѣдовательно, противоположной всему дѣйствительно цѣнному. Въ христіанской морали нѣтъ ничего истинно высокаго и благороднаго, но, напротивъ, все—низко, нечистоплотно, все—рабство. Самую любовь христіанство извратило, лишивъ ее естественной основы въ жизни и направивъ ее въ сторону самоотреченія въ то время, какъ всякая любовь по природѣ эгоистична [2]). Безстрастная мораль христіанства хочетъ невозможнаго, она хочетъ вырвать самый корень жизни: „вырывать страсти съ корнемъ значитъ вырывать самую жизнь" [3]). Напротивъ, при развитіи идеаловъ мы не должны отказываться отъ страстей, но должны только найти для нихъ возвышенную форму [4]). Эта „противоестественность" христіанской морали является источникомъ фальши въ ней, какъ особенно ясно это открывается изъ христіанскаго взгляда на любовь, когда, лишивъ ее естественныхъ корней въ эгоизмѣ, христіанство вовсе обезцѣнило ее своимъ ученіемъ о небесной наградѣ, сообщило ей самый низкій корыстный характеръ.

Любовь къ человѣку ради Бога, по мнѣнію Ницше, это самое благородное чувство, какого достигало человѣчество [5]), но вѣра въ небесную награду вовсе обезцѣниваетъ это чувство. „Надъ вами, вы, добродѣтельные, смѣялась сегодня моя красота.. Вы хотите, чтобы вамъ заплатили! Хотите

---

[1]) Тамъ же, стр. 192—233. [2]) „Воля къ власти", § 362; „Веселая наука", т. VII, стр. 48—50 руск. пер. [3]) „Сумерки кумировъ", т. 6. стр 79, руск. пер. [4]) „Утренняя заря", т. III, стр. 264 руск. пер. [5]) „По ту сторону добра и зла" § 60, стр. 82 русск. пер.

получить плату за добродѣтель, небо за землю, вѣчность за ваше сегодня?.. Вы любите вашу добродѣтель, какъ мать любитъ дитя; но когда же слыхано было, чтобы мать хотѣла платы за свою любовь?“ [1]). И если высшее безкорыстіе любви связываютъ съ самоотреченіемъ, то и здѣсь психологическій анализъ открываетъ ложь, показывая скрытое стремленіе къ величію въ проявленіи самоотреченія. Нѣкоторые люди испытываютъ столь сильную потребность проявлять свое могущество и властолюбіе, что — за отсутствіемъ другихъ объектовъ — начинаютъ тиранизировать... самихъ себя. Это разрушеніе самого себя, эта насмѣшка надъ своей собственной природой есть, собственно, лишь весьма высокая ступень тщеславія. Вся мораль нагорной проповѣди принадлежитъ сюда“ [2]). То же тщеславіе сквозитъ и въ христіанскомъ ученіи о радости Бога по случаю обрѣтенія грѣшника [3]), и самыя идеи вины и грѣховности служатъ къ повышенію самочувствія у слабыхъ и бездарныхъ, ставя передъ ними безконечно высокіе идеалы [4]) и ослѣпляя свѣтомъ божественнаго милосердія [5]). Такими же „фальшивыми“ и противоестественными представляются Ницше и другія христіанскія добродѣтели, противоположныя качествамъ сильной и здоровой натуры. Такъ, смиреніе противоположно гордости, этому ключу могучей души [6]). Проповѣди христіанствомъ цѣломудрія Ницше противоставляетъ восхваленіе сладострастія [7]). Осуждая проповѣдь непротивленія злу, Ницше выставляетъ принципы: пріятнѣе брать, чѣмъ давать [8]), „пріятнѣе обижать, чѣмъ быть обиженнымъ“ [9]), и совѣтуетъ проклинающихъ не благословлять, но „немного проклясть“ [10]).

Мнѣ еще придется болѣе подробно остановиться на отрицательномъ отношеніи Ницше къ отдѣльнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ, общая же точка зрѣнія его на христіанство, думается, ясна теперь, и понятна вся та ненависть, какую возбуждаетъ эта религія въ Ницше. Своею проповѣдью о потусторонней жизни и самоотреченіи хри-

---

[1]) „Такъ гов. Зар.“ стр. 79. [2]) „Челов, сл. челов.“, § 137. [3]) Воля къ власти, § 283. [4]) „Челов, сл. челов.“, § 141. [5]) Тамъ же. § 114. [6]) „Такъ гов. Зар. “, „о неравномъ злѣ“, стр 164—167 [7]) Тамъ же, [8]) Тамъ же, стр. 160 [9]) „Челов., сл. челов.“, § 348. [10]) „Такъ гов. Зар.“ стр. 55.

стіанство оклеветало міръ и жизнь въ немъ, по мнѣнію философа, и привило человѣчеству на мѣсто здоровыхъ физіологическихъ инстинктовъ нездоровые инстинкты самозащиты слабыхъ и погибающихъ. Если бы цѣлью культурной исторіи являлось то, чтобы дѣлать человѣка слабымъ и прирученнымъ животнымъ, то христіанство, конечно, достигло своей цѣли, такъ какъ человѣкъ становится „всѣ добрѣе и лучше". Но насколько это „прирученіе" соединено съ ослабленіемъ воли въ человѣкѣ и подавленіемъ въ немъ высшихъ условій жизненнаго развитія, настолько царство Божіе на землѣ есть зеленое счастіе пастбищъ, а Заратустра „не долженъ быть пастухомъ и собакою стада" [1]) Въ своемъ процессѣ постепеннаго смягченія нравовъ, разслабленія воли, отрицанія жизненныхъ цѣнностей исторія христіанскаго человѣчества, въ глазахъ Ницше, не только не есть прогрессивное движеніе человѣчества къ совершенству, но напротивъ, эта исторія представляется стыдомъ и позоромъ [2]), а христіанство явленіемъ великой порчи человѣческой жизни. „Я осуждаю, говоритъ Ницше, христіанство, я выдвигаю противъ христіанской церкви страшнѣйшее изъ всѣхъ обвиненій, какія только когда-нибудь бывали на устахъ обвинителя... По моему это есть высшее изъ всѣхъ мыслимыхъ извращеній... Христіанская церковь ничего не оставила нетронутымъ въ своей порчѣ, она обезцѣнила всякую цѣнность, изъ всякой истины она сдѣлала ложь, изъ всего честнаго душевную низость. Осмѣливаются еще говорить мнѣ объ ея гуманитарныхъ благословеніяхъ!.. Паразитизмъ... единственная практика церкви, высасывающая всю кровь, всю любовь, всю надежду на жизнь своимъ идеаломъ блѣдной немочи и „святости"; по-ту-стороннее, какъ воля къ отрицанію всякой реальности; крестъ, какъ знакъ принадлежности къ самому страшному заговору, какіе когда либо бывали,- заговору противъ здоровья, красоты, удачливости, смѣлости; противъ самой жизни... Я называю христіанство великимъ проклятіемъ, великой внутренней порчей.., я называю его безсмертнымъ, позорнымъ пятномъ человѣчества" [3]).

Таковъ взглядъ Ницше на происхожденіе и сущность нравственной проповѣди христіанства. Побѣда послѣдняго

[1]) Стр 15. [2]) „Такъ гов. Зар", стр. 74. [3]) Antichrist, § 62, перев. Флеровой

надъ Римомъ была моментомъ окончательнаго совращенія человѣчества съ праваго пути жизни, а наше время есть время полнаго господства упадочной морали. Короткая блестящая „эпоха возрожденія“ явилась на мигъ пробужденіемъ въ мірѣ классическаго идеала, принципа оцѣнки сильныхъ и благородныхъ. Самъ Римъ двигался, какъ привидѣніе, какъ возставшій отъ сна мертвецъ. Но вскорѣ затѣмъ Іудеи справили тріумфъ въ чисто простонародномъ движеніи, именуемомъ реформаціей [1]). Эпоха Ренессанса, по Ницше, представила яркое зрѣлище воскресенія старыхъ боговъ, а Цезарь Борджіа на папскомъ престолѣ являлся символомъ самаго уничтоженія христіанства. „Но что случилось? Нѣмецкій монахъ Лютеръ пришелъ въ Римъ, Этотъ монахъ, со всѣми мстительными инстинктами обездоленнаго жреца, поднялъ возмущеніе въ Римѣ противъ Renaissance'а... Лютеръ снова возстановилъ церковь, онъ ухватился за нее, и эпоха Ренессанса осталось явленіемъ безъ смысла, вѣчнымъ „напрасно“ [2]). Еще болѣе торжественный тріумфъ побѣды надъ классическимъ идеаломъ Іудеи справили во время французской революціи „Христіанскій динамитъ“ въ ученіи о равенствѣ душъ сдѣлался современной идеей, проникъ въ народное сознаніе, такъ что самый соціалистическій идеалъ представляется Ницше тѣмъ же христіанскимъ идеаломъ, только плохо понятымъ [3]). „Кого ненавижу и больше всего изъ современной сволочи?—спрашиваетъ Ницше. Соціалистическую сволочь, апостоловъ чандалы, подрывающихъ инстинктъ, охоту, чувство удовлетворенности рабочаго съ его маленькимъ бытіемъ“... [4]) Ненависть Ницше, такимъ образомъ, направляется не только на христіанство, но и вообще на современное человѣчество, на тотъ міръ идей, какимъ оно живетъ, и который сложился подъ вліяніемъ христіанства. Человѣкъ въ извращенности своей теперешней культуры представляется Ницше не только не высшимъ типомъ по сравненію съ первобытнымъ человѣчествомъ, но хуже своего родоначальника—обезьяны [5]), и современный человѣкъ есть „болѣзнь земли“ [6]). Великое отвращеніе

---

[1]) „Происхожденіе морали“, т. IX. стр 128. [2]) Antichrist, § 61, перев. Флеровой [3]) „Воля къ власти“, § 340. [4]) Antichrist, § 57, перев. Н. Полилова. [5]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 6. [6]) Тамъ же, стр. 113

къ человѣку душило меня [1]). „какъ бѣденъ человѣкъ, какъ безобразенъ.., какъ полонъ скрытаго позора! Мнѣ говорятъ, что человѣкъ любитъ себя самого: ахъ, какъ велико должно быть это себялюбіе!“ [2]). Современный человѣкъ представляется Ницше уродомъ, какимъ-то кускомъ человѣка, но не цѣлымъ человѣкомъ [3]). „Настоящее и прошлое на землѣ— ахъ! друзья мои, это и есть самое невыносимое для меня, и я не могъ бы жить, если бы не былъ провидцемъ того, что̀ должно придти“ [4]). Спасаетъ Ницше, такимъ образомъ, отъ совершеннаго отчаянія вѣра въ возможность свѣтлаго будущаго для человѣчества, вѣра въ сверхчеловѣка, какъ осуществленіе природнаго совершенства. Въ своемъ ученіи о сверхчеловѣкѣ Ницше выступилъ во всеоружіи поэтическаго таланта, и это ученіе является въ то же время раскрытіемъ того положительнаго идеала, который служитъ завершеніемъ философскаго творчества Ницше

Послѣ того, что было сказано по поводу критики христіанскаго идеала со стороны Ницше, естественно было бы ожидать, что его идеалъ, какъ идеалъ природнаго совершенства, не будетъ дѣйствительно имѣть ничего общаго съ тою психологической и мистической почвой, на какой утверждается христіанство; что начало вѣры, надежды и любви, такъ насмѣшливо и грубо отвергаемыя проповѣдникомъ сверхчеловѣческаго совершенства [5]), не должны даже называться въ скрижаляхъ новой морали, и послѣдняя должна оставаться на твердой почвѣ позитивной науки, когда говоритъ о будущемъ человѣчествѣ. Но на дѣлѣ не такъ, и вся рѣчь Ницше о сверхчеловѣкѣ, какъ смыслѣ и цѣли человѣческой жизни, вся рисуемая имъ картина новаго строительства человѣческой культуры въ мірѣ, все это утверждается также на вѣрѣ, надеждѣ и любви, и притомъ вовсе не обоснованныхъ научно, но только уже на вѣрѣ не въ Бога, но въ человѣка, въ надеждѣ на его преображеніе въ будущемъ и на любви къ этому далекому человѣку, къ землѣ дѣтей нашихъ, къ вѣчному возвращенію жизни на землѣ.

Какъ было отмѣчено, Ницше столь низко оцѣниваетъ современнаго человѣка, что лишь одно презрѣніе могло бы

---

[1]) Тамъ же, стр. 193. [2]) Тамъ же, стр. 236. [3]) „Такъ гов Зар.“ стр. 120. [4]) Тамъ же, стр. 120. [5]) Antichrist, § 23.

явиться естественнымъ чувствомъ въ отношеніи къ нему со стороны „познающаго“. Но Ницше находитъ источникъ утѣшенія въ надеждѣ на существенное измѣненіе въ будущемъ человѣческаго типа, въ вѣрѣ въ присущую и современному человѣчеству способность стремиться къ лучшему, превзойти самого себя [1]). Разъ Бога нѣтъ, а старые боги, изобрѣтенные человѣкомъ, умерли [2]), то теперь остается надежда на самого человѣка, на его царство на землѣ. „Къ сверхчеловѣку лежитъ мое сердце.. Если что я могу любить въ человѣкѣ, такъ это только то, что онъ есть переходъ и уничтоженіе“ [3]). Сверхчеловѣкъ—смыслъ земли и ея оправданіе: „грязный потокъ“ современный человѣкъ, но и великое презрѣніе къ нему можетъ потонуть въ томъ морѣ, которое есть сверхчеловѣкъ. Человѣкъ нашихъ дней единственно и важенъ тѣмъ, что онъ есть „мостъ“ къ сверхчеловѣку [4]), и вечеръ теперешняго человѣка будетъ утренней зарей новаго [5]). Будущее человѣчество, сверхчеловѣкъ—это то дитя современнаго человѣчества, которому должна быть отдана вся любовь и вся теплота человѣческаго сердца. Всякія „обязанности“ въ отношеніи къ „ближнему“, любовь къ нему являются „добродѣтелями маленькихъ людей“ [6]). Нужно „смотрѣть дальше“ и приносить ближняго, какъ и себя самого, въ жертву великому будущему [7]), такъ какъ любовь къ ближнему есть лишь дурная любовь къ себѣ самому. Наоборотъ, безконечно высока любовь къ „дальнему“, къ „будущему“ [8]). „Страну вашихъ дѣтей должны вы любить: эта любовь да будетъ вашимъ новымъ аристократизмомъ,—страну еще не открытую, лежащую въ самыхъ далекихъ моряхъ... Своими дѣтьми должны вы искупить то, что вы дѣти своихъ отцовъ, все прошлое должны вы спасти этимъ путемъ! Эту новую скрижаль ставлю я „надъ вами“ [9]). Должна явиться „новая аристократія“ въ человѣчествѣ, а современные люди должны быть „сѣятелями будущаго“ [10]) Покаяніе и забота о личномъ спасеніи должны быть забыты [11]), но, напротивъ, всё, что теперь считается злымъ, должно соединиться, чтобы родилась истина [12]).

---

[1]) „Такъ гов Зар“, стр. 5 [2]) Тамъ же, стр. 65. [3]) Тамъ же, стр 254. [4]) „Такъ гов Зар“, стр 7—8 [5]) Стр. 173 [6]) Стр. 258. [7]) Утренняя Заря, стр. 78—79, § 94. [8]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 49. [9]) Стр. 178. [10]) Стр 177. [11]) „Челов. сл челов“ § 27 [12]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 175.

Должно наступить, „царство человѣка“, долженъ придти „нашъ великій случай и онъ не можетъ не придти [1]) Далека ли еще эта даль? что мнѣ до этого! Она отъ этого не менѣе твердо стоитъ для меня“ [2])... На деревѣ будущаго вьемъ мы гнѣздо свое [3]), насъ влечетъ вверхъ въ царство облаковъ, царство боговъ и сверхчеловѣка [4]) И началомъ, одухотворяющимъ жизнь теперяшняго человѣка, должна явиться эта всеохватывающая любовь къ далекому будущему, къ вѣчности. И въ прорицаніи будущаго, и въ разрушеніи и осмѣяніи всего настоящаго, и въ творчествѣ для будущаго, и въ плаваніи по безпредѣльному морю жизни, и въ полетахъ на собственныхъ крыльяхъ въ собственныя небеса—всюду одно начало проникаетъ душу—любовь къ вѣчности [5]), и любовь эта утверждается на вѣрѣ въ „вѣчное возвращеніе“: „все идетъ, все возвращается; вѣчно вращается колесо бытія.. Все погибаетъ, все вновь устрояется; вѣчно строится тотъ же домъ бытія... вѣчно остается вѣрнымъ себѣ кольцо бытія... Центръ—всюду, кривая—путь вѣчности“ [6]) Въ этой вѣрѣ въ вѣчное возвращеніе источникъ для Ницше величайшей опасности отчаянія въ сознаніи того, что и теперешній человѣкъ никогда не исчезаетъ съ міровой картины, но въ то же время и послѣдній лучъ надежды, что въ этомъ круговоротѣ бытія возможны дивныя превращенія и проявленія сверхчеловѣческаго могущества и красоты. „Великое отвращеніе къ человѣку душило меня.., смертельно усталая печаль... говорила: вѣчно возвращается человѣкъ, отъ котораго усталъ ты, маленькій человѣкъ... Ахъ, человѣкъ вѣчно возвращается, маленькій человѣкъ вѣчно возвращается.. Это было возвращеніе мое ко всякому существованію“ [7]). Но не отвращеніе только, но и надежда „учителя вѣчнаго возвращенія“, какъ называетъ себя Ницше: „безсмертна минута, когда я позналъ возвращеніе. Ради этой минуты я переношу возвращеніе“ [8]). Что же утѣшительнаго могъ найти Ницше въ такомъ ученіи, которое способно только наполнять душу совершеннымъ отчаяніемъ, отрицать всякую разумную цѣль жизни, всякую рѣчь объ ея прогрессѣ? Можетъ показаться страннымъ, но

[1]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 211. [2]) „Такъ гов. Зар “, стр. 211. [3]) Стр. 83. [4]) Стр. 110. [5]) Стр. 202—205. [6]) Стр. 192. [7]) „Такъ гов. Зар “, стр. 192—194. [8]) „Приложенія къ Заратустрѣ. „Вѣчное возвращеніе“, т. IX, стр. 89.

именно это все приводитъ Ницше въ восторгъ отъ его открытія „Уничтожены всѣ цѣли, говоритъ онъ.., уничтожены всѣ условія для прежнихъ цѣлей.. Я вижу нѣчто страшное: хаосъ въ ближайшемъ, все въ вѣчномъ теченіи и измѣненіи“ [1]). Но именно это совершенное безсиліе природы создать что либо новое и побуждаетъ человѣка создать свою цѣль, творить ради достиженія этой, созданной имъ цѣли. Это единственная цѣль: жить и творить. Единственное счастье— творить.. Мы создадимъ существо, мы всѣ примемъ участіе въ этомъ, мы всѣ хотимъ зачать его, мы будемъ любить его,—и въ этомъ наша честь и слава... Человѣчество должно поставить себѣ цѣль, но не въ чужомъ мірѣ, а въ своемъ продолженіи... создать сверхчеловѣка, заставить всю природу имѣть цѣлью насъ [2]). Ницше нисколько не скрываетъ отъ себя, что его сверхчеловѣкъ есть лишь идея, плодъ поэтической фантазіи, осуществленіе которой въ жизни явится такой же „глупой“ случайностью или необходимостью, какъ и все остальное. Но жить передъ лицомъ этой идеи и такого сознанія и есть величайшее мужество того, кто „видитъ бездну, но съ гордостью смотритъ въ нее“ [3]). Эта „бездна“ и есть ученіе о вѣчномъ возвращеніи. Только при такомъ взглядѣ на міръ можно полюбить его и жизнь не ради чего либо иного, но ради нихъ самихъ, ради того процесса безпрерывнаго творчества,—пусть и постоянно повторяющагося,—какое и составляетъ дѣйствительное содержаніе жизни: каждый человѣкъ долженъ являться творцомъ своей жизни. Высшей надеждой его будетъ его же мысль, а самъ онъ—царемъ жизни. „Ваша любовь къ жизни да будетъ вашей высшей надеждой; а этой высшей надеждой пусть будетъ высшая мысль о жизни“ [4]). Въ настоящее время этой мыслью является „убѣжденіе“, что человѣкъ долженъ быть „превзойденъ“, т. е. мысль о сверхчеловѣкѣ [5]). Но жить этой надеждой не значитъ еще вѣровать въ самого Ницше или сверхчеловѣка [6]), п ч смыслъ жизни — въ личномъ творчествѣ, и во что отольется въ будущемъ мысль объ идеалѣ—и судить нельзя въ наше „переходное“ время:

---

[1]) Тамъ же, „Сверхчеловѣкъ“, т. IX, стр. 72—73. [2]) Тамъ же стр. 73—75. [3]) „Такъ гов. Зар.“, стр. [4]) Тамъ же, стр. 37. [5]) Тамъ же [6]) Тамъ же стр. 64.

„мы живемъ во время междуцарствія и лучше всего будемъ дѣлать, если будемъ сами себѣ господами“ [1])

Таковъ, въ общемъ, положительный идеалъ Ницше—въ образѣ сверхчеловѣка. Это не новое твореніе, но продолженіе человѣка, однако безмѣрно его превосходящее; это не надземный идеалъ, но чисто земной, однако сообщающій послѣдней печать вѣчности; это, быть можетъ, и призрачный идеалъ, но самой красотой своей онъ можетъ воодушевить человѣка на любовь къ нему. Тонъ Ницше въ рѣчи о сверхчеловѣкѣ торжествующій, это, дѣйствительно, какъ бы дѣтище его, которымъ онъ гордится и которому радуется, и какъ корабль въ открытомъ морѣ бодро разсѣкаетъ его волны, волны вѣчнаго возвращенія въ мірѣ. Только рѣдко, очень рѣдко въ Заратустрѣ мы можемъ ясно убѣдиться, что эта веселая бодрость Ницше не могла заставить его забыть весь ужасъ, скрывающійся въ понятіи безцѣльнаго возвращенія, и что эту шумную радость въ дѣйствительности превосходило тайное горе и отчаяніе пловца въ открытомъ морѣ, знающаго, что берега нѣтъ, или что всё равно до него не доплыть Но объ этой тайной печали проповѣдника радости жизни я скажу въ свое время нѣсколько словъ, а теперь закончу изложеніе взгляда Ницше на совершенство человѣческой жизни краткой характеристикой нравственнаго облика его сверхчеловѣка.

Уже изъ отрицательнаго отношенія Ницше къ христіанскому идеалу несомнѣнно слѣдуетъ, что „человѣкъ“ Ницше долженъ по своему нравственному образу представлять противоположность типу христіанина. Этотъ человѣкъ, какъ и человѣкъ будущаго—атеистъ прежде всего. Несомнѣнная реальность для него, что боги умерли, и если есть еще Богъ, такъ это—самъ человѣкъ; если что божественно въ мірѣ такъ это—видимая природа, частью которой является человѣкъ Затѣмъ, какъ мы видимъ, для Ницше ясно то, что если нѣтъ вѣры въ Бога, то нелѣпо говорить и о какомъ бы то ни было непреходящемъ добрѣ. Поэтому въ понятіе „сверхчеловѣка“ входитъ также полная свобода отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ. „Много цѣпей наложено на человѣка... и страдаетъ онъ отъ того,

[1]) „Утренняя заря“, § 382, стр. 199.

что такъ долго носилъ цѣпи... Цѣпями этими служили ему тяжелыя, глубокомысленныя, нравственныя, мистическія и метафизическіи заблужденія“ [1]). Пришло время сбросить эти цѣпи, время свободы духа. Это полная „свобода духа“, которой, конечно, достоинъ только облагороженный человѣкъ. Только такой человѣкъ смѣетъ сказать, что живетъ для радости и что у него нѣтъ никакой цѣли. Только тогда исполнится слово Евангелія, что на землѣ — миръ и въ людяхъ—благоволеніе [2]). Для такого атеиста и аморалиста хорошо все то, что повышаетъ чувство силы, чувство радости, жизненной полноты. Для современнаго человѣка онъ—будущій человѣкъ—можетъ казаться хищнымъ звѣремъ или чудовищемъ. Но это просто поэтому, что сами теперешніе люди только безсильные „ягнята“, не могущіе разстаться съ прежними моральными оцѣнками. „Сверхчеловѣкъ“ ко всему относится съ „великимъ презрѣніемъ“, и къ тому, что считается въ мірѣ счастьемъ, и къ тому, что называется добродѣтелью [3]). „Сверхчеловѣкъ“ любитъ жизнь, но не боится также и гибели, а даже ищетъ ее [4]). Онъ идетъ обособленной отъ толпы дорогой созидающаго на высокую гору и съ высоты своей смѣется надъ всякой трагедіей сцены и жизни [5]) Онъ не знаетъ другого закона, кромѣ проявленія своего „Само“ [6]) „Сверхчеловѣкъ“—храбръ и мужественъ [7]), онъ—великій ненавистникъ [8]), но онъ настолько же и гордится своимъ врагомъ, насколько ненавидитъ [9]). Онъ самъ создаетъ цѣль своей жизни и ея цѣнность [10]), онъ правдивъ [11]), твердъ душой [12]), высокомѣренъ [13]), свободенъ отъ труда [14]), жертвуетъ, но не изъ состраданія, а отъ избытка своего [15]); жестокъ [16]), но и великодушенъ [17]) Трудъ—позоръ для благороднаго [18]), но онъ имѣетъ право на трудъ и жизнь другихъ, такъ какъ самъ онъ смыслъ земли, ея красота и высшій смыслъ: „Главное въ хорошей и здоровой аристократіи то, что она чувствуетъ себя не функціей, а с м ы с л о м ъ и высшимъ оправданіемъ;—что она со спокойной

---

[1]) „Скиталецъ и его тѣнь“, § 350, русск перев. изд. Клюкина, т. 5, стр. 356. [2]) Тамъ же, стр. 357. [3]) „Такъ гов. Зар“, стр. 6—8. [4]) Тамъ же. [5]) Такъ гов. Зар.“, стр. 12 [6]) Ibid, стр. 81. [7]) Стр. 135 [8]) Стр. 8 [9]) Стр 184. [10]) Стр 121. [11]) Стр. 175 [12]) Стр 189. [13]) „Посмертные афоризмы“, т IX, стр 6. [14]) Тамъ же стр. 9. [15]) Стр. 31. [16]) Стр. 39. [17]) Стр. 37. [18]) „Происхожденіе морали“, т. IX, стр. 188.

совѣстью принимаетъ жертву безконечнаго количества людей, которые ради нея должны быть принижены до положенія несовершенныхъ людей, рабовъ, орудій. Главная вѣра ея должна заключаться въ томъ, что общество .. лишь подмостки и остовъ. на которомъ избранный родъ существъ долженъ подниматься къ высшимъ задачамъ своимъ, къ болѣе высокому бытію: такъ же какъ стремящіяся къ солнцу ползучія растенія на Явѣ—ихъ называютъ „Sipo Matador,—которыя вѣтвями своими до тѣхъ поръ обнимаютъ дубъ, пока. наконецъ. высоко надъ нимъ и опираясь на него. не распространятъ свой вѣнецъ подъ яркими лучами солнца, давая окружающимъ любоваться своимъ счастьемъ“ [1]).

Въ этомъ образѣ лучше всего выражена сущность сверхчеловѣческаго идеала Ницше, и этимъ я закончу изложеніе началъ его этики. Изложеніе мое, конечно, далеко не полно, такъ какъ меня интересовала больше критика Ницше христіанскаго ученія, чѣмъ проповѣдь самого философа Но все же моимъ желаніемъ было представить его жизнепониманіе съ возможной отчетливостью, точностью и въ связной системѣ, насколько это возможно безъ ущерба основамъ творчества Ницше. Теперь я перехожу къ основной задачѣ своихъ чтеній—къ критической оцѣнкѣ сказаннаго Ницше о христіанствѣ.

---

[1]) „По ту сторону добра и зла“, § 258, стр. 220.

*„Сынъ Божій Іисусъ Христосъ не былъ „да“ и „нѣтъ“, но въ немъ было „да“... и въ немъ „аминь“. 2 Кор. I, 19—20.*

## II.

Если посмотрѣть на философію Ницше въ ея цѣломъ и по сравненію съ христіанскимъ жизнепониманіемъ, то, безспорно, самымъ храктернымъ въ этой философіи является атеизмъ Ницше и его аморализмъ, причемъ, какъ уже было отмѣчено, идея добра неразрывно связывается въ представленіи Ницше съ идеей Бога. Атеизмъ, поэтому, можно считать первоосновой и взгляда Ницше на нравственный идеалъ, и этотъ атеизмъ, какъ мы видѣли, проведенъ философомъ съ полной прямолинейностью и даже ожесточенностью. Въ его философіи отрицаніе Бога является не какимъ-либо выводомъ изъ основъ міровоззрѣнія, но это отрицаніе само по себѣ, какъ фактъ, не требующій и доказательствъ, полагается въ основу исканія новаго взгляда на жизнь. Идея Бога для Ницше есть та идея, даже слабое вѣяніе которой грозитъ неминуемымъ разрушеніемъ и его міросозерцанію въ цѣломъ, и каждой части его въ отдѣльности. Отсюда понятна эта острая враждебность философа къ идеѣ Бога и къ началу вѣры въ Него, это постоянное возвращеніе къ разъ отвергнутому, постоянныя попытки все вновь и вновь высмѣять религіозную вѣру, представить ее въ видѣ какого-то общечеловѣческаго бреда. До какихъ крайностей доходилъ въ этомъ случаѣ Ницше хорошо извѣстно. Но эта самая страстность, эта безудержность отрицанія въ извѣстномъ смыслѣ выгодно отличаетъ Ницше отъ тѣхъ единомышленниковъ философа въ отрицаніи вѣры въ Бога, типъ, которыхъ мы видимъ во многихъ представителяхъ чисто позитивнаго міро-

пониманія. Тамъ отрицаніе Бога разсматривается какъ выводъ изъ такихъ будто бы безспорныхъ положеній, что не остается мѣста какой бы то ни было страстности, даже просто вниманію, а вся сила полагается въ логическомъ обоснованіи невозможности или ненужности вѣры въ Бога И когда считаютъ, что это доказано, то дѣлается видъ, будто однимъ предразсудкомъ въ жизни стало меньше и только, а по существу ничто не измѣнилось Для Ницше это не такъ. Для него представляется одинаково ненужнымъ и невозможнымъ какъ доказывать, что Богъ есть, такъ и то, что его нѣтъ. Вмѣсто доказательствъ признается за несомнѣнный фактъ, что Бога во внѣмірномъ смыслѣ не существуетъ, но этотъ фактъ разсматривается не какъ какое-то частное завоеваніе разума въ царствѣ предразсудковъ, но какъ фактъ, имѣющій міровое значеніе, рѣшающій на вѣки всю судьбу міровой жизни. Отрицаніе Ницше не холодный выводъ разсудка и не спокойное разсужденіе, но крикъ всего его существа, результатъ длительной и напряженной душевной борьбы. Ницше глубоко сознавалъ весь тотъ невознаградимый ущербъ для человѣческой жизни, какой неотдѣлимо связывался съ отрицаніемъ идеи Бога въ нашемъ міропониманіи, но чѣмъ яснѣе онъ сознавалъ величину этого ущерба, чѣмъ живѣе чувствовалъ ужасъ жизни безъ Бога, тѣмъ горячѣе и ожесточеннѣе боролся своими обычными средствами—ироніей и паѳосомъ утвержденія—съ идеей Бога, какъ со своимъ непримиримымъ врагомъ. И эта особенность отрицанія не позволяетъ, естественно, вступить въ борьбу съ Ницше на обычной почвѣ критическаго разбора доводовъ за или противъ извѣстнаго утвержденія, и ни одно изъ доказательствъ бытія Божія не имѣло бы, съ точки зрѣнія Ницше, ровно никакой убѣдительности.

Остается или пройти мимо его атеизма, или же оцѣнить послѣдній съ точки зрѣнія того основного значенія, какой этотъ атеизмъ долженъ былъ, по мысли его проповѣдника, имѣть въ дѣлѣ построенія зданія положительнаго міросозерцанія. Какъ мы знаемъ, главная задача проповѣди Ницше состояла въ томъ, чтобы утвердить жизнь, сказать ей и всему міру „да“, возвѣстить всѣмъ людямъ радость о жизни. Ничто, по мысли философа, такъ не мѣшало этому утвержденію; ничто такъ не обезцѣнивало жизни и не налагало

на нее печати скорби и страданій, какъ именно вѣра въ существованіе Бога и обусловленная этой вѣрой идея добра и грѣха. Отрицаніе этого міра, клевета на него, осужденіе всякой радости, культъ страданій—вотъ то, что, какъ думаетъ Ницше, вѣрнѣе всего характеризуетъ христіанство. Насколько это пониманіе христіанства ошибочно – рѣчь впереди. Но здѣсь лишь укажу на полную естественность и законность того ожиданія, что самое отрицаніе Ницше идеи Бога въ его міропониманіи должно обезпечить послѣднему характеръ дѣйствительнаго утвержденія жизни, возвѣщенія источника новой радости и свѣта въ мірѣ. А если этого нѣтъ, то и „новое слово“ Ницше окажется не тѣмъ, чѣмъ считалъ его самъ философъ и продолжаютъ считать его поклонники: это слово будетъ не утвержденіемъ смысла жизни, но отрицаніемъ его, то есть самое міросозерцаніе Ницше окажется внутренно несостоятельнымъ.

„Если Бога нѣтъ, то я самъ богъ“, говоритъ Кирилловъ у Достоевскаго, и это какъ бы радостное утвержденіе всей полноты своего „я“ приводитъ Кириллова къ конечному самоотрицанію въ самоубійствѣ. Мысль о божественности человѣка также утверждается и у Ницше, какъ мы знаемъ, на отрицаніи вѣры въ Бога. Если Бога нѣтъ, то богами должны сдѣлаться сами люди [1]), и прямая задача человѣка въ наше переходное время, во время междуцарствія, быть самимъ собою [2]), единственную норму своего поведенія видѣть въ своемъ „Само“ [3]). Ницше и думаетъ, что такая жизнь, согласная съ природой, будетъ именно утвержденіемъ міра и источникомъ въ немъ радости. Такъ это и дѣйствительно представлялось атеизму современныхъ Ницше матеріалистовъ. Для нихъ человѣкъ являлся вѣнцомъ творенія, который, благодаря сложности своего организма и, въ зависимости отъ этого, множественности соотношеній съ окружающей средой, могъ пить радость изъ кубка жизни, и прямою задачей науки была забота продлить жизнь человѣка и уменьшить его страданія на землѣ. Но для Ницше этого было мало, даже вовсе не существовало такой упрощенной, Мечниковской я бы назвалъ, программы жизни. Ницше даны

---

[1]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 65.

[2]) „Утренняя Заря“ § 382, стр. 199 рус. пер.

[3]) „Такъ гов. Зар.“ 81.

были „очи зоркія“, слишкомъ высока была та вершина, на которой онъ стоялъ и „взвѣшивалъ міръ“, чтобы его „да“ жизни утверждалось на такомъ основаніи, которое казалось достаточнымъ для правовѣрно-матеріалистической философіи. Человѣкъ—вѣнецъ созданія и богъ. Но какой человѣкъ, настоящій? Нѣтъ, для Ницше онъ хуже обезьяны, возбуждаетъ одно отвращеніе и долженъ „превзойти“ себя, долженъ самоупразднится. Человѣкъ будущаго, сверхчеловѣкъ— вотъ земля, обѣтованная самому себѣ человѣкомъ. Я не буду повторять тѣхъ восторженныхъ словъ, какими рисуетъ Ницше будущее царство сверхчеловѣка; не буду говорить и о томъ, что царство сверхчеловѣческой радости утверждается на слезахъ и страданіяхъ просто человѣческихъ. Пусть такъ, если радость слезъ не видитъ или не замѣчаетъ, пусть она царитъ. Но я лишь напомню ученіе самого Ницше о „вѣчномъ возвращеніи“, и, мнѣ думается, станетъ яснымъ, на какой зыбкой почвѣ утверждается гимнъ вѣчной радости жизни у Ницше. Самъ Ницше называетъ это свое ученіе о непрестанномъ возвращеніи своей „величайшей болѣзнью и опасностью“ [1]), и я уже отмѣтилъ въ свое время, что не только вѣра въ прогрессъ, но и вѣра въ реальное царство сверхчеловѣка оказывается совершенно поколебленной этимъ ученіемъ о вѣчномъ возвращеніи, такъ какъ и для самого Ницше это ученіе говоритъ, прежде всего, о вѣчномъ возвращеніи даже самаго „маленькаго человѣка“, что и оказывается источникомъ отвращенія „ко всякому существованію“ [2]). И дѣйствительно, такое ученіе не можетъ явиться источникомъ утвержденія любви къ жизни и радости о ней.

Мысль о „вѣчномъ возвращеніи“ не первому Ницше пришла на умъ. Если онъ восторгался, что онъ первый возвѣстилъ [3]) это ученіе и называетъ „безсмертной“ минуту, когда онъ „открылъ“ это возвращеніе, то здѣсь въ Ницше говоритъ свойственная ему неосвѣдомленность и стремленіе во что бы то ни стало утверждать, что онъ сказалъ *новое* слово міру. Но вотъ что говорило *старое* слово великаго ветхозавѣтнаго мыслителя по этому поводу: „что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми тру-

---

1) Т. г 3, 194.

2) Тамъ же, 195.

3) Тамъ же, 194.

дится онъ подъ солнцемъ? Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ и возвращается вѣтеръ на круги свои. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется, къ тому мѣсту откуда рѣки текутъ, они возвращаются, чтобъ опять течь... Что было, то и будетъ, а что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться,—и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“, но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ... Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все—суета и томленіе духа (Еккл. I гл.). Поистинѣ, нѣтъ ничего новаго въ ученіи Ницше о возвращеніи, то лишь развѣ новое, что для древняго мудреца это ученіе представляется путемъ къ ненависти къ жизни и къ труду, какимъ трудится человѣкъ подъ солнцемъ (II, 17—18), а Ницше увѣряетъ, что это хотя и величайшая опасность, но и величайшая гордость человѣка. Гордость въ томъ, какъ мы видѣли, что самая идея сверхчеловѣка при вѣрѣ въ вѣчное возвращеніе является чистымъ творчествомъ человѣческаго духа, хотя, быть можетъ, и фантастическимъ но зато совершенно независимымъ отъ всякихъ понятій о Богѣ, истинѣ, исторіи, прогрессѣ. Послѣдовательное отрицаніе Ницше вѣры въ Бога приводитъ его къ вѣрѣ въ вѣчное возвращеніе и идеѣ сверхчеловѣка, которыя самому творцу этихъ идей кажутся продуктами чистой фантазіи человѣка, только фантазіи, возвышающей его душу. Но психологія вѣры всегда одна: вѣра можетъ радовать или устрашать, пока она есть увѣренность въ реальности невидимаго. Когда начинается сомнѣніе—начинается тревога. А когда сознается, что вѣра предметомъ своимъ имѣла не реальность, а призракъ, хотя бы то и величественный, то вѣра смѣняется отчаяніемъ, тьмой и холодомъ, ведущимъ къ ненависти къ самому существованію и къ безысходной скорби. И эти минуты сомнѣнія и невѣрія въ возвѣщаемую жизнь во всей силѣ испыталъ самъ Ницше, и эти минуты, быть можетъ, болѣе всего другого говорятъ о серьезности его отношенія къ проблемѣ Бога, о внутреннемъ страданіи его отъ своего богоборчества. Вотъ въ какихъ символическихъ словахъ — хорошо из-

вѣстныхъ и всегда отмѣчаемыхъ—говоритъ Ницше о холодѣ и пустотѣ души, потерявшей вѣру въ Бога. „Не приходилось ли вамъ слышать о томъ безумцѣ, который въ свѣтлое утро зажегъ фонарь, вышелъ на площадь и неумолчно кричалъ: „я ищу Божество! я ищу Божество".—Тамъ было много такихъ, которые не вѣрятъ въ Бога, и они издѣвались надъ нимъ... безумецъ проникъ въ середину ихъ и пронизывалъ ихъ своимъ взглядомъ. „Гдѣ Божество? кричалъ онъ; я скажу вамъ это! *Мы убили Его*,—вы и я! Мы всѣ Его убійцы! Но какъ мы это сдѣлали? Какъ могли мы поглотить море! Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Что мы сдѣлали, оторвавши эту землю отъ ея солнца? Куда она идетъ теперь?.. Не блуждаемъ ли мы по безконечному небытію? Не повѣяло ли на насъ пустотой? Развѣ не стало холоднѣе? Развѣ ночь не надвигается все темнѣе и темнѣе?.. Богъ убитъ! Богъ мертвъ! И мы его убійцы! Чѣмъ же мы утѣшимся, убійцы изъ убійцъ? Самое святое и великое, чѣмъ только обладалъ міръ, погибло подъ нашими ножами,—кто смоетъ съ насъ эту кровь? Какая вода можетъ очистить насъ" [1]). Нельзя ярче, чѣмъ сдѣлано это въ приведенныхъ словахъ, представить сердечную опустошенность человѣка, потерявшаго вѣру въ Бога, непрестанное томленіе его души, не могущей примириться съ жизнью въ вѣчной тьмѣ отдаленія отъ солнца нашей жизни. И не спасло Ницше отъ этого холоднаго отчаянія его ученіе о вѣчномъ возвращеніи, о сверхчеловѣкѣ,—не спасло, несмотря на всѣ усилія его воли и разума указать въ этомъ ученіи новое солнце человѣческой жизни. „Жить, какъ мнѣ нравится, или вовсе не жить?.. Но увы, есть ли еще для меня радость? Есть ли еще у меня цѣль? Пристань, куда бѣжитъ корабль *мой?* Попутный вѣтеръ? Ахъ, только тотъ, кто знаетъ, *куда* онъ ѣдетъ, знаетъ также, какой вѣтеръ попутный ему" [2]). Утративъ цѣль, человѣкъ теряетъ также и дорогу, и трудно ему примириться съ этой утратой [3]). А природа, — спроситъ читатель, знакомый съ основами жизнепониманія Ницше,—а ея сила и красота, а человѣкъ будущаго? Развѣ это не путеводныя звѣзды въ кругозорѣ Ницше? „*Человѣкъ*—отвѣчаетъ послѣдній—незамѣтный, слиш-

---

[1]) „Веселая Наука", т. VII, стр. 146—147.

[2]) „Такъ гов. Зар." стр. 243.

[3]) Тамъ же.

комъ высоко о себѣ мнящій животный видъ, время котораго, къ счастію, ограничено; *жизнь* на землѣ въ цѣломъ—мгновеніе, эпизодъ, исключеніе безъ особыхъ послѣдствій, нѣчто, что пройдетъ безслѣдно для общей физіономіи земли; сама *земля*, подобно остальнымъ созвѣздіямъ,—зіяніе между двумя ничто, событіе безъ плана, разума, воли, самосознанія, худшій видъ необходимости, *глупая* необходимость" [1]). „Земля имѣетъ оболочку; и эта оболочка поражена болѣзнями. Одна изъ этихъ болѣзней называется „человѣкъ" [2]). И понятна послѣ этого та „печаль" Заратустры, которая спрашиваетъ: „Почему? Зачѣмъ? Для чего? Куда? Гдѣ? Какъ? Развѣ не безуміе жить еще?—Ахъ друзья мои, это вечеръ вопрошаетъ во мнѣ. Простите мнѣ мою печаль! Вечеръ насталъ: простите мнѣ, что вечеръ насталъ" [3]). Такъ печально говоритъ Ницше и какъ бы повторяетъ приговоръ надъ жизнью древняго мудреца: „все суета и томленіе духа". Велико желаніе радости у Ницше, стремителенъ порывъ его въ „желанный вѣковѣчный день"; но угасло для него старое солнце, освѣщающее жизнь людей—вѣра въ Бога, и не засвѣтили даже самому искателю свѣта безъ Бога „созданныя" Ницше свѣтила вѣчнаго возвращенія и сверхчеловѣка. Пусть лишь въ рѣдкія минуты прорываются у Ницше эти сомнѣнія и томленія духа, но не можетъ явиться проповѣдникомъ „да" жизни и радости тотъ, кто сомнѣвается даже въ существованіи „изобрѣтенныхъ" божествъ, кто смѣется надъ самымъ предметомъ своей вѣры. Мы видѣли, какъ жалка земля и человѣкъ въ глазахъ Ницше. Не менѣе насмѣшливо характеризуетъ онъ и свое верховное божество—сверхчеловѣка. „Всѣ боги, говоритъ онъ, суть символы и измышленія поэтовъ. Поистинѣ, насъ влечетъ всегда вверхъ, въ царство облаковъ: на нихъ сажаемъ мы своихъ пестрыхъ баловней и называемъ ихъ тогда богами и сверхчеловѣками. Ибо достаточно легки они для этихъ сѣдалищъ!—всѣ эти боги и сверхчеловѣки... Ахъ, какъ усталъ я отъ поэтовъ" [4]). „Поэты слишкомъ много лгутъ... Но и Заратустра—поэтъ" [5]). Ницше остается вѣрнымъ въ этихъ словахъ

---

[1]) „Воля къ Власти" § 303, стр. 114 рус. пер.
[2]) „Такъ гов. Зар." стр. 113.
[3]) Такъ гов. Зар., стр. 93—94.
[4]) Тамъ же, стр. 110.
[5]) Тамъ же, стр. 109.

своему адогматизму, но какъ далекъ онъ отъ типа проповѣдника вѣчной радости о сверхчеловѣкѣ! „Похоронивъ бога“, Ницше похоронилъ также вѣру и въ человѣка, и въ царство его на землѣ. Можетъ еще дѣйствительно „пугать и опрокидывать своимъ смѣхомъ“ Ницше, но имя этому смѣху—отчаяніе [1]). Ницше, по-моему, глубоко правъ, когда утверждаетъ, что нельзя вѣрить въ Бога потому лишь, что безъ Бога жизнь становится тяжелѣе [2]). Источникъ вѣры въ Бога не въ томъ, что Онъ нуженъ для счастья человѣка, но въ преклоненіи послѣдняго передъ святыней. Но когда Ницше горитъ ненавистью къ вѣрѣ въ Бога за то, что эта вѣра бросаетъ тѣнь скорби на жизнь человѣка, то онъ вдвойнѣ не правъ. Во-первыхъ, если нельзя ради счастья вѣрить, то вѣдь точно также ради него нельзя и не вѣрить. А затѣмъ, если бы и дѣйствительно какая-либо религія и какая-либо вѣра въ Бога могла бы считаться „клеветой на міръ“ и „ненавистью къ жизни“, то подобныя обвиненія не вправѣ дѣлать Ницше. Если, какъ личность, онъ еще надолго останется загадкой, то, какъ учитель жизни, онъ достаточно ясно сказалъ послѣдній „нѣтъ“, вмѣсто „да“, и послѣ его насмѣшекъ и характеристикъ земли, человѣка и сверхчеловѣка никакое иное слово о нихъ не покажется клеветою.

Теперь я обращаюсь къ оцѣнкѣ того, что было сказано Ницше о христіанствѣ въ доказательство ненависти послѣдняго къ міру и жизни и къ его характеристикѣ христіанства, какъ культа страданій.

Было бы ошибочно думать, что въ этомъ случаѣ Ницше сказалъ новое слово въ пониманіи христіанства. Напротивъ, не только великое множество противниковъ Евангелія упрекало послѣднее въ равнодушіи къ горю и злу жизни и въ презрительномъ отношеніи къ землѣ и земной жизни, но и неизмѣримо большее число христіанъ также склонно было въ своей искренней преданности евангельскимъ завѣтамъ усматривать въ нихъ основаніе для почти враждебнаго взгляда на жизнь въ мірѣ, на ея радости, труды и заботы. Если въ первые вѣка послѣ побѣды христіанства въ римской имперіи нѣкоторые подвижники христіанства, поражаясь безконечной испорченностью жизни христіанъ въ культур-

[1]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 117.

[2]) „Челов., сл. челов.“, § 109, стр. 90.

ныхъ центрахъ того времени, и сами уходили въ пустыню и другимъ горячо проповѣдывали о суетности и соблазнахъ жизни „въ мірѣ“, то въ наше время также находится не мало представителей богословской мысли и проповѣдниковъ, которые сами, правда, въ пустыню не уходятъ и „въ мірѣ“ чувствуютъ себѣ прекрасно, но зато тѣмъ усерднѣе проповѣдуютъ страдающимъ и обездоленнымъ въ жизни, что Евангеліе Іисуса Христа стоитъ въ сторонѣ отъ горя и страданій на землѣ, что Евангеліе смотритъ на земную жизнь, только какъ на что-то скоропреходящее, и на страданія въ ней, какъ на удѣлъ, посылаемый Богомъ.

Поэтому, когда я ставлю вопросъ о Евангеліи Іисуса Христа передъ лицомъ страданій въ этой жизни и объ оцѣнкѣ послѣдней Евангеліемъ, то считаю этотъ вопросъ вообще чрезвычайно важнымъ, независимо отъ взглядовъ на Евангеліе Ницше, и въ виду этого требующимъ обстоятельнаго выясненія на основѣ вдумчиваго отношенія къ тому, что сказано въ Евангеліи Христовомъ, обращенномъ къ уму и совѣсти вѣрующихъ во Христа.

Уже самое слово Евангеліе, которымъ Господь обозначаетъ содержаніе своей проповѣди въ мірѣ, достаточно опредѣленно характеризуетъ общій тонъ этой проповѣди. Евангеліе—это „благая вѣсть“ человѣчеству, призывъ, слѣдовательно, къ чему-то свѣтлому и радостному, возвѣщеніе великой бодрящей надежды. И дѣйствительно, слово „радость“ проникаетъ собою все Евангеліе, отъ его пролога до послѣдняго заключительнаго слова. Первая вѣсть о рожденіи Спасителя въ мірѣ была вѣстью о радости: „не бойтесь, говоритъ ангелъ пастухамъ, я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ“. Проповѣдь Христа Спасителя такъ же, какъ и вся Его жизнь, была вѣстью міру о новомъ неизсякаемомъ источникѣ радости и блаженства. Всѣхъ призванныхъ въ Божіе Царство Христово онъ называетъ „блаженными“ и прежде всего тѣхъ, кто въ этой жизни терпитъ скорби и гоненія, кто плачетъ, алчетъ и жаждетъ правды, кто обиженъ и изгнанъ за правду. И этого мало. Даже въ минуту своихъ невыразимыхъ страданій передъ Голгоѳой Христосъ возвѣщаетъ всему міру великую радость: „истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ

радость будетъ: Вы теперь имѣете печаль, но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ... Сіе сказалъ я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна" [1]). И дѣйствительно, послѣ тяжелой скорби въ часы страданій Учителя, величайшая радость озарила сердца вѣровавшихъ во Христа по Его воскресеніи, и свѣтъ этой радости не потухалъ во всю многотрудную жизнь апостоловъ. Все ихъ благовѣстіе, какъ и Евангеліе ихъ Учителя, было возвѣщеніемъ міру совершенной радости. „Всегда радуйтесь", заповѣдуетъ ап. Павелъ Ѳессалоникійцамъ, „радуйтесь всегда въ Господѣ и еще говорю радуйтесь", пишетъ онъ Филиппійцамъ, своимъ любимымъ ученикамъ-дѣтямъ; римлянамъ тотъ же апостолъ желаетъ, чтобы Богъ надежды исполнилъ ихъ „всякой радости и мира въ вѣрѣ". Къ радости призываютъ и о радости, какъ о неразлучномъ спутникѣ вѣры во Христа, учатъ также и апостолы Іаковъ, Петръ, Іоаннъ, Іуда въ своихъ посланіяхъ. Самое Царство Божіе по апостольскому ученію есть „радость во Св. Духѣ" и радость есть „плодъ Духа". Такъ учатъ о радости тѣ, которые Ницше представляются проповѣдниками культа страданій и ненавидящими радость, какъ зло и грѣхъ. Но не въ ученіи только первыхъ проповѣдниковъ Евангелія возвѣщается міру радость и призываются къ ней всѣ, вѣрующіе во Христа, но самая жизнь первыхъ христіанъ, насколько она отразилась въ апостольскихъ посланіяхъ и въ книгѣ Дѣяній, самая эта многотрудная жизнь представляется всецѣло проникнутой радостнымъ настроеніемъ. „Радовались" вѣрующіе, когда преуспѣвала ихъ проповѣдь среди язычниковъ и утверждалась вѣра [2]); „радовались" и язычники, услыхавшіе впервые вѣсть апостоловъ о спасеніи [3]). „Въ веселіи сердца" трапезовали вѣрующіе на вечеряхъ любви [4]), радовались они, когда за имя Господа Іисуса удостаивались принять безчестіе [5]). Болѣе другихъ апостоловъ потрудился и пострадалъ Павелъ, и однако онъ постоянно свидѣтельствуетъ о могущественной радости, жившей въ его сердцѣ даже во время тяжкихъ

[1]) Іо. XVI, 20—24; XV, 11.
[2]) Напр., Дѣян., XV, 3; XIII, 52, Фил., II, 2, I Ѳес., III, 9 и мн. др.
[3]) Дѣян. XIII, 48.
[4]) Дѣян. II, 47.
[5]) Дѣян. V, 41.

мученій и поддерживавшей его среди величайшихъ жизненныхъ бореній [1]).

Такъ чувствовалъ Павелъ, то же переживали, по его свидѣтельству, и всѣ послѣдователи Христовы. „Мы—говоритъ онъ возвышенно и сильно—во всемъ являемъ себя, какъ служители Божіи: въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ... Насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но, вотъ, мы живы... Насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся: мы нищи, но многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ“ [2]). Неизсякаемый источникъ радости долженъ былъ заключаться въ той вѣрѣ, которая давала силы въ радости совершать всѣ подвиги проповѣди міру о Христѣ распятомъ и переносить всѣ страданія за Христа. И мы знаемъ, что источникъ этотъ не изсякалъ и послѣ вѣка апостольскаго, что радостью свѣтились взоры мучениковъ, когда они смотрѣли въ лицо неизбѣжной смерти, что не стоны и проклятія, но радостные гимны Богу своему пѣли они въ темницахъ, и на аренѣ цирка, и даже идя на костеръ. Можно ли назвать такую религію лишенной радости или даже ненавидящей ее? Правда, источникъ этой радости въ вѣрѣ во всеблаженнаго Бога и въ свѣтлое будущее. Но, вѣдь, и та радость, о которой говоритъ Ницше; и та радость, о которой проповѣдуютъ провозвѣстники лучшаго будущаго въ міровой жизни,—и эта радость источникъ свой имѣетъ также въ вѣрѣ и при томъ въ вѣрѣ въ будущее, болѣе свѣтлое будущее. Ницше самъ очень далекъ отъ радости, когда смотритъ на „сегодняшняго человѣка“, и съ этой точки зрѣнія христіанская вѣра отличается лишь тѣмъ отъ всякой другой вѣры, какъ источника радости, что говоритъ поистинѣ о вѣчной радости и при томъ утверждается на твердомъ основаніи вѣры въ Воскресшаго побѣдителя смерти и залогѣ вѣчной жизни. Достовѣрность такой вѣры—другой вопросъ. Рѣчь у насъ, какъ и у Ницше, о томъ, враждебно ли христіанство жизни и радости, или же нѣтъ. И то, что было сказано мною, уже позволяетъ намъ говорить о ра-

[1]) Напр, Фил., I, 4, 18; II, 2; 2 Кор., II, 3; VII, 4; VI, 10; 1 Θес., III, 9 и др.
[2]) 2 Кор. VI, 3—10.

дости, какъ прямомъ предметѣ евангельской проповѣди и всегдашнемъ спутникѣ христіанской вѣры. Но нашъ отвѣтъ на отрицательное сужденіе Ницше и недоумѣнія многихъ нашихъ современниковъ былъ бы далеко не полнымъ, если бы мы не сдѣлали попытки характеризовать самое чувство той радости, какую возвѣстило и утвердило въ мірѣ христіанство. Ницше не могъ не знать объ этой специфической радости вѣрующихъ во Христа, и если, тѣмъ не менѣе, онъ не счелъ нужнымъ даже вспомнить о ней, то, конечно, по серіознымъ для него внутреннимъ основаніямъ. Одинъ фактъ, фактъ дѣйствительно характерный, сдѣлалъ, въ глазахъ Ницше, невозможной самую рѣчь о христіанской радости. Этотъ фактъ—отношеніе христіанства къ страданіямъ: прежде всего, все то великое значеніе, какое въ немъ всегда усвоялось Голгоѳской жертвѣ Христа Спасителя; а затѣмъ, та неизбѣжность для Его послѣдователей страданій въ мірѣ, о которой говоритъ и Евангеліе и самая жизнь христіанская. Изъ факта поклоненія Голгоѳѣ Христа и изъ ученія Евангелія о долгѣ каждаго въ жизни взять крестъ свой и идти по стопамъ Христа въ міръ Ницше сдѣлалъ выводъ, что Евангеліе, въ своемъ устремленіи къ небу, сказало разъ навсегда „нѣтъ“ жизни на землѣ, явилось проповѣдью культа страданій и глубочайшаго пессимизма въ отношеніи земли и жизни на ней. Сначала я остановлюсь на первомъ фактѣ—Галгоѳской жертвѣ Христа Спасителя, такъ какъ это дѣйствительно центральный пунктъ христіанскаго міросозерцанія. Буду говорить о Голгоѳѣ, конечно, имѣя въ виду прежде всего нападки на христіанское ученіе со стороны Ницше.

Вся исторія отношеній Бога къ человѣку разсматривается Ницше въ формѣ насмѣшливой ироніи, но въ одномъ лишь случаѣ эта иронія смѣняется, какъ-будто, настоящимъ возмущеніемъ, это когда рѣчь идетъ о крестной смерти Христа Спасителя, какъ жертвѣ за грѣхи міра. Возмущеніе Ницше ученіемъ христіанства о смерти невиннаго для спасенія виновныхъ, когда Богъ Сына Своего отдалъ для искупленія грѣховъ человѣчества, это возмущеніе такъ велико, что Ницше на время забылъ даже всегдашнее свое превозношеніе язычества передъ христіанствомъ и восклицаетъ: „какое страшное язычество“ [1]). Трудно съ невѣрующими вообще, а

[1]) Антихристъ, § 41

съ Ницше въ особенности, говорить о томъ, что составляетъ и для сознанія самого вѣрующаго величайшую тайну. Очевидно, что если и можно оспаривать мнѣніе Ницше о томъ, что отвѣтъ христіанства о спасеніи человѣчества крестной смертью Сына Божія есть „ужасный по своей абсурдности отвѣтъ", то лишь единственно утверждаясь на той почвѣ, на какой стоитъ самъ Ницше, т. е. исходя изъ его понятія о Божественномъ и основываясь на данныхъ изъ жизни міра природнаго, предъ законами котораго преклонялся Ницше. И сдѣлать это будетъ, думается мнѣ, далеко не излишнимъ, такъ какъ возмущеніе Ницше въ этомъ случаѣ раздѣляется едва ли не всѣми современными противниками христіанства, и они словъ не подберутъ, чтобы осудить или осмѣять ученіе о крестной смерти Христа, какъ жертвѣ за грѣхи міра, и о причащеніи Его плоти и крови, какъ залогѣ вѣчной жизни.

Едва ли нужно подчеркивать, что между пониманіемъ Ницше ученія о Богѣ, пославшемъ Сына Своего Единороднаго для спасенія міра, и между воспріятіемъ этого ученія людьми вѣры лежитъ цѣлая пропасть. Въ то время какъ для Ницше такое ученіе вноситъ въ понятіе о Богѣ возмущающее душу начало мести и безсмысленной жестокости, для людей вѣры это самое величайшее проявленіе Божественной любви. Такъ говорилъ объ этомъ самъ Христосъ, такъ учили Его апостолы, такъ чувствовало сердце всѣхъ, приходившихъ къ своему Небесному Отцу черезъ Христа. Когда поколѣнія за поколѣніями милліоны душъ человѣческихъ, вѣрующихъ въ Спасителя, славили Отца Его за безграничную любовь къ человѣчеству и съ радостнымъ восторгомъ пили Кровь и ѣли Тѣло Христовы, то очевидно дѣло искупленія могло восприниматься людскою совѣстію и сердцемъ совершенно иначе, чѣмъ такъ, какъ казалось естественнымъ для Ницше. И въ этомъ случаѣ я не милліоны хочу противопоставлять одному или немногимъ, но хочу посмотрѣть на анализируемый пунктъ христіанскаго исповѣданія, утверждаясь на той почвѣ чистаго натурализма, на какой хотѣлъ всегда стоять самъ Ницше. И даже съ такой, очень собственно узкой и недостаточной для вопросовъ вѣры, точки зрѣнія мнѣ кажется несомнѣннымъ, что въ христіанскомъ ученіи о тайнѣ спасенія нѣтъ ничего ни абсурднаго, ни возмущающаго совѣсть.

Когда приходится съ Ницше говорить о Богѣ, то нельзя конечно отрѣшаться отъ факта Ницшевскаго атеизма. Бога для него не существуетъ, а существуютъ лишь понятія о Богѣ, оцѣниваться которыя могутъ единственно съ точки зрѣнія человѣческаго достоинства, такъ какъ и творится эта исторія для Ницше самими людьми, которые выступаютъ въ мірѣ представителями божественнаго начала жизни. Посмотримъ же теперь на вопросъ о божественномъ поведеніи человѣка въ перспективѣ идеи спасенія у Ницше.

Въ свое время я отмѣтилъ и довольно подробно раскрылъ, что Ницше далеко не чуждо начало вѣры и надежды и, при томъ, вѣры и надежды въ будущее возрожденное человѣчество. Современное человѣчество погибаетъ въ безднѣ упадка и извращенности. Необходимо прокладывать въ мірѣ путь для наступленія новаго человѣческаго царства, нужно спасать человѣчество отъ конечной гибели. Если Бога нѣтъ, то спасителемъ человѣчества можетъ и долженъ явиться самъ человѣкъ. Онъ—пророкъ, ведущій человѣчество въ новую обѣтованную землю; онъ—Богъ, творящій новую жизнь; онъ—отецъ будущаго человѣчества. Кто же этотъ Богъ и спаситель въ представленіи Ницше, этотъ лучшій человѣкъ, совершенный человѣкъ? Это — страдающій, одинокій и жертвующій собой для будущаго человѣчества. Вотъ нѣсколько штриховъ, какими обрисовываетъ Ницше того человѣка, который является средствомъ спасенія будущаго человѣчества, мостомъ къ нему. „Благороднѣе обвинять себя, чѣмъ оправдывать, особенно, если кто правъ. Только для этого надо быть достаточно богатымъ. Я не люблю вашей холодной справедливости; во взорѣ вашихъ судей видится мнѣ всегда палачъ и его холодный ножъ. Скажите, гдѣ находится справедливость, которая есть любовь съ ясновидящими глазами? Найдите мнѣ любовь, которая несетъ не только всякое наказаніе, но и всякую вину! Найдите мнѣ справедливость, которая оправдываетъ всякаго, кромѣ тѣхъ, кто судитъ!“ [1]) „Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль; въ человѣкѣ можно любить только то, что онъ переходъ и уничтоженіе. Я люблю тѣхъ, кто не умѣетъ жить иначе, какъ чтобы погибнуть, ибо они идутъ по мосту. Я люблю тѣхъ, кто при-

[1]) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 55.

носитъ себя въ жертву землѣ, чтобы земля нѣкогда стала землею сверхчеловѣка. Я люблю того, кто живетъ для познанія и кто хочетъ познать, чтобы нѣкогда жилъ сверхчеловѣкъ. Ибо такъ хочетъ онъ своей гибели. Я люблю того, кто трудится и изобрѣтаетъ, чтобы построить жилище для сверхчеловѣка и приготовить къ приходу его землю... ибо такъ хочетъ онъ своей гибели. Я люблю того, чья душа переполнена, такъ что онъ забываетъ самого себя, и всѣ вещи содержатся въ немъ: такъ становятся всѣ вещи его гибелью. Я люблю того, кто свободенъ духомъ и свободенъ сердцемъ: такъ голова его есть только внутренность сердца его, а сердце его влечетъ его къ гибели". [1]) Такъ говоритъ Заратустра—Ницше, и его слова напоминаютъ новозавѣтный гимнъ любви, полагающей жизнь свою за спасеніе міра. Не милліоны только простыхъ вѣрующихъ сердецъ въ умиленіи поклонялись безграничной любви, страдавшей за человѣчество, но и самъ Ницше въ минуту высокаго поэтическаго вдохновенія не могъ мыслить спасителемъ человѣчества никого другого, какъ самаго лучшаго, самаго чистаго, самаго богатаго душевнаго и самаго самоотверженнаго въ мірѣ. Это—человѣкобогъ Ницше, и если самъ онъ не болѣе, какъ призракъ и игра фантазіи, то все же въ самой игрѣ этой отразились чистые лучи человѣческой совѣсти, и разсѣиваютъ эти лучи тотъ туманъ непониманія, какимъ хочетъ Ницше окружить вѣру христіанскую въ страдающую правду на землѣ. И не „поэтическая ложь" эти слова Ницше, но они, именно они, утверждаются на твердомъ основаніи природныхъ законовъ жизни и развитія ея на землѣ. И здѣсь я отмѣчу ту мысль въ ученіи Ницше о процессѣ спасенія будущаго человѣчества самопожертвованіемъ настоящаго, которая сравниваетъ этотъ процессъ съ рожденіемъ новаго человѣчества и этой идеей близко подходитъ къ тайнѣ спасенія человѣчества жертвой и смертью Іисуса Христа.

Взглядъ Ницше на этотъ процессъ я уже изложилъ въ свое время. Всѣ труды и страданія, которые лежатъ на пути современнаго человѣка въ его стремленіи приблизить царство сверхчеловѣка, представляются Ницше тѣми болѣзнями и страданіями, тѣмъ самоотреченіемъ матери, которыя пред-

[1]) Тамъ же, стр. 8—9.

шествуютъ рожденію въ міръ дитяти. Будущее человѣчество—это дитя современнаго, и послѣднее мучится и болѣетъ для того, чтобы родилось это дитя въ жизнь. Этотъ образъ у Ницше—самое глубокое, что сказалъ онъ о сверхчеловѣкѣ, это какъ бы повтореніе Евангельскаго образа, словъ Христа Спасителя о скорби и радости материнской (Іоан. 16, 21) и въ то же время прозрѣніе въ великую тайну жизни, хотя и жизни природной. И такъ какъ эта тайна болѣе всего способна приблизить нашъ умъ и совѣсть къ тайнѣ Божественной любви, то я и остановлюсь на оцѣнкѣ понятій жертва и любовь съ точки зрѣнія природныхъ критеріевъ жизненной цѣнности, на какихъ хотѣлъ утверждаться Ницше прежде всего. Не всѣ думали, какъ онъ, что природа есть только противоположность самому понятію Богъ и добро въ религіозномъ пониманіи, но были люди, которые, подобно апостолу Павлу, въ мірѣ природномъ находили отображеніе Божественной сущности. Наблюденіями одного изъ такихъ созерцателей природы я и позволю себѣ воспользоваться для того, чтобы уяснить нѣсколько вышеопытныя понятія о жертвѣ и любви божественной.

Въ одномъ изъ своихъ образовъ Ницше, какъ мы видѣли, сравниваетъ своего сверхчеловѣка съ цвѣткомъ, который, опираясь на стволъ дерева, на человѣчество, возвышается надъ нимъ и своею красотою превосходитъ все въ человѣчествѣ. Въ образѣ Ницше такой цвѣтокъ воплощеніе красоты. Въ царствѣ природы такой цвѣтокъ—жертва любви. „Для физіолога—говоритъ Г. Друммондъ—дерево является . сложнымъ аппаратомъ... Корень, стволъ, сукъ, вѣтвь, листъ представляютъ собою столько же органовъ, служащихъ для отправленія функцій питанія. Но это не все. Есть другая часть въ этомъ аппаратѣ, совершенно иного порядка. Она не имѣетъ... никакого отношенія къ борьбѣ за жизнь. Это—цвѣтокъ. Наблюдайте этотъ цвѣтокъ въ его дѣйствіи и вы увидите чудо. Вмѣсто того, чтобы бороться за жизнь, онъ отдаетъ свою жизнь. Облекшись красотой, которая сама является служителемъ не своекорыстной цѣли, онъ вянетъ, разрушается, отдаетъ свою жизнь. Дерево еще живетъ; другія листья свѣжи и зелены; но эта жизнь въ жизни умерла. А почему? Потому что въ этой смерти заключена жизнь. Поищите между поблекшими лепестками и вы най-

дете здѣсь, въ колыбели искусной работы, скрытое потомство сѣмянъ—даръ для будущаго, который эта умирающая мать принесла въ свѣтъ цѣной его оставленія“ [1])... Біологъ видитъ въ увяданіи цвѣтка вѣчную жертву материнской любви и въ жизни цвѣтка борьбу за жизнь другихъ, за жизнь будущаго. Чудо природной красоты есть въ то же время и чудо любви, вѣчная жертва за жизнь другихъ и при томъ выходящая далеко за границу жизни не только одного дерева, но и цѣлаго рода, такъ какъ цвѣтокъ есть колыбель сѣмени. Разсмотрите, какъ велики эти дальнѣйшія произведенія, какое обширное мѣсто наполнено этими плодами и сѣменами растеній... Всѣ животныя зависятъ въ своей пищѣ отъ плодовъ и сѣмянъ или отъ меньшихъ созданій, истребляющихъ плоды и сѣмена. Три четверти народонаселенія міра въ настоящую минуту питаются рисомъ. Что такое рисъ? Это сѣмя, продуктъ воспроизведенія. Три четверти другой четверти питаются зернами ячменя, пшеницы, овса, проса. Что такое представляютъ собою эти зерна? Сѣмена, запасы крахмала и бѣлка, которые растенія оставляютъ въ наслѣдство своему потомству... Каждое растеніе въ мірѣ живетъ для другихъ... Человѣкъ, живущій сѣменами, живетъ любовью. Буквально, научно любовь есть жизнь“ [2]),

Если сравненіе Ницше своего сверхчеловѣка съ цвѣткомъ дало мнѣ поводъ показать соединеніе высшей красоты въ жизни растеній съ высшей жертвой любви, то образъ Ницще, говорящій о будущемъ человѣчествѣ, какъ дитяти, которое можетъ родиться лишь въ болѣзняхъ и трудахъ современнаго человѣка, также находитъ такое яркое подтвержденіе и выраженіе въ безконечномъ и безпредѣльномъ въ міровой жизни самоотреченіи материнской любви, что и раскрывать эту мысль мнѣ представляется совершенно ненужнымъ, и я прямо обращаюсь къ жизни духовной, къ спасенію человѣчества жертвой Христа.

Спасеніе человѣчества Христомъ есть по новозавѣтному ученію также процессъ рожденія новаго человѣчества. Іисусъ Христосъ есть второй Адамъ (1 Кор. XV, 45), родоначальникъ новаго спасеннаго Имъ человѣчества. „Восхотѣвъ—учить

[1]) „Эволюція и прогрессъ человѣка“, рус. перев., стр. 259—260.

[2]) Тамъ же, стр. 262—263.

Апостолъ—родилъ Онъ насъ словомъ истины (Іак. 1,18) и всѣ вѣрующіе во Христа называются возрожденными не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго (1 Петр., 1, 23). Это рожденіе новаго человѣка и совершено крестною смертью и воскресеніемъ Іисуса Христа. Все человѣчество до Христа представляется мертвымъ вслѣдствіе своей грѣховности и отверженнымъ отъ любви Божіей (Кол. 2, 13; Еф. 2, 1;). До Христа все человѣчество жило настолько, насколько было предызбрано къ спасенію во Христѣ (Евр. XI, 40; Дѣян. XIII, 48 и др.) и послѣ Него только вѣрующій во Христа имѣетъ жизнь въ себѣ (Іоан. 3, 36). „Если пшеничное зерно—училъ самъ Христосъ—падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Іоан. 12, 24). Такъ и „Христосъ умеръ за всѣхъ“ (2 Кор. 5, 15), „умеръ за грѣхи наши“ (1 Кор. 15, 3) и явился источникомъ новой неумирающей жизни въ человѣчествѣ (1 Θес. 4, 14). Все въ мірѣ рождается отъ плоти и крови, все живетъ жертвою и самоотреченіемъ другихъ, всякая жизнь утверждается въ умершихъ уже поколѣніяхъ, растетъ на смерти. Болѣзнями, страданіями и смертью Христа рождено и новое человѣчество, и живетъ оно, питаясь отъ крови и плоти своего Родоначальника. „Я есмь хлѣбъ жизни—училъ о себѣ Христосъ... Ядущій сей хлѣбъ будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра... Если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни... Ядущій мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Какъ послалъ Меня живый Отецъ, и Я живу Отцомъ, такъ и ядущій Меня жить будетъ мною“ (Іоан. 5, 48—57). Крестная смерть Іисуса Христа есть та жертва любви, безъ которой не можетъ быть жизни на землѣ. „Потому любитъ Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобъ опять принять ее. Никто не отнимаетъ ея у Меня, но Я самъ отдаю ее: имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего“ (Іоан. X, 17—18). Христосъ исполнилъ эту заповѣдь Отца Своего, благоговѣйной любовью окружило спасенное человѣчество крестъ своего Спасителя, поклонилось превосходящей разумѣніе любви Его и Отца Его. А Ницше стоитъ передъ Гол-

гоѳой съ удивленіемъ, не понимая тайны ея и возмущаясь смертью невиннаго за грѣшныхъ. Но что же здѣсь новаго, несогласнаго съ законами природы? Если въ мірѣ растительномъ и животномъ самоотреченіе и жертва рождающей любви проявляются безсознательно и необходимо, то уже въ человѣчествѣ, по взгляду самого же Ницше, все лучшее и чистое должно приносить себя въ жертву великому будущему, плотью и кровью одного пріобрѣтается жизнь другого, на жертвѣ растетъ эта жизнь, ею питается.

И только единый безгрѣшный могъ явиться родоначальникомъ новаго святого человѣчества, и во Христѣ именно открылась міру „та справедливость, которая есть любовь съ ясновидящими глазами", та „любовь, которая несетъ всякую вину", справедливость и любовь, по которымъ томится вмѣстѣ съ сердцемъ Ницше сердце всего человѣчества. Ничего противоестественнаго, ничего нарушающаго законы міровой жизни нѣтъ въ жертвѣ Христа и въ смерти Его, какъ сѣмени новой жизни. Чтобы могли родиться изъ отверженныхъ душъ „враговъ Божіихъ (Рим. V, 10) дѣти Божіи, нужна была великая жертва любви Творца міра и Отца людей, и эта величайшая и свободная жертва принесена Христомъ Спасителемъ, и міру дарована новая вѣчная жизнь въ любящемъ единеніи Христа, побѣдителя грѣха и смерти, со спасеннымъ Имъ человѣчествомъ. Величію дѣла Христова отвѣчала безмѣрность Его страданій и также слава Его побѣды надъ царствомъ грѣха и смерти въ фактѣ личнаго воскресенія Христа, этомъ залогѣ безсмертія для всѣхъ, рожденныхъ отъ Него. Ницше, конечно, не призналъ факта воскресенія Христова и подошелъ къ этому факту со своею искусственной теоріей рабской и аристократической морали, увидавши въ ученіи о воскресеніи и безсмертіи источникъ вѣры въ общее безсмертіе и равенство душъ. Объ этомъ негодованіи Ницше я скажу въ свое время, здѣсь же лишь отмѣчу, что даже отрицаніе реальности факта воскресенія Христова не должно было ослѣпить глаза Ницше при оцѣнкѣ вѣры въ это воскресеніе въ христіанствѣ, какъ источникъ въ немъ безконечной радости. Апостолъ Павелъ съ силою говоритъ, что если Христосъ не воскресъ, то тщетна наша вѣра, что нѣтъ никого несчастнѣе на землѣ, чѣмъ живущіе въ мірѣ по завѣтамъ Христа. И обратно, воскресе-

ніе Христа—залогъ побѣды надъ зломъ и смертію, когда, вмѣсто похороннаго нытья Ницше надъ могилой убитаго Бога, слышится радостная пѣснь побѣды жизни надъ смертью: „Христосъ Воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ... Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда"? Для такой вѣры нѣтъ сомнѣнія въ истинной побѣдѣ свѣта надъ тьмой и добра надъ зломъ, когда „Богъ будетъ все во всемъ". Снова повторяю, можно вѣрить и не вѣрить, можно считать вѣру во Христа воскресшаго нелѣпой, но нельзя о такой вѣрѣ сказать, чтобы она была вѣрой, проникнутой пессимизмомъ и культивирующей страданія. „Богъ на крестѣ! восклицаетъ Ницше, неужели до сихъ поръ не понятъ ужасный смыслъ этого символа? Все, что страдаетъ, что на крестѣ—божественно"!.. Но самъ Ницше не понялъ вдохновляющей силы Голгоѳы. Правда, только послѣ Голгоѳы возможной оказалась радостная вѣра, полная любви и свободнаго преклоненія передъ Тѣмъ, Кто такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго далъ для спасенія міра. Правда, идущіе послѣ Христа путемъ Его въ мірѣ съ радостнымъ восторгомъ смотрѣли на крестъ, готовы были за Христа идти на костеръ и на арену къ дикимъ звѣрямъ, „терпѣли нужду, голодъ и озлобленіе" въ своей жизни. Но не для увеличенія страданій въ мірѣ приходилъ Христосъ, но для возвѣщенія всѣмъ радости, для того, чтобы люди „имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ". И источникъ этой жизни, залогъ этой радости, этого свѣтлаго взгляда на міръ и путь спасенія въ вѣрѣ во Христа Воскресшаго, побѣдителя смерти, виновника вѣчной жизни. И только въ синтезѣ этой вѣры въ искупительное значеніе Галгоѳскихъ страданій Христа и въ Его побѣду надъ княземъ міра и „первымъ врагомъ" жизни—Смертію,—только въ такой вѣрѣ выражается истинное христіанство, и жизнь, полная даже горя и лишеній, освѣщается такимъ свѣтомъ, и сердце скорбящее согрѣвается такимъ тепломъ, что дѣлаетъ жизнь христіанина радостнымъ слѣдованіемъ по узкому пути въ царство вѣчной любви и незаходящаго свѣта.

Какъ не понялъ Ницше дѣла Христова на землѣ, такъ не открылся ему въ Немъ и ликъ истинно человѣческой любви и проповѣдника блаженства. Смущенный „горемъ", возвѣщеннымъ Христомъ смѣющимся нынѣ, Ницше такъ говоритъ о

Христѣ: „развѣ не нашелъ Онъ здѣсь на землѣ никакихъ основаній для смѣха? Значитъ, искалъ Онъ плохо. Дитя находитъ здѣсь основаніе для смѣха. Онъ недостаточно любилъ: иначе онъ полюбилъ бы и насъ, смѣющихся! Но онъ ненавидѣлъ и позорилъ насъ, плачь и скрежетъ зубовный предрекалъ Онъ намъ“ [1]).—Ницше считаетъ себя очень смѣлымъ въ мысли и утвержденіи, но какъ ни смѣлъ онъ, однако не было болѣе безгранично смѣлаго утвержденія, какъ сказать, что кто не умалится, какъ дитя, тотъ не можетъ войти въ Царство Небесное, и что это Царство есть Царство дѣтей. Христосъ зналъ дѣтей и любилъ ихъ, зналъ и любилъ такъ, какъ никто послѣ Него не полюбитъ. Зналъ Онъ и улыбку дитяти и смѣхъ его и не могъ не любить чистой дѣтской радости въ мірѣ, иначе не завѣщалъ бы апостолъ Христовъ вѣрующимъ въ Него „всегда радоваться“. Не позорилъ Христосъ никого, и не могъ Онъ никого ненавидѣть, а особенно радующихся въ мірѣ и смѣющихся чистымъ дѣтскимъ смѣхомъ,—Онъ, этотъ кроткій Учитель, этотъ „ядца и винопійца“, по словамъ о Немъ враговъ Его, „другъ мытарей и грѣшниковъ“. Если бы Ницше проникъ въ духъ Евангелія Христова, то онъ нашелъ бы, что „смѣющіеся нынѣ“ это не дѣти Царства Небеснаго въ радости ихъ, но тѣ пресыщенные и богатые, которые смѣются и радуются отъ того горя и позора, въ какомъ живутъ братья ихъ въ мірѣ, отъ того самолюбованія и самодовольства, которое ярче выступаетъ на фонѣ нищеты и слезъ въ мірѣ. Вѣдь самъ Ницше прекрасно понималъ высокую природу сорадованія, пониманія чужой радости, и всю низость той радости самаго злого животнаго, которое радуется чужому горю, какъ змѣя радуется боли укушеннаго его [2]). И если бы Ницше проникъ въ духъ Евангелія Христова и въ жизнь Его на землѣ, то онъ увидѣлъ бы ту картину, чудную, трогательную картину, какую увидалъ Достоевскій въ евангельскомъ повѣствованіи. Картина эта вырисовывается во время чтенія Евангелія надъ гробомъ старца Зосимы.

„И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейской, читалъ отецъ Паисій, и бѣ Мати Іисусова ту. Званъ-же бысть Іисусъ и ученицы Его на бракъ“.

---

[1]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 260—261.

[2]) Т. V, стр. 39.

— Бракъ? что это... бракъ... неслось, какъ вихрь въ умѣ Алеши...

А?.. что читаютъ?

...„И не доставшу вина, глагола Мати Іисусова къ Нему: вина не имутъ“... слышалось Алешѣ.

— Ахъ, да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю: это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ, это чудо, ахъ, это милое чудо. Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ... „Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ“!.. Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была...

Безъ радости жить нельзя, говоритъ Митя... Да, Митя... Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощенія,— это опять-таки онъ говорилъ...

...„Глагола ей Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ, жено; не у пріиде часъ Мой“.

Глагола Мати Его слугамъ: „еже аще глаголетъ вамъ, сотворите“...

— Сотворите.. Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей..

Ужъ, конечно, бѣдныхъ, коли даже на свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки, что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно вообразить... И знало-же другое великое сердце другого великаго существа, бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. „Не пришелъ еще часъ Мой“, Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, что бы умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читаетъ:

..„Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха. И глагола имъ. почерпните нынѣ и принесите архітріклінови, и принесоша“. „Яко же вкуси архітріклінъ вина, бывшаго отъ воды, и не вѣдяше откуда есть:

слуги же вѣдяху почерпшіе воду: пригласи жениха архітріклінъ“:

„И глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упіются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе доселѣ“.

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ, да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ, и веселая толпа и... гдѣ-же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!.. Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичекъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба уже нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ, стало-быть, тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской.

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ же не онъ, коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичекъ,—пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подалъ, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь, только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое! А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша...

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами; ужасенъ высотою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже на вѣки

вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ до боли, слезы рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся...

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ, что читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ о. Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, понявъ, что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ-бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои“... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и „не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она

вся трепетала, „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просятъ“, прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ-бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ-бы идея воцарилась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ“.

Что эта картина, изображенная Достоевскимъ, есть картина евангельскаго духа, хотя и не ученый комментарій къ Евангелію, знаетъ каждый, кто читаетъ и любитъ эту книгу. И не все ли человѣчество пришелъ звать на великій свой брачный пиръ Христосъ, этотъ дивный таинственный Женихъ прекрасной невѣсты—церкви Своей? Правда, учитель Церкви, любившій Христа и, какъ всякій любящій, знавшій Его, свидѣтельствуетъ, что Христосъ никогда не смѣялся, а часто плакалъ. Но эта серіозность Христа не была ненавистью къ смѣху и веселью людей. Онъ съ безконечной лаской отзывался какъ на скорби ихъ, такъ и на ихъ радости, и если Самъ не смѣялся, то не потому ли, что такъ мало радости видѣлъ Онъ на землѣ среди людей, но такъ много горя, такъ много злобы, такъ много неправды, что только дитя имѣло право смѣяться въ мірѣ этомъ, не оскорбляя души и совѣсти людской?

Теперь отъ дѣла и жизни Христа я обращаюсь къ жизни Его послѣдователей въ мірѣ, къ тайнѣ ихъ страданій здѣсь на землѣ. Ницше не понялъ тайны Любви Божественной, выразившейся въ отданіи Сына Божія на страданія въ мірѣ для спасенія его. Не понялъ Ницше и тайны страданій христіанина въ мірѣ и не могъ понять, такъ какъ эта тайна открывается лишь при свѣтѣ отношенія страданій христіанина къ крестному пути своего Господа и Учителя, когда эти страданія получаютъ высшій смыслъ служенія дѣлу Христову на землѣ, дѣлу созиданія на ней Царства Божія, Царства правды и радости. О послѣдней, какъ всегдашнемъ спутникѣ христіанскаго настроенія, я уже говорилъ. Теперь перейду къ рѣчи о страданіи христіанъ въ мірѣ.

Радость и скорбь, веселіе сердца и печаль, блаженство и страданія! Какія противоположныя, какія несоединимыя настроенія и состоянія! И однако, они дѣйствительно нераз-

рывно соединяются въ христіанскомъ жизнепониманіи. Когда Ницше говоритъ о „культѣ страданія“ въ христіанствѣ, онъ глубоко заблуждается, и это я покажу дальше. Но когда онъ говоритъ о томъ, что исповѣданіе вѣры Христовой неотдѣлимо изъ скорбей и страданій самого вѣрующаго, то онъ утверждаетъ несомнѣнную правду и ставитъ дѣйствительно великой важности вопросъ о самой возможности чистой радости въ мірѣ страданія и слезъ.

Я указалъ уже на тотъ свѣтлый лучъ радости, который проходитъ черезъ все новозавѣтное писаніе и черезъ самую жизнь первыхъ христіанъ. Но этотъ лучъ не скрываетъ отъ взгляда вѣрующаго мірового зла и страданія, и христіанская радость не только не выдѣляетъ вѣрующаго изъ области скорби и страданій въ мірѣ, но, напротивъ, каждый вѣрующій во Христа представляется въ самомъ Откровеніи неизбѣжно мученикомъ за вѣру во Христа, идущимъ въ Царство Отца своего путемъ великихъ лишеній и страданій. Едва ли мнѣ даже и говорить нужно подробно о той сторонѣ Евангельской проповѣди, которая полна предсказаніями безконечно многихъ скорбей вѣрующимъ во Христа и заключаетъ въ себѣ требованія отъ нихъ величайшаго самоотреченія. „Ко всѣмъ сказалъ (Христосъ): если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною, если кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее“ [1]). И это самоотреченіе должно выражаться не только въ готовности умереть за Христа, но оно должно проникать всю жизнь вѣрующаго, обнимать все множество его жизненныхъ отношеній: „если кто приходитъ ко Мнѣ—учитъ Господь—и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а при томъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ [2]). Тѣ условія, въ какихъ должна была протекать жизнь первыхъ послѣдователей Христа, и, дѣйствительно, требовали совершеннаго самоотреченія и готовности на всѣ жертвы. „Въ мірѣ будете имѣть скорбь“—[3]) предупреждалъ Господь своихъ учениковъ; „наступаетъ, часъ говорилъ Онъ имъ, когда всякій

[1]) Лк., IX, 23—24.
[2]) Лк., XIV, 26.
[3]) Io. XVI, 33.

убивающій васъ, будетъ думать, что онъ служитъ Богу“ [1]). И вся жизнь апостоловъ въ потрясающихъ картинахъ говоритъ о томъ, какъ буквально исполнилось предсказанное Господомъ. Если не лишней будетъ иллюстрація къ высказанному утвержденію, то я позволю себѣ лишь передать слова ап. Павла, гдѣ онъ говоритъ о своей жизни въ послѣдованіи за Христомъ. „Я былъ—свидѣтельствуетъ апостолъ о себѣ—въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ... и многократно при смерти. Отъ Іудеевъ пять разъ мнѣ было дано по сорока ударовъ безъ одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушенія... Много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ пустынѣ, на морѣ, между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и наготѣ... У меня ежедневное стеченіе народа, забота о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся“ [2]). Такъ говоритъ апостолъ Павелъ о себѣ, но онъ же выражаетъ увѣренность, что и „всѣ, желающіе жить благочестиво въ Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы. Злые же люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ“ [3]). Картины изъ эпохи гоненій на христіанъ достаточно извѣстны, и онѣ наглядно говорятъ, среди какихъ опасностей и страданій протекала жизнь первыхъ послѣдователей Христовыхъ. И нельзя смотрѣть на эти страданія какъ на что-то случайное, имѣвшее мѣсто лишь въ извѣстную историческую эпоху, но на нихъ справедливо смотрѣть, какъ на всегдашняго спутника идущаго въ мірѣ христіанина. Апостолъ не только утверждаетъ, что гонимы въ мірѣ будутъ всѣ хотящіе жить благочестиво и что многими скорбями надлежитъ входить въ Царство небесное [4]), но и въ пророческихъ изображеніяхъ будущихъ судебъ церкви видитъ упадокъ добра и силу зла [5]).

---

[1]) Іо. XVI, 2.
[2]) 2 Кор. гл. XI.
[3]) 2 Тим., III, 12—13.
[4]) Дѣян., XIV, 22.
[5]) Напр., 2 Тим., III, 13.

Но это пока отмѣчена мною лишь одна сторона жизни христіанства въ мірѣ, сторона историческая, какъ бы внѣшняя. Но есть и другая, пожалуй, еще болѣе важная для Ницше, чѣмъ означенная. Это та сторона въ отношеніи христіанина къ страданіямъ жизни, по которой эти страданія представляются неотдѣлимыми отъ христіанскаго совершенства. Кого ублажаетъ Господь? Нищихъ, плачущихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, изгнанныхъ и злословимыхъ въ мірѣ. Кому возвѣщается горе? Горе вамъ, богатые, училъ Господь— ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! Ибо взалчете. Горе вамъ смѣющіеся нынѣ! Ибо восплачете и возрыдаете. Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо! Ибо такъ поступали со лжепророками отцы ихъ (Лк. VI, 24—26). Внутреннее совершенство христіанинъ всюду, и въ Евангеліи и въ посланіяхъ апостоловъ, связываетъ неразрывно съ совершеннымъ самоотреченіемъ, первымъ показателемъ котораго является страданіе, какъ путь воспитанія души для совершенной жизни. Всюду здѣсь страданія соединяются съ вѣрностью Христу и съ радостью о Немъ. „Мы—говоритъ апостолъ—дѣти Божіи, сонаслѣдники Христу, если только съ Нимъ страдаемъ, чтобы съ Нимъ и прославиться“ (Рим. 8, 16 17). „Если страдаете за правду, то вы блаженны—поучаетъ Апостолъ Петръ“ (1 п. 3, 14), „ибо по мѣрѣ какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 кор. 1, 5). Страданія христіанина являются, по мысли апостола, участіемъ въ страданіяхъ самого Христа Спасителя (Филипп. 3, 10) и, слѣдовательно, прямой долгъ христіанина: „вамъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него (Фил. 1, 29). Поэтому и пишетъ Апостолъ, какъ мы видѣли, о той радости, какую онъ переживалъ среди страданій своихъ. Ап. же Петръ указываетъ и на ту сторону страданія, по которой всякій, страдающій здѣсь плотью, перестаетъ грѣшить, если вооружится тою мыслью, что Христосъ пострадалъ за насъ (1 П. 4, 1). Я сказалъ, что эти страданія, эти лишенія неизбѣжно, по самой сущности Евангельской проповѣди, связываются съ исповѣданіемъ христіанства. И едва ли нужно подробно раскрывать это. Достаточно лишь вспомнить, что христіанская религія есть религія любви, чтобы понять, что пока въ мірѣ существуетъ горе и страданіе, до тѣхъ поръ

они неизбѣжно будутъ удѣломъ всякаго не лицемѣрнаго слуги Христова въ мірѣ. Слѣдующіе за Христомъ не могутъ быть богатыми въ мірѣ, пока есть въ немъ нужда и нищета; христіанинъ не можетъ быть беззаботно веселъ въ мірѣ, когда всюду въ немъ слезы и болѣзнь. Не можетъ любящій брата своего и пресыщаться нынѣ, потому что много въ мірѣ сиротъ и голодныхъ. Гордымъ не можетъ быть христіанинъ, потому что всякій недостатокъ въ любимомъ является источникомъ не радости, но скорби; мстительнымъ не можетъ быть вѣрующій во Христа, такъ какъ онъ тогда отпадаетъ отъ общенія со своимъ Спасителемъ; насиліемъ не можетъ дѣйствовать послѣдователь Христа, потому что не по Его стопамъ пойдетъ онъ тогда въ своей жизни. А безъ всего этого, безъ богатства, безъ пресыщенія, безъ самодовольства, безъ гордости, насилія, мести,—безъ всего этого, что останется въ удѣлъ христіаннину, какъ не скорбь одна и лишенія? Но и это не все, есть у вѣрующихъ во Христа и любящихъ брата своего новый источникъ тяжкихъ страданій—сознаніе своей личной отвѣтственности за жизнь, счастье и грѣхъ людей, сознаніе, которое возрастаетъ по мѣрѣ роста любви и духовнаго совершенства. Наконецъ, что дѣлаетъ человѣка особенно подготовленнымъ къ принятію Евангельскаго благовѣстія, ублажающаго нищихъ духомъ, какъ если не это глубокое сознаніе своей личной немощности, своего безсилія, своей ненависти ко всему тому, что въ утѣшеніе человѣку можетъ дать плоть и кровь? Царство Божіе открыто для тѣхъ, кто сознаетъ себя жалкимъ и бѣднымъ въ мірѣ, а кому въ немъ радостно и хорошо, тотъ не пойдетъ узкимъ и труднымъ путемъ, но изберетъ путь широкій и радостный. — И послѣ всего этого, могъ бы спросить Ницше, можно говорить о томъ, что Евангеліе не отрицаетъ земли и радости сердца? Да, конечно, можно, и при томъ не только съ точки зрѣнія одной вѣры, но и съ точки зрѣнія самого „міра“, самого Ницше, если угодно, т. е. съ точки зрѣнія, прежде всего, психологической.

Когда ставится вопросъ объ отношеніи извѣстнаго ученія или религіозной проповѣди къ страданіямъ въ жизни и къ борьбѣ съ ними, то эта борьба можетъ направляться по двумъ русламъ: по пути стремленія къ устраненію страданій изъ жизни и по пути преобразованія самой души че-

ловѣческой въ ея отношеніи къ жизненнымъ невзгодамъ. Первый путь есть по преимуществу путь соціально-политическихъ реформаторовъ, второй—религіозно-философской проповѣди. И мнѣ думается, что христіанская религія, какъ универсальная, въ своемъ содержаніи обнимаетъ оба эти пути и является возвѣщеніемъ міру свѣта чистой радости.

Сначала о первомъ пути борьбы христіанства со зломъ и страданіями жизни, то есть о томъ пути, который направляется въ сторону избавленія человѣчества отъ страданій, устраненія послѣднихъ. Эта сторона дѣла уже была затронута мною въ спеціальной статьѣ, и я имѣлъ возможность показать, что „ненависть“ христіанина къ міру и жизни въ немъ не являются препятствіемъ на пути христіанскаго служенія избавленію міра отъ страданій, что проповѣдь Господа Іисуса Христа не возлагала новаго бремени на отягченныя горемъ плечи человѣчества, но, напротивъ, была радостной вѣстью, помогавшей человѣку такъ же легко нести свое бремя, какъ иго, какъ упряжь помогаетъ рабочему животному везти свою кладь. Теперь я лишь кратко напомню то, о чемъ въ другомъ случаѣ говорилъ подробно. Рѣчь здѣсь прежде всего объ отношеніи христіанина къ землѣ, къ жизни на ней. Въ этомъ случаѣ, если разсматривать вопросъ о цѣнности міра съ точки зрѣнія Ницше и вѣрующаго, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что религіозно-христіанская точка зрѣнія усвояетъ міру и нашей землѣ несравнимо большую цѣнность, чѣмъ Ницше. Что такое міръ для послѣдняго—мы уже видѣли. Міръ этотъ—вѣчно несовершенный осколокъ вѣчнаго бытія, человѣкъ—болѣзнь земли, а сама земля—событіе безъ плана, разума, воли, самосознанія, худшій видъ необходимаго, глупая необходимость. Что же такое теперь міръ для христіанина? И съ христіанской точки зрѣнія міръ, какъ относительная противоположность Самосущему, какъ тлѣнный и преходящій, можетъ явиться источникомъ искушенія для человѣка утверждать въ мірѣ свое царство и черезъ это возставать противъ единаго Царя міра—Бога. Но такая противобожеская возможность существуетъ только для человѣка, еще не возлюбившаго Бога. Такой человѣкъ долженъ раньше возненавидѣть міръ и свою жизнь въ немъ, чтобы всецѣло безъ ог-

лядки [1]) отдаться всепоглощающей любви къ Богу, и въ этой именно любви къ Богу своему—Царю міра—найти источникъ новой и совершеннѣйшей любви къ возлюбленному Богомъ міру. „Поднявшись до высоты религіозной любви, вѣрующій уже оставляетъ землю со всѣми ея привязанностями позади себя: онъ уже не можетъ больше любить міра самого по себѣ и жизни своей самой въ себѣ. По сравненію съ полнотой и совершенствомъ Божественной жизни, причастникомъ которой дѣлается любящій уже въ силу одной своей любви, все это дѣйствительно—пепелъ, прахъ, и тѣнь, и дымъ. Но оставивши землю ради жизни въ Богѣ, христіанинъ въ Немъ же находитъ источникъ новой и совершеннѣйшей любви къ міру, къ землѣ, къ братьямъ своимъ по плоти. Любовь къ людямъ теперь у человѣка, возлюбившаго Бога, не только не исчезаетъ и не умаляется; но, напротивъ, расширяется до безконечности. Она уже не есть любовь къ любящимъ только и близкимъ по плоти, но не знаетъ предѣла: она любитъ враговъ, благословляетъ проклинающихъ, молится за гонителей. Это потому, что такая любовь является отображеніемъ любви Небеснаго Отца, Который „солнце Свое сіяетъ“ на добрыхъ и на злыхъ и дождь посылаетъ праведнымъ и неправеднымъ. Самоотреченіе любви, ненависть къ близкимъ ради Бога, погубленіе жизни своей ради любви къ Богу—все это путь не къ духовному одиночеству, не къ ненависти къ міру, не къ самоистязанію, но, напротивъ, къ полнотѣ любящаго общенія съ міромъ, къ богатству духовной жизни. У любящаго Бога не только не закрываются глаза на жизнь міра, не только эта жизнь не чужая для него, но, напротивъ, родная и близкая: небо—престолъ Божій; земля—подножіе ногъ Его, а люди всѣ—дѣти одного Отца и братья другъ другу“ [2]) И неужели такъ учить о мірѣ значитъ „клеветать“ на него и на жизнь въ немъ? Не является ли именно для вѣрующаго міръ во всемъ своемъ значеніи, какъ міръ прекрасный, отображеніе вѣчнаго совершенства своего Творца, какъ міръ, имѣющій высшую разумную цѣль своего существованія, управляемый въ своей жизни высочайшей и премудрой волей! Именно въ связи съ такимъ взглядомъ на міръ хри-

[1]) Лк., IX, 62.

[2]) „Евангеліе и Обществ. Жизнь“.

ствнство не можемъ смотрѣть на скорби и страданія въ немъ, какъ на что-то нормальное, естественное, не можетъ не только проповѣдывать культъ страданій, но и просто игнорировать послѣднія, но, напротивъ, каждый, по Божьему любящій міръ, долженъ не съ презрѣніемъ и безучастіемъ относиться къ жизни на землѣ, но всѣ силы души отдать тому, чтобъ въ мірѣ служить Богу, бороться со зломъ и страданіями въ жизни людей, стремиться сдѣлать ихъ болѣе счастливыми, радостными. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть болѣе яркаго свидѣтельства объ истинно-христіанскомъ отношеніи ко злу и страданіямъ въ мірѣ, чѣмъ какое открылось въ жизни самаго Христа на землѣ. Жизнь эта для каждаго вѣрующаго во Христа высшій идеалъ правды и свѣта, и надъ этою жизнью могъ бы больше задуматься и самъ Ницше. Не было въ мірѣ никого, подобнаго Христу, кто бы больше возвышалъ небесное надъ земнымъ, вѣчное надъ временнымъ, волю Божію надъ своей волей, любовь къ Отцу передъ любовью ко всему земному. Но „не было въ мірѣ нашемъ никакого другого, кто бы болѣе любящаго вниманія удѣлялъ мелочамъ жизни окружающихъ Его современниковъ, кто бы такъ отзывался на каждый стонъ человѣческаго сердца, на каждое горе и нужду людей. Жизнь Господа—единственная, каждое слово и дѣло Его имѣютъ въ глазахъ людей вѣры значеніе несравнимой цѣнности. И жизнь эта передъ нами, и какая это человѣческая, земная жизнь, какая добрая, отзывчивая, нѣжная настроенность. Даже непонятно какъ-то, какъ-то радостно странно, что большая часть, почти вся жизнь Господа была отдана тому, чтобы дѣлать людей счастливыми въ самомъ обычномъ значеніи этого слова, возвѣщать величайшую истину въ самой будничной обстановкѣ, утѣшать скорбящихъ, кормить голодныхъ, помогать бѣднымъ, обличать міръ за неправду его земную, призывать міръ къ земной правдѣ, молиться о хлѣбѣ насущномъ для всѣхъ“ [1]). „Я повторяю, что если сравнивать любовь къ землѣ и къ жизни на ней Евангелія и Ницше, то вся полнота любви принадлежитъ первому“.

Правда, можно еще поставить вопросъ, не теряетъ ли эта любовь всякой цѣнности черезъ то, что она есть любовь къ

---

[1]) „Евангеліе и Обществ. Жизнь“.

ближнему, а не дальнему, къ слабому и униженному, а не къ сильному и гордому въ мірѣ. Но это уже новый вопросъ, и рѣчь о немъ дальше. Здѣсь же лишь я отмѣчу еще разъ, что христіанская любовь, какъ и всякая искренняя любовь, чѣмъ больше любитъ, тѣмъ больше борется за счастье любимаго, тѣмъ больше стремится устранить изъ жизни міра все, что является въ немъ источникомъ горя и страданій. Эту сторону христіанскаго ученія о Любви, какъ пути къ жизни, полной свѣта и радости, превосходно понялъ великій современникъ Ницше Левъ Николаевичъ Толстой въ полномъ согласіи въ этомъ пунктѣ своего ученія съ великими учителями міра христіанскаго. Толстой понялъ именно, что Господь приходилъ и училъ людей не для того, чтобы увеличить скорби и страданія въ мірѣ, но чтобы даровать людямъ жизнь истинно блаженную и радостную. Съ силой пророческаго вдохновенія Толстой изобразилъ весь ужасъ устоевъ современной противохристіанской жизни и весь тотъ свѣтъ и всю ту радость, какіе воцарились бы въ мірѣ, если бы жизнь въ немъ слагалась не по ученію міра, но по ученію Христа. Не излагаю подробно взгляда Толстого по этому вопросу и вообще не останавливаюсь долго на немъ, такъ какъ уже сдѣлалъ это въ своей спеціальной статьѣ [1]).

Скажу лишь, что нѣтъ такого вида страданій, зависящихъ отъ ложнаго направленія воли и жизни людей, съ какимъ бы христіанство не вступало въ борьбу и не указывало тѣхъ началъ жизни, которыя должны были преобразовать послѣднюю въ направленіи ея счастья и радости. Указавъ въ любви основное начало христіанской жизни, Евангеліе навѣки осудило тѣ жизненные пути, которые утверждаются на началѣ духовной разобщенности и вражды людей между собою. Такъ, напримѣръ, соціальный вопросъ. Въ настоящее время онъ не только не можетъ, конечно, считаться разрѣшеннымъ окончательно въ христіанскомъ смыслѣ слова, но, напротивъ, кажется, еще никогда онъ не стоялъ такъ остро и не требовалъ такъ настойчиво разрѣшенія, не терзалъ совѣсть съ такою силой. Но также несомнѣнно, что великій принципъ братства людей, какъ дѣтей одного небеснаго отца, является тѣмъ свѣтомъ, который ярко освѣщаетъ путь истинной

[1]) „За что меня осудили“, стр. 21—61.

жизни, на какой должно вступить человѣчество въ своихъ исканіяхъ истиннаго счастья. На этомъ пути нѣтъ тѣхъ страшныхъ препятствій, тѣхъ, если можно такъ сказать, разнаго рода проволочныхъ загражденій, которыя разставлены на всѣхъ другихъ путяхъ человѣческой исторіи и культурнаго развитія. Назову для примѣра матеріальную современную культуру съ ея капиталистическимъ строемъ жизни. Если бы можно было увидѣть ясно все то горе, страданія, слезы и кровь, которыя губятъ жизнь безконечно многихъ милліоновъ людей и зависятъ отъ законовъ соціальной борьбы, утверждающейся на началахъ капиталистическаго строя жизни, то это горе представилось бы въ видѣ океана, заполняющаго громадную часть человѣческой жизни. И указать путь уничтоженія самаго источника этого горя и этихъ слезъ значило бы на много увеличить радость и счастье жизни. А это именно и сдѣлало Евангеліе Іисуса Христа, когда оно не только возвѣстило людямъ, что „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“, но и въ корнѣ измѣнило взгляды людей на собственность, богатство и бѣдность, внутренно упраздняя первую, осуждая второе и устраняя возможность послѣдней въ обществѣ людей, проникнутыхъ началомъ всеобъемлющей братской любви, требующей отреченія отъ своего ради другихъ [1]). Соціальныя неравенства людей являются также великими загражденіями на пути радостной жизни во взаимной любви. И христіанство, возвѣщая безконечную цѣнность каждаго, какъ носителя божественнаго начала жизни, рузрушаетъ всѣ перегородки между людьми въ соціальномъ устройствѣ. Въ христіанствѣ нѣтъ рабовъ и господъ, но всѣ свободные дѣти любви Божіей; нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ, невозможна національная борьба и національный эгоизмъ; нѣтъ мужчины и женщины, и спадаютъ цѣпи тысячелѣтняго рабства послѣдней; нѣтъ властвующихъ и господствующихъ, но только служащіе. Евангеліе, наконецъ, въ корнѣ вырвало источникъ величайшихъ душевныхъ страданій человѣка, непобѣдимыхъ ни силой, ни богатствомъ, — страданій, зависящихъ отъ сознанія своего одиночества, своей

---

[1]) Подробно говорю объ этомъ въ своей книгѣ: „Ученіе древней Церкви о собственности“.

личной ненужности всѣмъ другимъ и безучастія къ послѣднимъ. Въ идеѣ Церкви христіанство дало планъ устроенія великой всечеловѣческой семьи, объединенной любовью къ общему Отцу. Тѣ великія свѣтила на пути къ счастливой и достойной человѣка жизни, которыя формулируются въ словахъ „свобода, равенство и братство"—это лишь планеты, свой свѣтъ заимствующія отъ солнца правды—Евангелія Христова и не имѣющія внѣ послѣдняго того значенія, какое могутъ они имѣть единственно при вѣрѣ въ вѣчную побѣду жизни надъ смертью. Не буду вдаваться въ частности и подробно называть всѣ тѣ путы, связывающія жизнь человѣка, и всѣ терніи, терзающія эту жизнь. Насколько они всѣ зависятъ отъ злой или заблуждающейся воли человѣка, настолько для всѣхъ ихъ указанъ источникъ просвѣщенія и исцѣленія въ ученіи Христа. Какъ я сказалъ, великая, думаю, безсмертная заслуга Л. Н. Толстого въ его пониманіи христіанства и есть именно то, что онъ съ мощью художественнаго таланта освѣтилъ эту сторону Евангельской проповѣди, ея побѣждающую міръ силу въ призывѣ къ любви и согласію среди людей. Но въ этомъ же отношеніи выступаетъ ярко и та односторонность толстовскаго пониманія христіанства, которая не только отрываетъ проповѣдь Л. Н. Толстого отъ русла учительства вселенской церкви, но и самое христіанство въ пониманіи Л. Н. Толстого дѣлаетъ въ концѣ концовъ далекимъ отъ той всемірной побѣды надъ зломъ и страданіемъ, къ чему оно призвано благовѣстіемъ Христа о Царствѣ Божіемъ, какъ Царствѣ чистаго свѣта и радости.

Я уже сказалъ, что могутъ существовать лишь два пути борьбы со страданіями въ мірѣ: путь предупрежденія и устраненія страданій въ жизни людей и путь перерожденія самой души человѣка для побѣды надъ страданіями извнутри самого духа. Первый путь есть общій для всѣхъ, имѣющихъ совѣсть въ мірѣ, есть путь собственно человѣческій. Путь этотъ, какъ уже было отмѣчено, благословляется и Евангеліемъ, и оно даетъ такіе руководящіе принципы жизни, осуществленіе которыхъ должно спасти человѣчество отъ бездны зла и страданій, зависящихъ отъ грѣха и злой воли человѣка и выражающихся прежде всего въ страданіяхъ обездоленныхъ въ мірѣ отъ злобы и насилія людей, а

всѣхъ вообще отъ зависти, неудовлетворенности, укоровъ совѣсти, духовнаго одиночества, пустоты жизни. Но этотъ путь борьбы со страданіями, путь общечеловѣческій, не есть еще единый и достаточный. Не только проповѣдь представителей гуманизма различныхъ теченій и опытъ широкихъ соціально политическихъ реформъ, но и длинный уже рядъ столѣтій исповѣданія Евангельской правды значительной частью человѣчества не привели послѣднее къ избавленію отъ скорбей и страданій жизни. Страданія эти неизмѣнно по существу являются удѣломъ всего, живущаго на землѣ, и неизбѣжно будутъ являться такимъ удѣломъ, хотя бы уже по тому одному, что смерть царствуетъ въ мірѣ, царитъ въ немъ трудъ и болѣзнь Нужно было поставить человѣчество на новую высоту его духовной жизни, чтобы всѣ страданія и скорби не могли бы погасить въ человѣческомъ сердцѣ чистой радости.

Попытки сдѣлать это были въ исторіи человѣчества: и философія и религія ставили нерѣдко своею задачей воспитать самую волю человѣка и переродить міръ его убѣжденій, и насколько онѣ достигали этого, настолько велико было ихъ вліяніе на жизнь человѣка. Но только христіанство указало поистинѣ новый путь къ побѣдѣ надъ страданіями жизни—путь богочеловѣческій. Какъ я уже сказалъ, Евангеліе, призывая людей преобразовать ихъ жизнь и указывая новыя начала человѣческаго общежитія, не освобождало этимъ человѣка отъ страданій въ жизни. Христосъ пришелъ призвать къ Себѣ свободныхъ дѣтей Своего небеснаго Отца, и Онъ не далъ людямъ манны небесной, не далъ царства земного, не сотворилъ чуда для спасенія вѣрующихъ въ Него отъ лишеній, скорбей и утратъ, неизбѣжныхъ для всякаго въ земной жизни. Но на узкомъ пути въ Царство небесное Христосъ далъ людямъ, вѣрующимъ въ Него, великую силу, побѣждающую міръ, эту самую вѣру въ Него-Спасителя міра, живое и одушевляющее сознаніе личнаго общенія съ Нимъ, сознаніе, претворяющее печаль въ радость и дѣлающее легкимъ для вѣрующаго во Христа бремя Его въ этой жизни. Апостолъ назвалъ вѣру христіанскую побѣдой, побѣждающей міръ [1]). И это была дѣйствительно по-

[1]) 1. Іоан., V, 4.

бѣдная вѣра. Она, именно, дѣлала то, что апостолы среди всѣхъ страданій своихъ „преизобиловали“ радостью; эта вѣра дѣлала то, что передъ лицомъ смерти первые христіане пѣли восторженные гимны своему Богу, ради Котораго они страдали и за вѣру въ Котораго они умирали. Вѣра, нераздѣльно соединенная съ любовью ко Христу, дѣлала то, что страданія въ этой жизни представлялись не только „ничтожными“ по сравненію съ имѣющею открыться въ будущемъ Царствѣ славою дѣтей Божіихъ, но эти самыя страданія получали высшій смыслъ свидѣтельства истины на землѣ, страданій ради Христа для служенія великому дѣлу водворенія его Царства въ мірѣ. Вѣра, и только вѣра, сообщала смыслъ жизни и смыслъ страданіямъ въ ней; а любовь ко Христу и только эта любовь, дѣлала радостнымъ несеніе бремени страданій ради Любимаго. Осмыслить жизнь, осмыслить фактъ страданій всегда значитъ уже уменьшить боль отъ него, возрождать въ душѣ постоянно новую силу. Не только религіозная вѣра, но и всякая искренняя вѣра въ правду и святость того дѣла, которому служитъ человѣкъ, является источникомъ высшей душевной энергіи и радости. „Вѣрою — говоритъ апостолъ — Авраамъ повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе, и пошелъ, не зная, куда идетъ. Вѣрою обиталъ онъ на землѣ обѣтованной, какъ на чужой, и жилъ въ шатрахъ съ Исаакомъ и Іаковомъ, сонаслѣдниками того же обѣтованія... Всѣ сіи умерли въ вѣрѣ, не получивши обѣтованій, а только издали видѣли оныя и радовались и говорили о себѣ, что они—странники и пришельцы на землѣ“. Радовались, вѣровали и радовались такъ же, какъ и теперь, въ наше время безвѣрія и суевѣрія, юноша, одушевленный вѣрой въ будущее царство правды на землѣ, безъ вѣры въ Бога, безъ вѣры даже въ будущую жизнь для себя, радостно и самоотверженно работаетъ для своего дѣла, смѣло глядя въ лицо будущему и самой смерти и бодро встрѣчая возможныя страданія и лишенія. Болѣе того, самъ Ницше среди дѣйствительно великихъ личныхъ страданій находилъ въ себѣ силы пѣть радостные гимны жизни, когда жилъ вѣрою въ будущее царство сверхчеловѣка. Христіанская вѣра отличается въ этомъ отношеніи отъ всякой другой лишь тѣмъ существеннымъ, что она ставитъ своего исповѣдника выше всего слу-

чайнаго и преходящаго въ жизни, что она указываетъ послѣдней высшій вѣчный смыслъ, а во Всемогущемъ Богѣ—залогъ совершенной увѣренности, что царство добра и свѣта побѣдитъ и будетъ Богъ „всяческая во всѣхъ“. Можно признавать такую вѣру разумной и не разумной, истинной или ложной; но нельзя отрицать, что такая вѣра не можетъ не измѣнить самый внутренній міръ человѣка въ его отношеніи къ факту страданій. Развѣ, напримѣръ, такой ужасъ, какъ смертная казнь, одинаково переживался архидіакономъ Стефаномъ, видѣвшимъ передъ собою глазами вѣры открытое небо и молившимся за побивавшимъ его камнями, или же несчастнымъ преступникомъ, душу котораго разрываетъ безсильная злоба и ужасъ смерти! Развѣ одно и то же утратить любимаго съ сознаніемъ того, что свѣтъ нашей жизни погасъ на вѣки, или же съ вѣрою въ то, что въ Богѣ всѣ живы, что близится часъ новаго радостнаго свиданія съ любимымъ и соединенія съ нимъ на вѣки. Развѣ одно и то же терпѣть лишенія, голодъ, холодъ, нужду только потому, что сытые и богатые сильны и злы, или же въ своей нищетѣ и скорби видѣть уподобленіе Христу, обнищавшему ради насъ?

Ужасны всегда страданія, и потери, и неправда въ жизни, не можетъ человѣческая совѣсть не звать душу бороться со зломъ всѣми силами. Но только вѣрующій и любящій непобѣдимъ въ этой борьбѣ. „Любовь, говоритъ апостолъ, все переноситъ“, и не просто переноситъ, но и радостно, и тѣмъ больше любитъ, чѣмъ больше жертвъ приноситъ любимому, чѣмъ больше силъ своей души вложитъ въ то, что любитъ. Такова любовь материнская, такова любовь дружеская, такова же и любовь чисто идеальная. Человѣкъ всегда больше любитъ свою идею, много ей поработавши и перенесши за нее множество невзгодъ, чѣмъ если онъ говоритъ объ идеѣ и служеніи ей только съ ораторской трибуны и за казенное вознагражденіе Такова же природа и любви человѣка ко Христу. Апостолъ Павелъ не находилъ во вселенной ничего такого, что могло бы „отлучить“ его отъ любви Христовой и свидѣтельствовалъ о себѣ, что чѣмъ больше умножаются страданія его, тѣмъполнѣе и радость его. И то, что о себѣ говоритъ Павелъ, всегда подтверждаетъ опытъ любви ко Христу всякаго вѣрующаго, въ Него. „Никто не свободенъ,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—кромѣ того, кто живетъ для Христа;

онъ стоитъ выше всѣхъ бѣдствій, и если онъ самъ не захочетъ сдѣлать себѣ зла, то никто дугой никогда не въ состояніи ему будетъ сдѣлать это... Потерю имущества, лишенія отечества, самую крайнюю опасность онъ не считаетъ за бѣдствіе; даже то самое, чего всѣ страшатся—переходъ отсюда туда—для него пріятнѣе жизни. Нельзя, поистинѣ нельзя, выразить словомъ того удовольствія, какое случается испытывать страждущимъ за Христа. Они радуются болѣе среди бѣдствій, нежели во время благоденствія. Если кто возлюбилъ Христа,—тотъ понимаетъ, что я говорю". У насъ Достоевскій съ особою яркостью поставилъ проблему о радостности страданій въ жизни вѣрующаго и въ рядѣ художественныхъ образовъ показалъ, какъ самое горе у вѣрующаго въ Бога переходитъ въ тихую умиленную радость[1]). И когда я оттѣняю этусторону въ отношеніи христіанина къ страданіямъ, о соединеніи искренней скорби о злѣ міра съ истинной радостью души, то нѣтъ основанія бояться, что для Ницше все это могло бы показаться непонятнымъ и невѣроятнымъ. Нѣтъ, напротивъ. Самъ онъ, когда въ одну изъ рѣдкихъ минутъ своего творчества поднялся до высоты созерцанія вѣчнаго, самъ Ницше прозрѣлъ, какъ въ Вѣчномъ соединяется великой тайной жизни человѣческой скорбь и радость, блаженство и страданія. „Скорбь та же радость, проклятіе то же благословеніе, ночь то же солнце... Утверждали ли вы когда либо радость? О друзья мои, тогда утверждали вы и всякую скорбь. Все оцѣплено, все спутано, все влюблено одно въ другое"[2]).— Нераздѣльно въ жизни скорбь отъ радости, но послѣдняя, говоря словами Ницше, жаждетъ вѣчности, она рвется въ желанный вѣковѣчный день [3]), и только тамъ радость побѣждаетъ ужасъ и страданія жизни, гдѣ царитъ вѣра въ вѣчную жизнь, въ вѣчную радость, въ вѣчную любовь, въ вѣчное разумѣніе. Такова и есть вѣра въ Іисуса Христа, и потому она есть „побѣда, побѣждающая міръ" и незаходящій свѣтъ радости о Богѣ живомъ и о мірѣ Имъ возлюбленномъ.

---

[1]) „За что меня осудили", стр. 49. [2]) Позволю замѣтить, что какъ Л. Н. Толстой былъ односторонне несправедливъ въ пониманіи христіанства, игнорируя значеніе вѣры въ личное общеніе со Спасителемъ и будущую жизнь, такъ и Ѳ. М. Достоевскій былъ односторонне неправъ, затѣняя великую, соціально-творческую программу христіанства. Но, во всякомъ случаѣ, въ произведеніяхъ двухъ нашихъ геніальныхъ писателей вопросъ о христіанской побѣдѣ надъ зломъ и страданіями въ жизни разсмотрѣнъ съ удивительной глубиной. [3]) „Такъ гов. Зар.", стр. 287—288.

*Теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь. Но любовь изъ нихъ больше.* (1 Кор. XIII, 13).

## III.

Тотъ вѣкъ, въ который жилъ Ницше, называлъ себя вѣкомъ гуманности. Были ли дѣйствительно данныя въ исторической перспективѣ для того, чтобы такъ характеризовать девятнадцатый вѣкъ. или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ и слова обязываютъ, если не къ дѣламъ, то къ словамъ же. И дѣйствительно, если въ исторіи человѣческихъ отношеній далеко не всѣ склонны 19 вѣкъ разсматривать какъ особенный вкладъ въ сокровищницу истинно гуманныхъ пріобрѣтеній, то въ литературѣ и философіи этого вѣка мы встрѣчаемъ воистину великіе и неумирающіе гимны любви и правдѣ въ жизни людей. Это отчасти не могло не отразиться на отношеніи къ христіанству тогдашняго общества. Въ то время какъ нѣвѣріе широкими волнами залило Европу, и экономическій матеріализмъ перенесъ надежду съ неба на землю, въ это самое время любовь продолжала царствовать и въ атеистической мысли. Великія начала Христовой проповѣди продолжали казаться святыней, къ нимъ невольно влеклись сердца и не вѣрующія въ Учителя; казалось даже, что можно сохранить вѣру въ ученіе безъ вѣры въ самого Іисуса Христа. При всемъ разнообразіи взглядовъ на сущность и происхожденіе нравственныхъ нормъ, весь культурный міръ прошлаго вѣка признавалъ добромъ все то, что принадлежитъ области безкорыстнаго служенія ближнимъ: самоотреченіе, уваженіе къ человѣческому достоинству, сострадательность, честность, великія начала свободы, равенства и братства людей...

Въ такое именно время заговорилъ Ницше. У него было два самыхъ серіозныхъ основанія занять другую позицію въ отношеніи устоевъ нашей нравственной жизни. Прежде всего, какъ мы видѣли, Ницше глубоко справедливо отмѣтилъ, въ полномъ согласіи въ этомъ пунктѣ съ ап. Павломъ, что безъ вѣры въ Бога падаетъ и все евангельское нравственное ученіе. (1 Кор. XV, 14). А затѣмъ, вторымъ основаніемъ, психологическимъ, если такъ можно выразиться, для того, чтобы ожесточенно критиковать и рѣшительно отвергнуть всѣ принципы гуманной этики, было для Ницше именно это всеобщее признаніе и преклоненіе передъ ними Для философа, который жилъ мечтою сказать новое слово въ области морали, поразить міръ своимъ открытіемъ, самымъ вѣрнымъ путемъ къ этому могло явиться именно отрицаніе того, чѣмъ дорожило человѣчество, какъ святыней. И мы дѣйствительно уже видѣли, что имморализмъ составляетъ самую характерную черту творчества Ницше. Къ этому имморализму я и обращаюсь теперь, но хочу посмотрѣть на него лишь подъ однимъ угломъ зрѣнія, имѣющимъ точкой опоры критику Ницше основного начала христіанской жизни - любви. Задача философской критики Ницшевскаго имморализма—показать его внутреннюю несостоятельность. Моя задача—защитить основы христіанской морали отъ тѣхъ нападокъ, какимъ эти основы подвергаются и со стороны Ницше, и со стороны многихъ нашихъ современниковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ такой защитѣ, я считаю нелишнимъ въ двухъ словахъ характеризовать имморализмъ Ницше, подобно тому, какъ я поступилъ и въ отношеніи его атеизма.

---

Если бросить самый общій взглядъ на философію Ницше, то больше всего останавливаетъ вниманіе ясно замѣтное и намѣренно подчеркиваемое самимъ философомъ стремленіе сказать новое слово въ области міропониманія, возвѣстить новое откровеніе человѣчеству. Для самого Ницше утвержденіе новизны своего творчества являлось источникомъ особенной гордости и презрительнаго отношенія ко всѣмъ безъ исключенія представителямъ предшествующей философіи. Для противниковъ Ницше это ожесточенное стремленіе разрушать все прежнее и переоцѣнивать всѣ человѣческія цѣн-

ности нерѣдко казалось несомнѣннымъ признакомъ полной неуравновѣшенности творчества Ницше, почти его безумія.

Если философская критика показала, какъ мало новаго въ философскомъ смыслѣ заключалось въ творчествѣ Ницше и какъ неосновательно его самовосхваленіе, то, думается, мнѣ, далеко неправы и тѣ богословы и мыслители, которые думали успокоиться на безуміи того пути, какой возвѣщалъ Ницше. Теперь, когда мнѣ приходится высказать самое общее сужденіе объ его жизнепониманіи, я и хочу подчеркнуть въ послѣднемъ полную его разсудительность, благоразуміе и, если угодно, упорный консерватизмъ. Ницше представляется мнѣ въ этомъ случаѣ не какимъ либо страшнымъ разрушителемъ, не пророкомъ новаго, не борцомъ за открытую имъ идею, но однимъ изъ безчисленныхъ поклонниковъ тѣхъ боговъ, которымъ служитъ современный міръ. Когда много вѣковъ назадъ раздалось слово Евангелія, то оно, дѣйствительно, было отрицаніемъ тѣхъ божествъ въ жизни міра, которымъ служило человѣчество. Евангельская проповѣдь о Христѣ Распятомъ, о блаженствѣ нищихъ, плачущихъ, гонимыхъ, о прощающей безъ конца любви, о непротивленіи злому, о превосходствѣ служенія предъ господствомъ и о внутреннемъ Царствѣ,—такая проповѣдь не могла не явиться безуміемъ въ глазахъ мудрости тогдашняго міра и, если побѣдила его, то лишь потому, что нашла источники питанія въ самомъ сердцѣ человѣка, увидѣвшаго силу въ видимомъ униженіи и красоту въ страдающемъ духѣ. Но проповѣдь зла и насилія, проповѣдь эгоизма, культа красоты—такая проповѣдь никогда не явится какимъ либо новымъ откровеніемъ въ мірѣ. Не была такимъ и проповѣдь Ницше. Достаточно сказать, что при всей фантастичности тѣхъ картинъ, въ какихъ философъ рисуетъ прошлую жизнь человѣчества, въ исторіи его—до явленія въ міръ Христа—Ницше и дѣйствительно могъ искать подтвержденія господства въ мірѣ тѣхъ началъ, вѣстникомъ которыхъ являлся самъ философъ. Развѣ воскрешать старое значитъ создавать новое? Не значитъ ли это, напротивъ, звать человѣчество назадъ, пытаться вернуть его къ тому пути, который уже былъ имъ оставленъ однажды? Но даже такой роли воскресителя старыхъ боговъ, на которой, порою, готовъ помириться Ницше, нельзя усвоить ему, такъ какъ эти старые боги и не уми-

р а л и. Особенно великъ былъ подъемъ ненависти къ вѣчному въ средѣ европейской мысли въ то время, когда писалъ самъ Ницше, въ вѣкъ раціонализма и матеріализма. Казалось, что моральныя христіанскія цѣнности встрѣчали иное отношеніе къ себѣ, но и это была лишь одна видимость. Евангеліе любви вошло въ міръ путемъ кротости и страданія и шло въ мірѣ до нашихъ дней не инымъ путемъ. Всегда оно было видимо побѣждаемо зломъ, всегда шли путемъ узкимъ и прискорбнымъ въ царство Христово, и, напротивъ, широкими путями шли толпы человѣчества на поклоненіе богамъ этого міра. Правда, не умиралъ въ человѣчествѣ голосъ совѣсти, который говорилъ о призрачности многаго, почитаемаго славнымъ и великимъ въ мірѣ, о злѣ насилія и вражды, о радости жертвъ, любви, прощенія, о красотѣ добра, даже въ рубищѣ и на крестѣ. Но Царство Божіе продолжало неизмѣнно оставаться внутреннимъ и непримѣтнымъ, и если наступилъ періодъ въ міровой исторіи, когда „великое число“, по выраженію Ницше, побѣдило силу древняго Рима, то эта побѣда не измѣнила опять таки самой природы Царства Христова, какъ радости, правды и мира о св. Духѣ и не повела къ внѣшнему господству завѣтовъ Христа въ жизни. Христосъ навѣки „восхотѣлъ свободной любви человѣка“. и ничего не прибавили и ничего не измѣнили въ этомъ пути весь блескъ внѣшняго богопочитанія и все прославленіе Бога и Его закона на словахъ. Было бъ напрасно даже доказывать это Ницше. Своими зоркими глазами онъ прекрасно видитъ, какъ все сильное и красивое въ мірѣ, царящее и властвующее въ немъ, какъ все это являлось выраженіемъ гордости и насилія въ самомъ аристократическомъ смыслѣ и лишь носило маску христіанскаго смиренія и любви, маску, которая помогала еще больше угнетать своихъ братьевъ по исповѣдуемой вѣрѣ. „Алчность, властолюбіе, лѣность—говоритъ Ницше—всѣ они заинтересованы въ дѣлѣ добродѣтели [1])“. Почему? „Религія любви—отвѣчаетъ Ницше,—подавленія самоутвержденія, страданія, терпѣнія, взаимопомощи, взаимности... можетъ имѣть высокую цѣнность даже съ точки зрѣнія господствующихъ, ибо она подавляетъ чувства соперничества,

[1]) „Воля къ Власти“, § 323, стр. 124, т. IX, въ изд „Москов. Книгоизд.“.

мстительности, зависти—чувства, слишкомъ естественныя для обездоленныхъ..

Этимъ объясняется, почему господствующіе классы и отдѣльные индивиды всегда поощряли культъ самоотверженія, евангелія униженныхъ, „Бога на крестѣ“ [1]). По этой же причинѣ случилось то невыразимо грустное обстоятельство, что вожди человѣчества вздумали искать побѣды моральнаго идеала при помощи общихъ средствъ борьбы—„насиліемъ, ложью, клеветой, несправедливостью“, чѣмъ справедливо возмущается Ницше [2]). Этимъ же объясняется и то ужасающее лицемѣріе, которое является самымъ злымъ врагомъ христіанскаго прогресса, поистинѣ дѣломъ антихристовымъ,—то лицемѣріе, которое опутало и жизнь нашу и проповѣдь нашу. И Ницше понималъ эту фальшь, прекрасно видѣлъ тотъ высшій предѣлъ человѣческой низости, когда она во имя добродѣтели лжетъ и угнетаетъ людей. Ницше хорошо зналъ природу тѣхъ, называющихъ себя „богоподобными“, которые вѣрятъ „не въ другія міры и искупительныя капли крови“, но въ „свое собственное тѣло“ [3]). „Есть и такіе, что считаютъ за добродѣтель сказать: добродѣтель необходима; но въ душѣ они вѣрятъ только въ необходимость полиціи... Ихъ колѣни всегда преклоняются, а ихъ руки восхваляютъ добродѣтель, но ихъ сердце ничего не знаетъ о ней“ [4]). И Ницше обличаетъ такихъ лжецовъ: „одно—мысль, говоритъ онъ, другое—дѣло, третье—образъ дѣла [5])!.. Ваши уста полны благородныхъ словъ, и мы должны вѣрить, что и ваше сердце полно черезъ край, вы, лжецы?“ [6]). „О, братья мои, въ сердце добрыхъ и праведныхъ воззрѣлъ нѣкогда Тотъ, Кто тогда говорилъ: „это фарисеи“ [7]). Ницше возмущается этой низостью и ложью, прекрасно видитъ, что не любовь царитъ на землѣ [8]) и все таки негодуетъ противъ начала любви и самоотреченія, какъ

---

1) Тамъ же, § 373 стр. 150—151.
2) Тамъ же, § 306, стр. 117.
3) „Такъ гов. Зар.“ стр. 24.
4) Тамъ же, стр. 81.
5) стр. 28.
6) стр. 106
7) стр. 187.
8) Т. 3, стр. 79.

будто бы царящихъ въ жизни. Не напоминаетъ ли самъ Ницше въ этомъ случаѣ образъ „рыцаря печальнаго образа“, сражающагося съ вѣтряными мельницами? Не былъ ли бы счастливѣе лично самъ философъ, если бы ясно созналъ что онъ является пѣвцомъ того, что торжествуетъ и радуется въ мірѣ? Или если бы его возмущала ложь и лицемѣріе мнимаго христіанства, то не могъ ли бы онъ въ дѣйствительности различить, что „мысль—одно, а дѣло—другое“, не могъ ли бы онъ тогда понять истинную силу и красоту добродѣтели и сдѣлаться ея защитникомъ отъ тѣхъ ея враговъ, которые наиболѣе страшны, которые, говоря словами великаго писателя, приходятъ съ именемъ Бога на устахъ безъ вѣры въ Него? Но Ницше не пошелъ такимъ путемъ, онъ не сумѣлъ даже отличить фарисеевъ отъ Того, Кто ихъ обличалъ, хотя иногда и пытался дѣлать это. Ницше обрушился на самую сущность христіанской добродѣтели и въ этомъ случаѣ выступилъ въ роли пророка современной дѣйствительности, а не какого то невѣдомаго лучшаго будущаго. Скрижали заповѣдей Ницше и являются скрижалями того бога, которому поклоняется современный міръ, только прикрываясь красивыми словами о добродѣтели. Ницше на словахъ освятилъ и вознесъ на пьедесталъ то, чему міръ служилъ на дѣлѣ, онъ вступилъ въ открытую борьбу съ христіанствомъ, онъ „посмѣлъ“ сказать то, чего не смѣли говорить окружавшіе его лицемѣры. Въ этомъ сила вліянія Ницше, такъ какъ послѣ перваго „дерзнувшаго“ легче идти по его стопамъ И пошли, и будутъ идти, и пусть идутъ, такъ какъ такой походъ откроетъ, быть можетъ, новую эру въ борьбѣ христіанства съ „ученіями міра“. Ницше разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ не хотѣлъ бы уничтоженія христіанства, но напротивъ, чтобы оно жило и было сильно, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ закаляться духъ у его послѣдователей въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, котораго можно бы было не презирать, но ненавидѣть и въ то же время уважать. Я думаю, что и желающіе истиннаго выраженія въ мірѣ христіанской сущности могли бы присоединиться къ такому пожеланію Ницше и хотѣть, чтобы была сброшена это лицемѣрная маска мнимаго покровительства христіанству и добродѣтели со стороны служителей иныхъ боговъ, чтобы они имѣли мужество Ницше испо-

вѣдовать свою вѣру и съ собственнымъ знаменемъ идти на борьбу съ христіанствомъ, вмѣсто того, чтобы своимъ невѣріемъ въ силу его и лицемѣрнымъ провозглашеніемъ себя его исповѣдниками вносить внутреннюю порчу въ самые центры духовной жизни. Была уже въ исторіи такая эпоха, когда вся сила міра была направлена противъ христіанства, и послѣднее обнаружило всю свою силу и красоту. Быть можетъ и еще наступитъ такое время, когда сброситъ „міръ", все сильное и вліятельное въ немъ, лицемѣрную маску и станетъ лицомъ къ лицу противъ юродства проповѣди о Христѣ, Спасителѣ міра. Тогда, только тогда можетъ проявиться сила или слабость, красота или безобразіе жизни и вѣры христіанской. А пока слышится только возбужденный голосъ пророка современной культуры въ лицѣ Ницше, до тѣхъ поръ по необходимости приходится вести споръ или въ области чистой теоріи, анализа христіанскаго ученія, указывая въ немъ основанія для вѣры въ будущую побѣду христіанства, или же искать поддержки и освѣщенія для такой вѣры въ далекомъ прошломъ историческаго христіанства,—только не въ настоящемъ: современный европейскій христіанинъ едва ли не заслуживаетъ еще большаго презрѣнія и отвращенія съ точки зрѣнія исповѣдуемой имъ вѣры, чѣмъ современный человѣкъ съ точки зрѣнія сверхчеловѣка Ницше.

Мнѣ думается, что, послѣ сказаннаго, ясна задача дальнѣйшаго критическаго разбора ученія Ницше. Нужно посмотрѣть на христіанскія цѣнности, какъ онѣ указаны міру въ ученіи Христа и Его церкви и съ точки зрѣнія самого Ницше, т. е. на почвѣ психологическаго анализа, и на этой основѣ показать непониманіе Ницше истинной природы Христовой проповѣди, равно какъ ея положительнаго значенія для развитія жизни. И такъ какъ весь нравственный законъ человѣческихъ отношеній содержится по новозавѣтному ученію въ одномъ словѣ „люби" [1]), а всѣ т. н. частныя добродѣтели, какъ то: смиреніе, терпѣніе, милосердіе и т. д., въ ней имѣютъ свой корень, то защита евангельскаго нравственнаго ученія, противъ нападокъ Ницше, сведется къ уясненію природы и содержанія завѣщаннаго Христомъ міру начала любви.

---

[1]) Гал., V, 14.

О любви къ Богу уже была рѣчь въ моихъ чтеніяхъ, и тогда моей задачей было выяснить, что эта любовь, является верховной основой и любви къ міру божьему, и къ людямъ. Теперь остается дополнить сказанное защитой основы христіанской жизни, любви къ Богу, отъ тѣхъ нападокъ на это начало, какимъ оно подвергается со стороны Ницше—одного изъ многихъ въ этомъ случаѣ. Нападки эти, по своей сущности, сводятся къ обвиненію христіанской проповѣди о любви къ Богу въ служеніи самымъ низкимъ сторонамъ нашего эгоистическаго „я“, когда эта любовь, въ перспективѣ ученія о небесномъ царствѣ и будущей блаженной жизни, является по самой природѣ своей корыстной, унижающей достоинство человѣческой личности. Взгляды Ницше по этому вопросу уже намъ знакомы, такъ какъ я довольно долго останавливался на отрицательномъ отношеніи философа къ идеѣ потусторонняго міра. Вѣра въ него представляется Ницше, какъ мы видѣли, „позорной“ и „корыстной“, устремляя взоры человѣка къ Богу не въ силу свободнаго любящаго влеченія сердца, но по низкимъ побужденіямъ исканія наградъ за свою добродѣтель, неба за землю, вѣчнаго за сегодняшнее. О природѣ любви и, въ частности, любви христіанской, какъ ее понималъ Ницше, мнѣ придется говорить дальше. Здѣсь я остановлюсь лишь на той сторонѣ этой любви, которая вѣритъ, что она не умретъ, но будетъ вѣчно и блаженно жить въ любимомъ и съ возлюбленными Имъ душами въ Царствѣ Отца.

Истина не должна казаться ложью отъ того, что ее высказываетъ нашъ противникъ. И когда Ницше говоритъ, что, съ точки зрѣнія самого Евангелія, наша добродѣтель, наша, любовь должна быть совершенно безкорыстной, онъ говоритъ правду, которая находитъ живой откликъ и въ новозавѣтномъ ученіи о любви, какъ такомъ настроеніи души, когда человѣкъ „не ищетъ своего“, такъ и въ голосѣ нашей совѣсти, которая неумолимо даетъ предпочтеніе съ нравственной стороны тѣмъ поступкамъ, которые чужды всякой мысли о личномъ благѣ совершающаго ихъ.

Если мы обратимся къ Евангелію, то увидимъ сразу ясно проникающую его идею, что основнымъ побужденіемъ къ исполненію заповѣдей Христовыхъ въ мірѣ должна являться мысль о вѣчной блаженной жизни. Отчасти мы это уже ви-

дѣли, когда говорили, что идея вѣчной жизни есть та высшая идея, которая освѣщаетъ намъ жизненный путь на землѣ и сообщаетъ высшую цѣнность, печать вѣчности всему, даже малому, совершающемуся въ мірѣ. И нетрудно теперь указать въ Евангеліи два—три опредѣленныхъ мѣста изъ среды множества подобныхъ, которыя говорятъ о вѣрѣ въ будущую жизнь, какъ могущественномъ мотивѣ или побужденіи къ тому, чтобы слѣдовать въ жизни завѣтамъ Христа. „Блаженны вы—учитъ Господь Своихъ учениковъ,— когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесахъ“ (Мѳ. V, 11—12). „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль, и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываются и крадутъ. Но собирайте себѣ сокровища не небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ“. (Мѳ. VI, 19—20). „И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе Того, Кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенне“ (Мѳ. X, 28). „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою? Ибо придетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего съ ангелами Своими, и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“ (Мѳ. XVI, 26—27). „И всякій кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Моего получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“ (Мѳ. XIX, 29). Я сказалъ, что мѣстъ, подобныхъ приведеннымъ мною, множество въ Евангеліи, и если я привелъ нѣкоторыя, то именно съ тою цѣлью, чтобы ясно было, что и дѣйствительно Евангеліе въ будущемъ блаженствѣ указываетъ побужденіе къ добродѣтельной жизни, какъ въ страданіяхъ по смерти— мотивъ отрекаться въ жизни отъ зла. Во всѣ времена и, смѣю думать, на всѣ времена мысль о судьбѣ всей будущей жизни являлась и является сильнѣйшимъ побужденіемъ къ слѣдованію въ Царство Божіе путемъ узкимъ и отверженію широкихъ путей, ведущихъ въ погибель. Мнѣ кажется это фактомъ несомнѣннымъ, и вопросъ можетъ идти только о такой или иной оцѣнкѣ этого пункта въ Евангельскомъ ученіи. И въ этомъ случаѣ намъ нужно анализировать прежде всего самое понятіе: корыстный

и эгоистичный. Ницше, и далеко не онъ одинъ, думаетъ, что соединеніе съ извѣстнымъ поступкомъ и настроеніемъ чувства блаженства есть несомнѣнный признакъ корыстности такого поступка или настроенія. Съ этой именно точки зрѣнія Ницше считаетъ, какъ мы видимъ, всякую любовь эгоистичной и, въ частности, такой характеръ усвояетъ любви христіанской.

Постараемся сначала установить болѣе точный смыслъ терминовъ корыстный и эгоистичный, чтобы имѣть возможность строго объективнаго сужденія о природѣ христіанской любви къ Богу, и для уясненія самаго термина эгоизмъ воспользуемся примѣромъ проф. Т. Липпса.—Я иду по берегу рѣки и вижу, что въ воду упалъ ребенокъ. Я могъ бы его спасти, но боюсь за свое здоровье, прохожу мимо и допускаю возможность ребенку утонуть отъ неподачи первой помощи. Въ другой разъ я нахожусь въ подобномъ же положеніи, но теперь я бросаюсь за ребенкомъ въ воду и съ опасностью для собственной жизни спасаю его. Въ первомъ случаѣ я, конечно, являюсь эгоистомъ. Ну, а во второмъ? Были моралисты, отвѣчавшіе „да“ и на этотъ вопросъ [1]). Почему, спрашивали они, бросаются за ребенкомъ? Безъ сомнѣнія потому, что мысль спасти его и возвратить родителямъ въ большей мѣрѣ удовлетворяетъ меня, чѣмъ мысль дать ему утонуть. Слѣдовательно, въ своемъ поступкѣ я руководствуюсь соображеніемъ о собственномъ удовлетвореніи. Здѣсь, въ этомъ разсужденіи, лежитъ въ основѣ правильная мысль. Въ самомъ дѣлѣ, я не спасъ бы ребенка, если бы мысль спасти его и вернуть родителямъ не представлялась мнѣ неразрывно связанной съ чѣмъ то необыкновенно пріятнымъ, радостнымъ для моего сознанія. Каждый, сознательно отдающій себя въ жертву за хорошее дѣло, поступаетъ такъ потому, что получаетъ удовлетвореніе отъ мысли пожертвовать собою. Вообще у человѣка желаніе и удовлетвореніе находятся въ закономѣрной связи. Психологически это совершенно необходимо и такъ должно быть. Но не слѣдуетъ заблуждаться на основаніи этого факта. Когда я хочу спасти дитя, я не ставлю цѣлью своихъ дѣйствій удовлетвореніе, которое переживу отъ этого я лично.

---

[1]) Ф. Ницше, т. III, стр. 67, „Утренняя заря“.

Цѣлью моего хотѣнія и обусловливаемаго имъ дѣйствія будетъ именно спасеніе ребенка, продленіе его жизни, радость его родителей, что нисколько не мѣшаетъ и мнѣ лично переживать извѣстное удовлетвореніе. Проявленіемъ эгоизма мое дѣйствіе было бы въ томъ случаѣ, если бы цѣлью моего поступка ставилось достиженіе извѣстнаго удовлетворенія. И, напримѣръ, въ первомъ случаѣ, когда я, ради сохраненія собственнаго здоровья, позволяю утонуть ребенку, цѣлью является сохраненіе своего здоровья. Напротивъ, когда я спасаю ребенка и возвращаю его родителямъ, тогда цѣлью моего поступка, предносящейся моему сознанію, является продолженіе дѣтской жизни и радость родителей. Въ первомъ случаѣ достигаемое мною удовлетвореніе только мое собственное. Во второмъ оно связывается и всецѣло обусловливается удовлетвореніемъ, радостью и счастьемъ другихъ. Чужое удовлетвореніе въ данномъ случаѣ удовлетворяетъ и меня, меня дѣлаетъ счастливымъ стремленіе доставить счастье другому.

Этимъ конкретнымъ примѣромъ проф. Липпса ясно подчеркивается противоположность эгоизма альтруизму. И это помогаетъ намъ понять истинную природу христіанской любви. Изъ того, что такая любовь неразрывно связывается съ высшимъ удовлетвореніемъ въ здѣшней жизни и, какъ не умирающая, съ вѣчнымъ блаженствомъ въ будущемъ, вовсе не слѣдуетъ, что любовь эта корыстна, эгоистична. Напротивъ, отличительною чертою любви является то именно всегда, что она любимаго дѣлаетъ цѣлью своей дѣятельности, а не свое личное удовлетвореніе, и въ силу этого по самой своей психологической природѣ должна быть признана безкорыстной. Утверждаемъ со всею рѣшительностью послѣднее потому, что любовь есть по природѣ свободная стихія нашей души и никакими соображеніями личной выгоды или удовлетворенія нельзя принудить себя къ любви [1]). Поэтому тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о любви, поставляющей цѣлью не счастье и благо любимаго, но личное удовлетвореніе, тамъ и рѣчи не можетъ быть о любви въ ея чистой формѣ. Нерѣдко, даже изъ среды самихъ христіанскихъ богослововъ, высказывалось убѣжденіе, что за-

[1]) Это не предрѣшаетъ вопроса о возможности воспитанія любви, какъ и всякаго чувства.

повѣданную Христомъ любовь нельзя понимать, какъ чувство, говорилось, что любовь, понимаемая, какъ свободное чувство, не можетъ имѣть того обязательнаго значенія, являться тѣмъ нормирующимъ началомъ въ жизни, какимъ можетъ быть, напримѣръ, принципъ благожелательности и т. д. Подобное сужденіе заслуживало бы того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что и Ницше высказывалъ подобную мысль, но пока я не буду уклоняться въ сторону и, ссылаясь на несомнѣнныя свидѣтельства Евангелія, еще особенно подчеркну, что въ немъ жертвы требуются только отъ свободнаго духа, говоря словами Тертулліана, и нельзя даже представить болѣе высокаго начала дѣятельности, какъ именно такое свободное чувство любви. Характерною чертою его, повторяю, является именно желаніе одного предмета любви, стремленіе къ жизни въ любимомъ, его мыслью, его чувствами, его волей, наконецъ. Такова всякая искренняя любовь, такова же и любовь къ Богу въ христіанствѣ. Она есть не иное что, какъ совершенное самозабвеніе души, полное устремленіе ея къ Богу, упоеніе Имъ, когда душа отдаетъ Богу своему все содержаніе своей жизни, всѣ ея помыслы, всѣ ея силы. Только такая любовь въ христіанствѣ и обусловливаетъ собою нравственную цѣнность поступковъ человѣка, какъ бы ни казались они прекрасными и благородными. „Если—говоритъ апостолъ Павелъ—я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе свое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ (I Кор. XIII, 1—3). Соблюденіе заповѣдей должно, какъ видимъ, проникаться любовью и только по мѣрѣ этого проникновенія является дѣломъ, достойнымъ спасеннаго Христомъ человѣка. И если къ соблюденію заповѣдей можно побудить волю нашу обѣщаніями и угрозами, то для жизни любви, уже охватившей сердце, все это не имѣетъ никакого значенія. И вотъ тутъ я позволю себѣ отмѣтить истинный характеръ угрозъ и обѣтованій въ Евангеліи и совершенную чистоту любви къ Богу у достигшихъ ея.

Соблюденіе заповѣдей, сказалъ я, само по себѣ не есть еще непремѣнно любовь, это есть лишь опредѣленное направленіе нашей воли, которое можетъ имѣть мотивомъ своей дѣятельности различныя по содержанію чувства: и любовь, и страхъ, и обѣтованіе, и угрозу. Но такая дѣятельность, такое направленіе воли въ слѣдованіи велѣніямъ законодателя можетъ являться и прямымъ путемъ къ любви къ Нему. Никто не рождается сразу развитымъ религіозно или нравственно. Чтобы полюбить добро, надо познать его, а послѣднее возможно только при опытѣ дѣла любви. Я, допустимъ, по внутреннему понужденію, по мотивомъ страха и награды, исполняю волю Божію, Его заповѣди. Я еще не люблю ни Бога, ни Его закона. Но слѣдуя заповѣди, находясь въ единеніи съ волей Божіей, я могу сознавать то, что дѣлаю, какъ благо и полюбить его, какъ благо. Это общій законъ нашей жизни и любви и, благодаря этому закону, исполненіе заповѣди есть прямой путь къ любви. Пусть сначала это слѣдованіе заповѣди будетъ отчасти несвободнымъ, опредѣляться мотивами награды и наказанія. Но это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на опытѣ дѣла любви человѣкъ не познаетъ самоцѣнности добра и любви къ нему. Несомнѣнно, такимъ образомъ, только то, что совершенство не приходитъ сразу, но личность развивается постепенно и восходитъ отъ силы въ силу. Но когда рѣчь идетъ о принципахъ жизни, объ идеалѣ жизни истинной, то, очевидно, и вѣрующій долженъ разсматриваться не въ возрастѣ младенца, не умѣющаго еще вполнѣ разобраться въ содержаніи своей духовной жизни и питающагося молокомъ духовнымъ, но въ возрастѣ „мужа совершенна", въ возможной полнотѣ и чистотѣ христіанскаго настроенія. И эта ступень жизни есть жизнь любви къ Богу, чуждая всѣхъ стремленій и желаній, кромѣ одного: быть съ любимымъ и, какъ результатъ этого, быть въ любимомъ блаженнымъ. Возвышенная рѣчь Господа Іисуса Христа ученикамъ предъ Его страданіемъ вся проникнута этой мыслью о единомъ вѣчномъ блаженствѣ въ единеніи любящихъ. И вездѣ въ сознаніи вѣрующихъ жило одно верховное стремленіе: всю свою жизнь отдать Богу безъ мысли о какой бы то ни было наградѣ. Награда любви въ самомъ любимомъ и награда любви къ Богу — самъ Богъ. „Какая почесть? — съ жаромъ

спрашиваетъ св. Григорій Нисскій — какой вѣнецъ христіанскій? Кажется мнѣ, не иное что есть, какъ самъ Богъ. Ибо самъ Онъ и подвигоначальникъ подвизающихся, и вѣнецъ побѣждающихъ. Онъ раздѣляетъ жребій; Онъ же и жребій благій. Онъ — благая часть, Онъ же и даруетъ благую часть. Онъ — наше блаженство; Онъ — наша жизнь. Чистый сердцемъ не увидитъ въ себѣ ничего, кромѣ Бога". А вотъ какъ разсуждаетъ по этому вопросу св. Іоаннъ Златоустый. Обличая корыстный характеръ добродѣтели нѣкоторыхъ христіанъ, св. Іоаннъ обращается къ нимъ съ такими словами: „что ты говоришь, малодушный и жалкій человѣкъ? Тебѣ подлежитъ сдѣлать нѣчто угодное Богу, а ты стоишь съ заботой о наградѣ! Если бы тебѣ за такое дѣло подлежало даже впасть въ геенну, то и тогда, развѣ слѣдовало бы уклоняться, а не съ великою готовностью приниматься за дѣланіе добра? А мы и малаго не дѣлаемъ съ пристойною свободнымъ людямъ ревностью, но наперед развѣдываемъ, есть ли награда, велика ли награда, будетъ ли то вмѣнено намъ самимъ, произнося этимъ слова людей несвободныхъ. Ты дѣлаешь пріятное Богу, а ищешь еще какой то другой награды? Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что если бы зналъ это, то никакой другой награды не сравнилъ бы съ этимъ благомъ [1])". „Возлюбимъ Его (Христа) по мѣрѣ силъ своихъ, отдадимъ все изъ за любви къ Нему — и душу, и имущество, и славу и все прочее съ радостью, съ готовностью, съ усердіемъ, не считая этого полезнымъ для Него, но для насъ самихъ. Таковъ, дѣйствительно, законъ любви: любящіе считаютъ счастьемъ для себя, когда страдаютъ за любимыхъ" [2]). „Нельзя, по истинѣ нельзя выразить словомъ того удовольствія, какое случается испытывать страждущимъ за Христа. Они радуются болѣе среди бѣдствій, нежели во время благоденствія. Если кто возлюбилъ Христа, — тотъ понимаетъ, что я говорю [3])".

Я бы могъ еще много другихъ мѣстъ привести изъ писаній учителей христіанскаго міра, гдѣ со всею силою утвер-

---

[1]) Т. I, стр. 159

[2]) Бес. 2 на посл. къ Филимону, т. 11, стр. 899.

[3]) Бес. XIII, на кн. Бытія, т. 4, стр. 294.

ждается мысль о полномъ безкорыстіи сердца, любящаго Бога. Но я ограничусь и приведенными мѣстами, такъ какъ они позволяютъ мнѣ въ качествѣ вывода изъ нихъ оттѣнить двѣ существенно важныхъ мысли, когда дѣло идетъ о безкорыстіи любви вообще и любви къ Богу въ особенности. Первое это то, что всякій видъ притворства, неискренности несовмѣстимъ съ любовью, такъ какъ неминуемо поведетъ къ духовной гибели человѣка. Если, въ самомъ дѣлѣ, для любящаго непрестанное общеніе съ любимымъ есть блаженство и высшая награда, то для нелюбящаго такое же общеніе можетъ оказаться величайшимъ страданіемъ, нестерпимой пыткой. Въ этомъ законѣ любви, быть можетъ, и заключена отчасти разгадка тайны отлученія отъ любви Божіей грѣшниковъ. А вторая мысль, которую я хочу оттѣнить, прежде чѣмъ заключить свою рѣчь о совершенномъ безкорыстіи любви къ Богу и вѣры въ небесное Царство, это есть мысль, не всегда отчетливо представляемая, о существенномъ единствѣ жизни настоящей и будущей въ христіанскомъ жизнепониманіи. Нельзя, именно, внутренно разграничивать области жизни земной, какъ мѣста подвига, и вѣчной жизни небесной, какъ вѣнца и награды. Такое разграниченіе рѣшительно не находитъ основаній въ христіанскомъ жизнепониманіи, и если бы было, то дѣйствительно могло сообщить любви христіанина невысокій, какъ бы наемническій характеръ. „Любовь—говоритъ апостолъ—николи-же отпадаетъ“. Любовь, соединивъ человѣка съ Богомъ, не можетъ прекратиться, такъ какъ вѣченъ Богъ и безсмертна душа человѣка, отвѣчающая любовью Возлюбившему ее отъ начала. Для жизни любви христіанской нѣтъ, такимъ образомъ внутренней грани между настоящей и будущей жизнью, а остается грань только внѣшняя—смерть тѣла, которая для жизни любви рѣшающаго значенія не имѣетъ. Любящій Бога, потому, есть причастникъ вѣчной жизни и блаженства въ каждый истинный моментъ и настоящей своей жизни „Возлюбимъ Бога—говоритъ святой учитель Церкви,—какъ любить должно, чтобы мы могли съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться добродѣтелью... Въ этомъ заключается небесное царствіе, въ этомъ—наслажденіе благами, удовольствіе, веселіе, радость, блаженство, а вѣрнѣе—что бы я ни сказалъ объ этомъ, ничто не въ состояніи будетъ изобра-

зить его, но одинъ только опытъ можетъ съ нимъ познакомить. Итакъ, станемъ наслаждаться любовью Его. И тогда еще здѣсь мы узримъ Царствіе, поживемъ ангельскою жизнью и, пребывая на землѣ, будемъ имѣть у себя нисколько не меньше, чѣмъ обитающіе на небѣ, а послѣ переселенія отсюда свѣтлѣе всѣхъ предстанемъ престолу Христову" [1]). Такимъ образомъ, по вѣрѣ нашей, блаженная жизнь за гробомъ есть также жизнь съ Богомъ и въ Богѣ,—какою должна быть и жизнь настоящая, и природа обѣихъ жизней одна, такъ что для любящаго вѣчная жизнь и ея блаженство начинается на землѣ [2]), хотя безспорно въ другой формѣ и степени. Это внутреннее единство природы и содержанія настоящей и будущей жизни ни въ какомъ случаѣ нельзя опускать изъ виду, когда рѣчь идетъ о любви къ Богу. А при такомъ строго церковномъ пониманіи, самая рѣчь о корыстномъ характерѣ любви къ Богу теряетъ всякій смыслъ, есть плодъ недоразумѣнія. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть рѣчь о наградѣ въ будущей блаженной жизни за любовь къ Богу, если эта самая любовь и есть единая истинная, и вѣчная жизнь.

Если бы то, что говорилъ Ницше о христіанской любви къ Богу, было сказано только однимъ этимъ философомъ, то, строго говоря, не было бы и смысла такъ подробно останавливаться на его словахъ, настолько они случайны въ его произведеніяхъ, настолько несомнѣнно для него, что Бога нѣтъ и что любовь къ несуществующему есть бредъ больной души. Но, какъ я уже отмѣтилъ, Ницше не удалось сказать и въ этомъ случаѣ новаго слова, и его взгляды явились вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ взглядовъ многихъ и очень многихъ его и предшественниковъ и современниковъ. Поэтому и вопросъ о любви къ Богу въ христіанствѣ, какъ онъ разсмотрѣнъ мною, имѣетъ въ виду не одного Ницше. Теперь же я обращаюсь къ любви къ людямъ, по ученію Христа.

Ницше, какъ мы видѣли, не отрицалъ любви, какъ движущаго начала жизни, но только говорилъ о ложномъ ис-

---

[1]) Бес. XXIII на посл. къ Римл. св. Іоанна Златоустаго, т 9, стр. 783.

[2]) Кто будетъ ѣсть плоть Мою и пить кровь Мою во Мнѣ пребудетъ и Я въ немъ... ядущій Меня жить будетъ Мною.... во вѣкъ. Іо. VI глава

точникѣ любви въ христіанствѣ, насколько эта любовь утверждается на вѣрѣ въ Бога и Его царства и на порицаніи эгоизма. Выяснить сущность любви христіанской къ людямъ и является теперь моею задачей, и прежде всего я остановлюсь на той основѣ этой любви, которая непосредственно вытекаетъ изъ начала вѣры въ Бога и, еще частнѣе, вѣры въ Христа воскресшаго и въ будущее царство Отца.

Ницше, конечно, не призналъ факта воскресенія Христова, Ницше не постигъ даже всей силы и богатства этого источника радости въ христіанствѣ, но подошелъ къ этому факту со своею искусственной теоріей рабской и аристократической морали и со всею силою негодованія обрушился на вѣру во Христа воскресшаго и неразрывно съ этой вѣрой соединенное чаяніе общаго безсмертія и воскресенія. Вѣра эта и надежда эта разсматриваются Ницше съ одной лишь стороны и вызываютъ горячее возмущеніе его тѣмъ, что являются основой ученія въ христіанствѣ о равенствѣ людей. Въ свое время я передалъ сущность тѣхъ раздраженныхъ нападокъ на ученіе о воскресеніи и личномъ безсмертіи, которыя обусловливаются связью этого ученія въ сознаніи Ницше съ вѣрой въ равенство людей, какъ дѣтей Божіихъ и братьевъ другъ другу. Ницше правъ въ своемъ утвержденіи такой связи. Какъ вѣра живая въ самоуничиженіе Христово можетъ явиться силой, вдохновляющей вѣрующаго идти по стопамъ своего Спасителя, такъ и вѣра въ общее безсмертіе является основой вѣры въ безмѣрную цѣнность человѣческой жизни и существенное равенство всѣхъ людей. Но истинной сущности этого великаго дара любви Божіей Ницше, по обычаю, не понялъ, и виной его непониманія въ данномъ случаѣ явилось, какъ я отмѣтилъ, его теорія дѣленія морали на рабскую и аристократическую.

Если въ отвѣтѣ Господа на вопросъ: „кто мой ближній“ Ницше съ ужасомъ постигъ конечное разрушеніе остатковъ аристократической морали въ іудействѣ, то въ ученіи о воскресеніи Христовомъ и о будущемъ воскресеніи и безсмертіи „каждаго Петра и Павла“ онъ увидѣлъ метафизическое утвержденіе идеи равенства людей.

— Посмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія на „равенство душъ передъ Богомъ“, Ницше увидѣлъ въ этомъ ученіи тотъ „христіанскій динамитъ“, которой подорвалъ въ корнѣ аристо-

кратизмъ настроенія и незамѣтно привился человѣческому сознанію настолько, что именно христіанское ученіе о равенствѣ является движущимъ началомъ всѣхъ историческихъ и соціальныхъ переворотовъ, и ядъ этого ученія проникъ уже въ самые отдаленные углы міровой жизни.

Въ этомъ пунктѣ Ницше хорошо уразумѣлъ значеніе вѣры въ личное безсмертіе для ученія о равенствѣ людей, но послѣдняго не понялъ, какъ начала истинно активнаго. Силу его онъ понялъ, но проявленіе ея увидалъ не тамъ, гдѣ она заключена. На эту сторону Ницшевскаго непониманія глубоко вѣрно указалъ у насъ В. С. Соловьевъ. Говоря о христіанской проповѣди спасенія, Соловьевъ спрашиваетъ Ницше—„при чемъ тутъ рабы и паріи? Что значитъ соціальные классы, когда дѣло идетъ о смерти и воскресеніи? Развѣ „господа“ не умираютъ? Развѣ римскій аристократъ и диктаторъ Сулла, сирійскій царь Антіохъ и іудейскій Иродъ не были заживо съѣдены червями? Религія спасенія не можетъ быть религіей однихъ рабовъ и „чандаловъ“, она есть религія всѣхъ, такъ какъ всѣ нуждаются въ спасеніи. Прежде чѣмъ съ такою яростью проповѣдывать противъ равенства слѣдовало бы упразднить главную уравнительницу—смерть“ [1]) Такъ разсуждалъ Соловьевъ съ христіанской точки зрѣнія.

А вотъ что говоритъ самъ Ницше: „Для меня представляетъ меланхолическое счастье жить среди этой сутолоки улицъ, потребностей, голосовъ; сколько наслажденія, нетерпѣнія, стремленій, сколько жажды жизни и опьянѣнія жизнью видно въ каждый моментъ! Но всѣ эти шумящіе, живущіе, жаждующіе жизни скоро стихнутъ! За спиной каждаго стоитъ его тѣнь, его темный спутникъ... И всѣ, всѣ думаютъ, что то, что было до сихъ поръ, — ничто или очень мало, а близкое будущее — все: оттого-то эта торопливость, этотъ шумъ, это самозаглушеніе и самообманъ! Всякій хотѣлъ бы быть первымъ въ этомъ будущемъ, — но только смерть и тишина могилы единственно ясное и всѣмъ общее изъ этого будущаго! Какъ странно, что эта единственная очевидность и общность почти совсѣмъ не безпокоятъ людей и они менѣе всего чувствуютъ свое братство въ смерти! Я счастливъ, когда вижу, что люди всвсе не хотятъ думать о

[1]) Собр. соч., Т. VII, стр. 10.

смерти“ [1]). Для Ницше такимъ образомъ ясно, что источникъ равенства людей не въ одномъ лишь христіанскомъ ученіи о воскресеніи, но и въ неумолимомъ природномъ законѣ всеобщей смертности. И независимо отъ христіанской проповѣди люди остаются въ самомъ существенномъ и единственно безспорномъ съ точки зрѣнія самого Ницше равными другъ другу, братьями передъ лицомъ общей уравнительницы смерти. Правда, Ницше радуется, что люди не замѣчаютъ этого и меньше всего думаютъ о смерти. Но это — беззаботность, а не невѣдѣніе, и въ данномъ случаѣ Ницше, думается, напрасно такъ горячился, когда возмущался, что у христіанскаго человѣчества открылись глаза, чтобъ видѣть ясно источникъ своего убожества въ мірѣ. Вѣдь самъ Ницше свои наблюденія надъ беззаботностью людской дѣлалъ въ средѣ христіанскаго человѣчества, а если бы онъ не полѣнился перелистать страницы христіанскихъ системъ морали, составленныхъ богословами, соотечественниками самого Ницше, то онъ тамъ имѣлъ бы много утѣшительнаго для себя, такъ какъ многіе изъ этихъ богослововъ еще болѣе Ницше ненавидятъ христіанское ученіе о равенствѣ людей и великія усилія прилагаютъ къ тому, чтобы ослабить значеніе этого пункта въ христіанскомъ жизнепониманіи. Фактъ, такимъ образомъ, остается фактомъ: люди все еще очень мало думаютъ и о смерти и о воскресеніи, и еще очень и очень далеко отъ сознанія людей несомнѣнная истина равенства ихъ передъ смертью и передъ жизнью въ Богѣ. Но съ точки зрѣнія самого Ницше, казалось бы, не могло не быть яснымъ, что природный законъ смертности, равняющій всѣхъ людей, и законъ богочеловѣческой жизни въ фактѣ Воскресенія Христова, а въ Немъ и всего человѣчества, что эти законы, уравнивающіе людей, дѣйствуютъ на нихъ, или могли бы дѣйствовать, различнымъ до противоположности образомъ. Въ то время какъ вѣра въ конечную побѣду смерти не можетъ проповѣдывать иного равенства, какъ ничтожества всѣхъ людей, безцѣльности ихъ трудовъ, безцѣнности дарованій, призрачности радости и горя, въ это самое время вѣра въ побѣду надъ смертью въ воскресеніи именно способна сообщить жизни высшую цѣнность и

---

[1]) Т. VII, „Веселая наука“, стр. 168

силу, положить печать вѣчности на всѣ дѣла и труды человѣка, обезпечить примѣненіе къ жизни всѣхъ высшихъ дарованій и способностей. Вѣдь сверхчеловѣками не родятся, ими становятся. И неужели больше побужденій къ росту и развитію души передъ лицомъ вѣчнаго темнаго призрака, этой духовной ночи, чѣмъ предъ незаходящимъ свѣтомъ яснаго дня въ царствѣ вѣчности? И въ томъ и въ другомъ случаѣ, и при вѣрѣ въ смерть, и при вѣрѣ въ безсмертіе идутъ люди по лицу земли, смѣняя другъ друга, какъ братья по человѣчеству. Но въ первомъ случаѣ ихъ путь— короткая безсмысленная прогулка, и первенство лишь усиливаетъ контрастъ жизни и смерти; а во второмъ этотъ путь есть путь въ новое царство откровенія славы дѣтей Божіихъ. Здѣсь быть первымъ, говоря святоотеческимъ словомъ, здѣсь спѣшить, такъ много побужденій, такъ много радости. Можно вѣрить и не вѣрить въ воскресеніе и равенство душъ, на этой вѣрѣ основанное. Но нужно понять, что именно вѣра въ царство смерти способна уравнять людей въ направленіи крайняго униженія, какъ это ясно было ветхозавѣтному мудрецу: „участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—участь одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества предъ скотомъ, потому что все— суета“ (Еккл., 3, 19). Такъ думалъ Екклесіастъ, и нельзя думать иначе, если не вѣрить въ побѣду надъ смертью. Напротивъ, не къ униженію однихъ—сильныхъ—и не къ возвышенію другихъ—слабыхъ—ведетъ проповѣдь всеобщаго воскресенія, но къ безмѣрному возвышенію всѣхъ, когда люди изъ дѣтей царства тлѣнія и смерти становятся причастниками вѣчной жизни и вѣчнаго разумѣнія. Правда, аристократизмъ настроенія въ Ницшевскомъ смыслѣ безусловно погребается проповѣдью личнаго безсмертія. Но нельзя же въ силу одного этого обвинять христіанское ученіе въ томъ, въ чемъ оно не можетъ быть виновато—въ униженіи кого бы то ни было въ мірѣ. И здѣсь, чтобы закончить свою рѣчь о критикѣ Ницше религіозныхъ основъ христіанскаго жизнепониманія, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о презрительномъ отношеніи Ницше къ самому понятію о Богѣ въ христіанствѣ.

Какъ въ ученіи о безсмертіи Ницше видѣлъ проповѣдь,

ведущую къ униженію сильныхъ и благородныхъ въ мірѣ, такъ такую же проповѣдь онъ видѣлъ и въ ученіи христіанства о Богѣ, какъ Отцѣ всѣхъ людей, покровителѣ всѣхъ униженныхъ въ мірѣ, защитникѣ оскорбляемыхъ въ немъ, помощникѣ всѣхъ слабыхъ и усталыхъ, врачѣ всѣхъ больныхъ, надеждѣ всѣхъ отчаивающихся. И въ этомъ пунктѣ Ницше правильно передалъ взглядъ Евангелія на Бога въ Его отношеніи къ человѣку, но опять таки не понялъ истиннаго значенія такой вѣры для жизни. Конечно, мы не вправѣ ожидать, чтобы Ницше взглянулъ на Бога, какъ на Отца всѣхъ людей, Который радуется каждому обращающемуся къ Нему человѣческому существу, какъ своему дитяти, и скорбитъ о грѣхѣ и горѣ людей, какъ любящій Отецъ. Но если даже отрѣшиться отъ такого взгляда на Бога, то, во всякомъ случаѣ, самая идея Бога—покровителя всѣхъ слабыхъ въ мірѣ—никакъ не можетъ говорить о слабости самого Бога. Какія основанія, для того, чтобы признать Бога безсильнымъ въ понятіи о Немъ, какъ опорѣ всего угнетаемаго въ мірѣ? Не надо ли, напротивъ, предположить, что такой Богъ долженъ безмѣрно превосходить силою и разумомъ все существующее въ мірѣ, если для побѣды своего дѣла не нуждается въ человѣческой силѣ и разумѣ? Ницше здѣсь опять мерещатся милліоны паріевъ, объединившихся вокругъ креста Христова и побѣдившихъ міръ своимъ числомъ. Но въ томъ то и дѣло, что не числомъ побѣдило міръ христіанство, а, главное, самая проповѣдь христіанская черезъ избранное Богомъ немудрое, немощное, незнатное, униженное и ничего незначущее,—эта проповѣдь вовсе не то дѣлала, чтобы унизить сильныхъ и знатныхъ. Она и передъ ними открывала, какъ я уже отмѣтилъ, міръ безконечныхъ цѣнностей, передъ которымъ ничтожны были всѣ „мірскія“ преимущества.

Сила и назначеніе христіанской проповѣди о Богѣ не сильныхъ дѣлать слабыми, по глубоко вѣрному сужденію В. С. Соловьева, но слабыхъ сильными, вдохновлять души людей и изъ отбросовъ міра творить сверхчеловѣческое величіе. Если бы христіанство явилось въ отношеніи слабыхъ только милосердіемъ, оставляя ихъ въ прежнемъ состояніи, то, пожалуй, съ точки зрѣнія критеріевъ цѣнности Ницше, такое отношеніе могло бы подать поводъ къ мысли

о паденіи жизненной силы въ мірѣ, хотя и то лишь мнимой. Но христіанскій путь неизмѣримо болѣе высокій, это путь спасенія, а не одной милости, путь исцѣленія немощныхъ, просвѣщенія сидящихъ во тьмѣ, укрѣпленія разслабленныхъ, ободренія унывающихъ, одушевленія лѣнивыхъ, пробужденія спящихъ, освященія грѣшныхъ. Спрошу опять, по какому логическому основанію можно сказать то, что тѣмъ не менѣе постоянно говорится, будто бы христіанство высосало міровую силу черезъ проповѣдь вѣры въ своего Бога, покровителя слабыхъ и обездоленныхъ? Не ясно ли, что оно влило новую силу въ міровую жизнь, оно послало на дѣланіе въ міръ цѣлую армію самоотверженныхъ работниковъ, оно изъ ничего для міра, изъ праха создало нѣчто великое. Для примѣра: Ницше всюду противополагаетъ мужество и трусость, восхваляетъ первое и порицаетъ вторую. Ну и что же, можетъ ли онъ сказать, что христіанство дѣлало трусовъ изъ героевъ? Не самъ ли Ницше призналъ, что страданія являются великой школой мужества, и вся исторія перваго христіанства говоритъ о тѣхъ чудесахъ его, какія творили жалкіе, повидимому, рабы, безсильныя женщины, робкія дѣти. Или еще: Ницше превозноситъ правдивость. Но кто же и въ какую міровую эпоху былъ такъ вѣренъ себѣ, какъ послѣдователь Христовъ въ первые вѣка христіанства, котораго страхъ смерти не могъ заставить не только сказать неправду, но лишь скрыть истину? А радость, этотъ источникъ всякаго воодушевленія, непреклонной энергіи, энтузіазма и вліянія на другихъ, развѣ не чистой рѣкой текла радость изъ глазъ и устъ всѣхъ послѣдователей Христа изъ среды этихъ нищихъ и отверженныхъ міромъ? Ницше сердится и негодуетъ по тому поводу, что смерть мучениковъ соблазняла „мужиковъ“ и всѣхъ „идіотовъ, включая сюда женщинъ и простонародье, такъ какъ по этому умозаключенію истина доказывалась смертью и „глупость учила, что кровью доказывается истина [1])“ Не въ смерти дѣло и не въ соблазнѣ тутъ для насъ. Быть можетъ и дѣйствительно не всегда кровь—аргументъ истинности ученія мучениковъ. Но всегда такая кровь—признакъ силы, мужества, одушевленности самихъ мучениковъ и ис-

[1]) Антихристъ § 53.

повѣдниковъ. Великъ тотъ Богъ, который не нуждается въ насиліи для побѣды своего дѣла; велика та вѣра, которая изъ немощи творитъ силу. Таковъ и есть Богъ христіанскій, и такова вѣра евангельская.

Если въ отмѣченномъ взглядѣ Ницше на „рабскую“ природу христіанской любви въ силу ея универсальности обнаружилось полное непониманіе основъ христіанской вѣры, то такое же непониманіе ясно выступаетъ вездѣ, гдѣ Ницше прилагаетъ усилія къ тому, чтобы показать превосходство „аристократической“ морали передъ христіанской. Считаю нужнымъ въ этомъ случаѣ особо оттѣнить превозношеніе философомъ начала любви къ дальнему сравнительно съ заповѣдью о любви къ ближнему.

Христіанской идеѣ равенства людей и нераздѣльно съ нею соединенной идеѣ любви къ ближнему Ницше противополагаетъ, какъ мы знаемъ, идею аристократическаго господства и любви къ дальнему, любви къ сверхчеловѣку, любви къ „вещамъ и призракамъ“, по терминологіи философа. Странѣ отцовъ онъ противопоставляетъ страну дѣтей, ближнему — далекаго. Въ свое время я отмѣтилъ, что, на мой взглядъ, лучшія страницы Заратустры принадлежатъ именно этой проповѣди самоотреченной любви къ дальнему, къ будущему человѣчеству, къ призраку новаго грядущаго царства сверхчеловѣка. И эту любовь Ницше разсматриваетъ какъ полную противоположность Евангельской любви къ ближнему. Въ данномъ случаѣ меня не интересуетъ задача показать, насколько безпочвенна у Ницше его проповѣдь любви къ дальнему, насколько призрачно и фантастично его будущее человѣчество, насколько неспособно оно зажигать огонь любви въ сердцахъ людей. Во первыхъ, и самъ философъ говорилъ, что въ свое время я отмѣтилъ, о любви къ призракамъ, какъ о характерной чертѣ проповѣдуемой имъ любви. А затѣмъ, не критиковать Ницше—моя задача и не унижать начало любви къ дальнему по сравненію съ началомъ любви къ ближнему, но показать отношеніе Евангелія къ ницшеанскому принципу любви къ дальнему. Ницше разсматриваетъ Евангеліе съ его проповѣдью любви къ ближнему прежде всего, какъ полную противоположность принципу любви къ дальнему. Мнѣ кажется нетруднымъ показать, что Евангеліе проповѣдуетъ любовь универсальную,

т. е., примѣнительно къ Ницше, и любовь къ ближнему, и любовь къ дальнему и къ тому, что можетъ являться призракомъ для эвклидовскаго ума современнаго человѣка.

Нельзя вѣрнѣе характеризовать Евангельскую проповѣдь, какъ если назвать ея завѣты заповѣдью о любви къ ближнему. Вопреки множеству гуманныхъ системъ философской этики, говорившихъ о симпатіи и любви къ людямъ въ такомъ освѣщеніи, что передъ лицомъ человѣка ставились благороднѣйшія задачи жизни, а „ближній", непосредственно съ нами живущій человѣкъ, порою совершенно затѣнялся, Евангеліе Господа Іисуса Христа возвѣстило любовь къ ближнему въ самомъ собственномъ смыслѣ этого слова. Я уже имѣлъ случай въ теперешнихъ моихъ чтеніяхъ однажды характеризовать Евангеліе Христово и самую жизнь Господа съ точки зрѣнія всего того значенія, какое усвояется въ христіанствѣ прежде всего любви къ ближнимъ, дѣламъ непосредственнаго милосердія, отзывчивости на чужое горе и радость. Эта сторона Евангельскаго ученія настолько ясно выступаетъ и сама по себѣ и нашла такое яркое образное выраженіе въ притчѣ о страшномъ судѣ, что останавливаться на этомъ подробно я не буду и спорить съ Ницше не могу, когда онъ характеризируетъ евангельскую этику, какъ этику любви къ ближнему. Насколько неправильно Ницше понималъ самую природу христіанскаго милосердія, объ этомъ скажу отдѣльно въ свое время. А теперь лишь укажу на полную неосновательность противоположенія Евангельской любви къ ближнему любви къ дальнему.

Если сначала лишь припомнить, что основнымъ началомъ христіанской жизни по Евангелію является любовь къ Богу, и самая любовь къ ближнему утверждается на этой любви, то не станетъ ли ясно, что границы всего пространственнаго и временнаго не могутъ существовать для христіанской любви? О прошломъ, о любви къ „отцамъ" не нужно и говорить: прежде всего и самъ Ницше любви къ „странѣ отцовъ" противополагаетъ любовь къ „странѣ дѣтей", такъ что для него лично не интересно, что для вѣрующаго въ Бога живы всѣ прежде отшедшіе. А затѣмъ, кто знаетъ, какою благоговѣйною любовью окружены въ христіанской церкви имена великихъ святыхъ, для того несомнѣнно, что любовь къ ближнему не стояла на пути къ проявленіямъ самой широкой и

горячей любви къ далекому прошлому. Скорѣе въ наши дни можно услыхать упрекъ въ игнорированіи ближняго ради всевозможныхъ выраженій любви къ прошлому, хотя бы какъ эта любовь выражается въ храмовомъ культѣ. Но если для христіанскаго человѣчества ясно, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“, то для него также несомнѣнно, что Богъ есть и „Отецъ будущаго вѣка“, а съ этимъ вмѣстѣ и Отецъ будущаго человѣчества. Надо забыть, что теперь христіанская любовь лишь любовь надежды, чтобы думать, будто ближній противоставляется дальнему въ христіанствѣ. Я не говорю уже, что всѣ сословныя и національныя перегородки внутренно упразднились Евангеліемъ, и черезъ это далекіе и невѣдомые братья заставляютъ также горячо биться сердце христіанина любовью къ нимъ, и кругъ ближнихъ безконечно расширяется. Я говорю теперь о будущемъ, далекомъ будущемъ, которому невозможно выразить любовь въ дѣлахъ милосердія; я говорю теперь о томъ далекомъ будущемъ, что внѣ времени и пространства, о великихъ принципахъ жизни, ея истинныхъ задачахъ, ея „призракахъ“, по терминологіи Ницше.

Мнѣ думается, что въ спорахъ о христіанствѣ и сущности Евангельскаго ученія нѣтъ пути болѣе доступнаго и безспорнаго для уясненія истины, какъ путь провѣрки ученія на образѣ самаго Учителя, на жизни въ мірѣ Христа. Правда, эта жизнь единственная въ міровой исторіи. Но подражаніе Христу, глубочайшее внутреннее единство съ Его жизнью— основной законъ жизни всякаго христіанина. Большей любви къ „ближнему“, большей отзывчивости на людское горе, большей нѣжности въ обращеніи съ людьми, особенно съ ближайшими—учениками едва ли возможно себѣ и представить, чѣмъ какъ она проявилась въ жизни Господа. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще никто не отнималъ отъ образа Христа того, что Онъ больше всѣхъ на землѣ любилъ людей и что по этой лишь любви можно узнать, кто истинный ученикъ Христовъ. Если Ницше думалъ, что все таки Христосъ „мало любилъ“, то лишь по обидѣ за „смѣющихся нынѣ“, о чемъ рѣчь была уже у насъ, и по еще болѣе глубокой обидѣ за будущее человѣчество, за недостатокъ широкихъ плановъ будущаго великаго строительства. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ произошло какое то странное непониманіе

дѣла Христова у Ницще, тѣмъ болѣе удивительное, что съ формальной стороны Ницше нерѣдко въ такихъ чертахъ опредѣляетъ задачу человѣческой жизни, которыя считаемъ примѣнимыми и къ тѣмъ великимъ задачамъ, какія выполнены Іисусомъ Христомъ по вѣрѣ въ него христіанъ. Объ этомъ великомъ дѣлѣ Христа я уже говорилъ. Если Ницше задачей современнаго человѣчества ставитъ самоотреченіе и жертву во имя рожденія въ невѣдомомъ будущемъ сверхчеловѣка, повышенія человѣческаго типа, то, какъ я сказалъ, и крестная смерть Господа была жертвой безконечной любви, явившейся источникомъ освященія человѣчества, рожденія новаго спасеннаго человѣка. Если только обратить вниманіе на одну эту сторону служенія Христа Спасителя, то ясно станетъ, какъ Его любовь, не минуя ближняго, простиралась въ безконечную даль вѣковъ, и какъ на Голгоѳѣ, конечно въ неразрывной связи съ послѣдующимъ воскресеніемъ,— положено было начало тому великому строительству дома Божія на землѣ изъ живыхъ душъ человѣческихъ, которое уже продолжается вѣка и конецъ котораго внѣ сферы нашего видѣнія. Повторяю еще разъ великія слова Господа: „если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода". Если бъ только ближніе были въ кругозорѣ Христовой любви, то, казалось бы, не три года общественнаго служенія Господа были достаточны для того, чтобы послужить „ближнимъ" современникамъ. И когда умиралъ Христосъ на крестѣ, какъ мало было видныхъ человѣческому взгляду спасенныхъ Имъ, какое множество оставалось внѣ сферы учительства и милосердія Господа. И однако Христосъ зналъ, что „дѣло, которое далъ Ему Отецъ сотворить, Онъ сотворилъ", что путь пройденъ весь до конца, и что жизнь и смерть Господа были тѣмъ живымъ сѣменемъ, которое должно было произрастить плодъ многъ—церковь Христову, которую Онъ пріобрѣлъ Своею кровью. Неужели Тотъ, Кто такъ жилъ и такъ умиралъ, неужели Онъ былъ замкнутъ въ кругу лишь одной любви къ ближнему, неужели сердце Его не обнимало любовью всей дали вѣковъ, всего грядущаго человѣчества? Прошли 19 вѣковъ, и вѣрующимъ во Христа Онъ такъ же близокъ и дорогъ, какъ Онъ былъ близокъ и дорогъ своимъ современникамъ, даже можетъ быть еще ближе, еще дороже.

И, быть можетъ, здѣсь не будетъ лишнимъ указать на то, какъ всегда сознаніе величія долга и мысль о великой миссіи царили во Христѣ.

Въ Евангеліи есть мѣста, гдѣ Господь, образъ кротости, нѣжности и любви выступаетъ какъ бы суровымъ и строгимъ. Когда Онъ отрокомъ бесѣдовалъ въ храмѣ съ учителями народа, родители тревожились, не видя отрока, и когда нашли Его, то мать съ кроткимъ упрекомъ сказала сыну: „Дитя, что ты сдѣлалъ съ нами? вотъ отецъ твой и я съ великою скорбью искали Тебя". Онъ сказалъ имъ: „зачѣмъ было вамъ искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему"? Материнское сердце поняло всю глубину этихъ словъ, она, эта кроткая мать, сохраняла въ сердцѣ своемъ всѣ дивныя слова своего Сына, и какъ часто потомъ это сердце видѣло и понимало, что самая нѣжная любовь къ близкимъ не можетъ оторвать сына ея отъ великаго служенія міру. „Говорятъ однажды Христу: вотъ мать Твоя и братья Твои стоятъ внѣ, желая говорить съ Тобою. Онъ же сказалъ въ отвѣтъ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья Мои... кто будетъ исполнять волю Отца моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь". Это—сильныя слова, и чтобы такое нѣжное сердце могло сказать эти слова, нужна была цѣль дать великій урокъ жизни и пониманія служенія Богу, какъ перваго долга человѣка. Такъ самая жизнь Господа говоритъ о томъ, что въ Его сердцѣ жила любовь и къ ближнему, и къ дальнему, и къ великому дѣлу Отца Его. Собственно, любовь Христа была единою по своему содержанію: она была любовью къ Отцу Богу и, какъ такая, въ живомъ органическомъ единствѣ обнимала и любовь къ ближнему, и любовь къ дальному.

Та же любовь къ Отцу-Богу должна царственно обитать и въ сердцѣ христіанина. Каждый христіанинъ, въ извѣстномъ смыслѣ, есть не только вѣрующій во Христа, вѣтвь, растущая на лозѣ истинной—Христѣ, но и продолжатель въ мірѣ дѣла Христова, служитель Его, участникъ великаго домостроительства. Посмотрите на апостола Павла, это ли не человѣкъ, всѣ помыслы котораго были заняты, вся энергія котораго была отдана этой великой обнимающей сердце его любви и къ ближнему, къ братьямъ своимъ по плоти, и къ дальнему.

Вѣрою и надеждою любовь Павла переносила его въ даль и онъ, уходя изъ міра, оставилъ рядъ продолжателей своего дѣла. Также жили и другіе столпы церкви Христовой. Всюду нѣжная любовь къ ближнему и горячая любовь ко Христу, къ дѣлу его, къ успѣху Его проповѣди въ мірѣ до края земли и до конца вѣка. И здѣсь вновь я обращаю вниманіе на тѣ слова Господа, которыя также точно рѣжутъ нашъ слухъ своею строгостью и которыя могутъ быть поняты именно въ свѣтѣ всеобъемлющей любви, заповѣдуемой Евангеліемъ. „Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и братьевъ и сестеръ, жены, и дѣтей, а при томъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ". Не говорятъ ли эти слова со всею яркостью, соотвѣтствующей величію мысли, что любовь, заповѣдуемая Христомъ, была не просто любовью къ ближнимъ, но обнимала собою прежде всего задачи Божьяго Царства, была прежде всего любовью къ Богу, а въ немъ и къ ближнимъ и ко всей церкви вѣрныхъ, и ко всему человѣчеству, и ко всему дѣлу Христову. Подобныя мѣста и еще имѣются въ Евангеліи, и всѣ они помогаютъ понять проповѣдь евангельскую во всей свойственной ей широтѣ и глубинѣ. Поколѣнія смѣняли поколѣнія въ исторіи церкви Христовой такъ же, какъ и въ исторіи міра, и всегда путь ихъ освѣщали великія свѣтила вѣры, надежды и любви, той надежды, осуществленіе которой—въ безконечной дали для сознанія вѣрующаго. Ницше горячо возмущается современнымъ ему человѣчествомъ и надѣется на свѣтлое будущее. Пусть послушалъ бы онъ слово лучшихъ членовъ церкви Христовой, и въ нихъ онъ бы услыхалъ скорбь еще болѣе глубокую о безднѣ грѣха и невѣдѣнія, въ какой живетъ самое христіанское человѣчество, и почувствовалъ бы, что всѣ сердца, пламенѣющія любовью къ Богу своему, живутъ надеждой на будущее царство Отца и молятся о немъ: да пріидетъ царство это. Евангеліе прожило уже много вѣковъ, и слова его все также близкія и родныя человѣческому сердцу; каждое сердце, обращенное ко Христу, сознаетъ себя возлюбленнымъ Имъ, само живо любовью къ Нему и также горитъ этой любовью къ распятому при Понтійскомъ Пилатѣ, какъ и сидящему нынѣ одесную Отца и грядущему со славою въ концѣ вѣка. Если по вѣрѣ во Христа, во плоти

пришедшаго, каждый христіанинъ приступаетъ къ работѣ Господней—строительству дома Его и въ настоящемъ строить этотъ домъ по мѣрѣ любви къ ближнимъ, то живетъ самъ надеждою на конечную побѣду добра въ Царствѣ Божіемъ. Эта великая надежда освѣщаетъ путь жизни христіанской, и не потухаетъ свѣтъ этотъ въ душѣ вѣрующаго во всѣ вѣка. „Авраамъ радъ былъ увидѣть день Мой; и увидѣлъ, и возрадовался", говорилъ Господь объ отцѣ ветхозаветныхъ вѣрующихъ. И дѣйствительно, всѣ они жили вѣрою и любовью къ будущему великому Избавителю, къ Тому сверхчеловѣку, который есть Богочеловѣкъ. Христіанская любовь имѣетъ еще болѣе глубокій источникъ для себя, такъ какъ питается уже вѣдѣніемъ Христа, радуется Его прославленію, живетъ Его любовью въ настоящемъ и ожидаетъ великаго дня откровенія славы Божіей въ Царствѣ Отца. Такъ „ближній" въ христіанствѣ не отвлекаетъ взора любящаго отъ далекаго; такъ задача жизни Церкви Христовой на землѣ безгранична: чтобы пришли всѣ въ мѣру возраста исполненія Христова, чтобы наступило царство святыхъ. И если сверхчеловѣкъ Ницше даже для самого творца его являлся лишь призракомъ, то для людей вѣры это царство святыхъ—одновременно и далекое и близкое: полнота совершенства уже осуществлена во Христѣ-Богочеловѣкѣ, и царство Его растетъ, невидимая церковь святыхъ уже царитъ со Христомъ, и наша мысль и сердце устремлены уже и теперь не внизъ только, но и вверхъ къ небу, и къ прежнему, и къ будущему. Такъ самая вѣра въ вѣчную жизнь, которая столь несимпатична Ницше, эта самая вѣра переноситъ сердце вѣрующихъ въ безконечную даль, гдѣ свѣтъ не заходящій и любовь не умирающая.

Теперь я обращаюсь къ критикѣ Ницше христіанскаго начала любви къ ближнему и вообще къ критикѣ философомъ тѣхъ моральныхъ цѣнностей, которыя одинаково были дороги и христіанскому и общечеловѣческому сознанію во всѣ времена. Передъ нами, такимъ образомъ, выступитъ сейчасъ Ницше—имморалистъ.

Аморализмъ Ницше нужно понимать, какъ я уже отмѣтилъ, когда излагалъ основы его жизнепониманія, относительно. Лучше всего эту относительность передаетъ образъ самого Ницше, когда онъ изображаетъ себя окруженнымъ

обложками старыхъ скрижалей, разбитыхъ имъ, и въ то же время имѣющимъ передъ собою новыя скрижали, наполовину исписанныя. Дѣйствительно ли удалось Ницше разбить старыя скрижали и вовсе отрѣшиться отъ ихъ оцѣнокъ — это вопросъ особый. Но что Ницше, вопреки своему желанію быть послѣдовательнымъ аморалистомъ и адогматистомъ, не выдержалъ этой послѣдовательности—это несомнѣнно и всегда подчеркивалось критикой. У Ницше мы встрѣчаемъ ясное желаніе создать свои новыя скрижали цѣнностей, и приблизительно наполовину онъ ихъ дѣйствительно, если не создалъ, то исписалъ. Но безспорно, что главное въ творчествѣ Ницше—его безудержное стремленіе разбивать старыя скрижали, оскорблять прежнія вѣрованія, критиковать и отвергать все то, что признавалось святыней, не только христіанствомъ, но и общечеловѣческою совѣстью. Такова любовь прежде всего. И если отрѣшиться отъ того ироническаго тона и отъ тѣхъ насмѣшливыхъ выходокъ въ отношеніи любви, какъ начала жизни, которыя такъ характерны для Ницше, то за всѣми этими внѣшними, стилевыми пріемами борьбы лежитъ и дѣйствительно своеобразный философскій взглядъ на источникъ происхожденія и сущность любви въ пониманіи ея Евангеліемъ

Ницше не отрицалъ любви, какъ творческаго начала жизни. Онъ думалъ только, что основа настоящей любви должна заключаться не тамъ, гдѣ ее полагаетъ христіанство, не въ отреченіи отъ своего я, но источникъ любви долженъ находиться въ самомъ человѣкѣ, она должна истекать изъ полноты и богатства личной жизни. А если такъ, то любовь, думалъ Ницше, тотъ же эгоизмъ и въ любви каждый ищетъ самого себя. Но когда таковъ источникъ любви, то и формами ея выраженія должно служить все то, что повышаетъ личное чувство жизни и силу личности. Хрпстіанскія формы выраженія любви всѣ вытекаютъ изъ сознанія слабости, самоотреченія, трусости. Таковы состраданія, терпѣніе, кротость, прощеніе и т. д., все это пассивныя добродѣтели, которыя только разслабляютъ душу, но не способны вдохновить ее на что либо дѣйствительно великое. Разсматривая любовь съ различныхъ точекъ зрѣнія, Ницше, какъ мы видѣли, при-

---

1) См. напр. кн. Е. Трубецкой. „Философія Ницше“.

ходитъ одинаково къ выводу, что христіанское понятіе о любви есть понятіе извращенное, и проповѣдь такой любви заслуживаетъ лишь чистаго отрицанія. Наша задача будетъ прежде всего состоять въ томъ, чтобы показать неправильность пониманія Ницше самой природы любви христіанской, цѣнности ея проявленій съ точки зрѣнія критеріевъ цѣнностей самого Ницше — т. е. не пассивности, но активности свойствъ христіанской любви, и, наконецъ, сдѣлать опытъ оцѣнки съ точки зрѣнія Евангелія проявленій любви къ ближнему и дальнему.

Итакъ, прежде всего объ источникѣ любви.

Едва ли нужно говорить, что хотя любовь есть самое избитое слово, хотя о ней пишутъ, говорятъ и мечтаютъ больше всего, но едва ли есть начало жизни болѣе трудное для психологическаго анализа, чѣмъ любовь. Для иллюстраціи этого довольно будетъ указать, что самъ Ницше, называвшій себя „антихристомъ“ также точно пѣлъ гимны любви, какъ и апостолъ Павелъ, послѣдователь Христа. Любовь эта такая необъятная свободная стихія, которую такъ же трудно наблюдать, какъ и отдѣльныя волны моря. Этимъ объясняется не только то, что любовью можно назвать и любовь къ ягненку, котораго, по образу Ницше, пожираетъ хищникъ, и любовь ревности, убивающей свою жертву, и любовь, полагающую жизнь свою за другихъ, и любовь, приносящую свою жизнь въ жертву Богу. Эта сложность самого содержанія чувства любви и дѣлаетъ возможнымъ, между прочимъ, то, что самая христіанская любовь, ея источное начало неодинаково понимается въ исторіи мысли. Въ то время, какъ одни мыслители источникъ такой любви видятъ въ началѣ самоотреченія, презрѣнія къ жизни, живомъ сознаніи тщеты всякаго существованія, другіе, наоборотъ—совершенно въ этомъ пунктѣ согласно съ Ницше—видятъ источное начало любви въ сознаніи полноты своей духовной жизни, и самое самоотреченіе разсматриваютъ не какъ проявленіе своего безсилія и ничтожества, но опять таки какъ выраженіе полноты жизни. Первое пониманіе показалось Ницше специфически христіанскимъ, такъ что, когда онъ, сражаясь съ нимъ, доказывалъ невозможность отрывать человѣческій идеалъ отъ естественной основы жизни, то былъ увѣренъ, что онъ исполняетъ свою „антихристіанскую“ миссію. Но Ницше ошибался въ

этомъ случаѣ, и самъ боролся не съ христіанствомъ, какъ оно понимало любовь въ ученіи Откровенія и Церкви, но съ односторонне аскетическимъ направленіемъ мысли, хотя быть можетъ и христіанской по содержанію, но не церковной. Пониманіе Ницше природы любви есть пониманіе его учителя въ этомъ отношеніи Шопенгауера, который, конечно, не есть учитель міра христіанскаго. Близко къ Шопенгауэровскому пониманію любви стоитъ и пониманіе ея источнаго начала у Л. Н. Толстого. И у Шопенгауэра, и у Толстого, при всемъ различіи ихъ жизнепониманія, утвержденіе источника любви въ сознаніи тщеты личнаго существованія неразрывно связано съ ихъ взглядомъ на жизнь личности и отрицаніемъ личнаго безсмертія. Для Шопенгауэра начало индивидуальности есть начало гибельное для жизни, всякая индивидуальность есть заблужденіе, ошибка, такъ что желать личнаго безсмертія значило бы желать на вѣки утвердить заблужденіе. Отсюда спасительность того аскетическаго пути самоотреченія, который приводитъ человѣка къ ослабленію и отрицанію воли къ жизни, когда человѣкъ съ ужасомъ отворачивается отъ нея, видя море горя, суетность наслажденій, безсиліе стремленій облегчить страданія людей. Состраданіе, которое представляется Шопенгауэру выраженіемъ и христіанской любви, наиболѣе полно ведетъ къ этому самоотреченію, заставляя человѣка сливаться въ сознаніи со всѣми и среди житейскаго моря скорби и страданія сознавать призрачность личнаго существованія. Толстой, при діаметральной противоположности своего взгляда на міровую Волю, также видѣлъ въ личной любви выраженіе *эгоистическаго я* животной личности человѣка. Съ этой точки зрѣнія, источникъ истинной любви въ полномъ отрѣшеніи отъ блага нашей животной личности, равно какъ и отъ всякой мысли объ ея посмертномъ существованіи. Сознаніе тщеты существованія личности, сознаніе невозможности ея отдѣленнаго отъ другихъ блага—вотъ источникъ новой въ мірѣ и совершенной любви, любви христіанской, какъ думалъ Толстой. Эта любовь не есть чувство живого влеченія, всегда колеблющееся и всегда вызывающее особенный подъемъ самочувствія самого любящаго. Но любовь есть такое настроеніе или состояніе, когда любящему не на словахъ, а на дѣлѣ ничего не нужно, и онъ готовъ отдать все, не исключая своей жиз-

ни, когда это потребуется. Здѣсь не можетъ быть сравненія между любовью къ себѣ и ближнему. Первая есть основное заблужденіе и начало безнравственное, и только послѣ сознанія призрачности личнаго существованія, возможно истинно самоотреченная любовь.

Когда говорятъ о совершенномъ самоотреченіи, какъ спасительномъ пути жизни, то конечно, нельзя отрицать, что всегда въ этомъ случаѣ такія ученія соприкасаются съ христіанствомъ, въ которомъ начало совершеннаго самоотреченія является необходимымъ условіемъ слѣдованія за Христомъ. И однако также несомнѣнно, что любовь христіанская и христіанское самоотреченіе—разумѣю историческое христіанство—имѣетъ источникомъ своимъ совершенно не то, что лежитъ въ основѣ Шопенгауэровскаго или Толстовскаго аскетизма. Необходимость такой противоположности уже несомнѣнно предполагается въ силу того одного, что историческое христіанство утверждаетъ вѣру въ личное безсмертіе, а основу любви и къ міру и людямъ видитъ во всеобъемлющей любви вѣрующаго сердца къ личному Богу Я уже имѣлъ случай показать, что вѣра въ Бога и личное безсмертіе, не только не является путемъ къ обезцѣниванію личной жизни на землѣ, но, напротивъ, сообщаетъ ей безмѣрную цѣнность и полноту. Любовь христіанская и самоотреченіе, утверждаясь на этой вѣрѣ, источникомъ своимъ въ душѣ человѣка имѣютъ не сознаніе тщеты личнаго существованія, но, напротивъ, сознаніе обладанія всею полнотою жизни, такимъ благамъ, такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, которое влечетъ душу жертвовать собою отъ избытка душевной энергіи, отъ полноты, переливающейся черезъ край, сердечной жизни. Позади такой любви, какъ основа ея, стоитъ вѣра въ Бога, сознаніе своего неразрывнаго единенія съ источникомъ и всею полнотою бытія. Впереди такой любви. какъ жизненный маякъ, свѣтитъ вѣра въ личное безсмертіе, сознаніе неуничтожимости и высшей цѣнности моей жизни. Потому самоотреченіе и является въ христіанствѣ такою великой жертвой и выраженіемъ безграничной любви, что оно утверждается на вѣрѣ въ высшее достоинство и непреходящую цѣнность личной жизни. Вообще, если бъ намъ нужно было характеризовать психологическую природу христіанской любви, то я предпочелъ бы во многихъ

случаяхъ сдѣлать это словами самого Ницше, настолько заповѣдуемая христіанствомъ любовь близка къ жизни, естественна, активна и покоится не на отрицаніи личности, но на ея высшемъ самоутвержденіи. Источникъ заблужденія Ницше въ томъ, что онъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, будто богатство личной жизни, полнота ея, переливающая черезъ край, можетъ имѣть основаніемъ своимъ не только самость или эгоизмъ, но и самую цѣнность своего *я* утверждать въ другомъ. А между тѣмъ такъ оно и есть. „Ложь и зло эгоизма,—говоря словами В. С. Соловьева,—состоятъ вовсе не въ томъ, что этотъ человѣкъ слишкомъ высоко себя цѣнитъ, придаетъ себѣ безусловное значеніе и безконечное достоинство: въ этомъ онъ правъ, потому что всякій человѣческій субъектъ, какъ самостоятельный центръ живыхъ силъ, какъ возможность безконечнаго совершенства... всякій человѣкъ въ этомъ качествѣ... есть нѣчто безусловно незамѣнимое и слишкомъ высоко себѣ оцѣнить не можетъ (по евангельскому слову: что дастъ человѣкъ въ обмѣнъ за душу свою?) Непризнаніе за собою этого безусловнаго значенія... есть основное заблужденіе и начало всякаго невѣрія... Основная ложь и зло эгоизма не въ этомъ абсолютномъ самосознаніи и самооцѣнкѣ субъекта, а въ томъ, что, приписывая себѣ по справедливости безусловное значеніе, онъ несправедливо отказываетъ другимъ въ этомъ значеніи; признавая себя центромъ жизни, каковъ онъ и есть въ самомъ дѣлѣ, онъ другихъ относитъ къ окружности своего бытія. Между тѣмъ именно при такомъ исключительномъ самоутвержденіи человѣкъ и не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ онъ себя утверждаетъ. Та абсолютность, которую онъ вообще справедливо за собою признаетъ... это только возможность, требующая своего осуществленія. Богъ *есть* все, т. е. обладаетъ въ одномъ абсолютномъ актѣ всѣмъ положительнымъ содержаніемъ, всею полнотою бытія. Человѣкъ, будучи фактически только *этимъ*, а не *другимъ*, можетъ *становиться* всѣмъ, лишь снимая въ своемъ сознаніи ту внутреннюю грань, которая отдѣляетъ его отъ другого“ [1]). И единственною силой, дѣйствующей извнутри человѣка и разрушающей эту ограду

[1]) „Смыслъ любви“ т. 6, стр. 378.

является любовь, не исключающая любви къ себѣ самому, и въ то же время всецѣло безкорыстная, которая не только признаетъ абсолютное значеніе за другимъ, но и себя находитъ только въ другомъ, въ глубочайшемъ единеніи съ любимымъ. Такъ, любящій Бога въ Немъ находитъ всю полноту своей личной жизни, на все смотритъ, если можно такъ выразиться, Его глазами, слѣдуетъ Его велѣніямъ въ радостномъ убѣжденіи, что Божья воля есть и путь къ личному благу любящаго, страдаетъ отъ малѣйшей дисгармоніи своихъ чувствъ съ заповѣдуемыми религіозной вѣрой настроеніемъ, и такъ какъ въ Богѣ оказывается средоточіе всей жизни, то самая жизнь безъ Бога для вѣрующаго не можетъ существовать. Когда требуется отречься отъ Бога по требованію внѣшнихъ мотивовъ, то это является внутренно невозможнымъ, такъ какъ здѣсь разомъ порвались бы всѣ нити духовной жизни человѣка, и для такого настроенія смерть является пріобрѣтеніемъ, какъ спасеніе жизни. Точно также, когда является дилемма: или исполнить волю Божію и рисковать своею жизнью, или спасти ее въ мірѣ этомъ цѣною измѣны голосу своей совѣсти, то опять таки сердце человѣка окажется тамъ, гдѣ его сокровище, и для вѣры всегда будетъ ясно, что кто хочетъ спасти жизнь свою, тотъ прежде долженъ погубить ее, въ совершенномъ самоотреченіи утвердить свою жизнь въ любви къ Богу. И утвердить съ сознаніемъ величайшаго достоинства и цѣнности своей жизни, съ сознаніемъ ея божественности, ея сыновней родственности Богу, какъ небесному Отцу людей. Христіанство, такимъ образомъ, вовсе не отрицаетъ, какъ думалъ Ницше; любви человѣка къ себѣ, если подъ любовью понимать сознаніе своей безусловной цѣнности и предназначеніе къ блаженству. Напротивъ, эта любовь предполагается Евангеліемъ, какъ нѣчто безусловно естественное и даже должное, какъ благодарный отвѣтъ вѣрующаго сердца Жизнедателю за Его даръ. Интересно разсуждаетъ по вопросу о любви къ себѣ въ христіанствѣ покойный проф. Снегиревъ въ своей „Психологіи“. Онъ исходитъ изъ словъ ап. Іоанна: „кто говоритъ, что любитъ Бога и въ то же время не любитъ ближняго, тотъ обманываетъ себя и другихъ. Потому что, какъ онъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ, когда не любитъ ближняго, котораго видитъ“? Этотъ превосходный и тонкій ана-

лизъ апостола—продолжаетъ Снегиревъ—можно продолжить далѣе. Можно сказать съ несомнѣнностью, что тотъ, кто воображаетъ, что любитъ ближняго, любитъ человѣка и человѣчество и не любитъ себя въ то же время, обманываетъ себя и другихъ. Какъ онъ можетъ любить ближняго, который не постоянно съ нимъ находится и котораго онъ знаетъ всегда меньше, чѣмъ себя, когда онъ не умѣетъ любить себя самого .. Человѣкъ безъ благороднаго самолюбія есть нравственный уродъ, неспособный къ энергической дѣятельности, гнилой, негодный членъ общества и, вдобавокъ, несчастнѣйшее существо въ мірѣ". Я не буду останавливаться на вопросѣ, можно ли всецѣло согласиться съ такимъ дополненіемъ апостольской мысли, но не могу не подчеркнуть, что любовь къ себѣ дѣйствительно служитъ естественной основой и любви къ ближнему. „Люби ближняго, какъ самого себя". Эту ветхозавѣтную заповѣдь повторилъ Христосъ Спаситель, и много вѣковъ люди считали такую любовь достаточною для того, чтобъ жить для другихъ и жертвовать для нихъ своею жизнью. Правда, теперь есть довольно исправителей церковнаго ученія среди самихъ богослововъ, которымъ показалось такое ученіе недостаточно высокимъ. Но подобныя попытки исправить Евангеліе и пониманіе его церковію говорятъ лишь о непониманіи психологической природы любви. Послѣдняя всегда и справедливо чувствуется, какъ благо жизни; она всегда сопровождается повышеніемъ самочувствія любящаго, сообщаетъ цѣль и смыслъ жизни, дѣлаетъ яснымъ ея цѣнность и сообщаетъ полноту бытія. Любовь по предмету можетъ быть недостойной человѣческаго достоинства и односторонней, отсюда и это повышеніе самочувствія въ любящемъ и развиваемая имъ энергія жизни могутъ быть безплодными и даже отвратительными. Любовь можетъ оказаться нераздѣленной, и тогда сила стремленія къ единенію съ любимымъ можетъ обратиться противъ самого любящаго. Но здѣсь цѣнность самой любви и ея значенія опредѣляется уже не психологической природой чувства, но самымъ предметомъ любви. Но всегда въ любви человѣкъ „богатѣетъ", развиваетъ личную энергію, живетъ полною жизнью.

Если въ такъ называемой благоговѣющей любви къ Богу къ міру духовному, къ міровымъ геніямъ, святымъ, героямъ и т. д. любовь вызываетъ естественное чувство повышенія

въ любящемъ сознаніи цѣнности жизни черезъ духовное единеніе съ силой и славой любимаго, то подобное же повышеніе самочувствія, самоутвержденія личности происходитъ и при переживаніи группы чувствъ любви къ существамъ меньшимъ, слабымъ, больнымъ, нуждающимся въ помощи и заботѣ о нихъ. Здѣсь любящій не только переживаетъ чужую малость и слабость, какъ свои, но и сознаетъ свою отвѣтственность за жизнь и счастье любимаго, видитъ передъ собой прямую цѣль жизни, сознаетъ цѣнность своей дѣятельности. И напрасно бояться, что такое самоутвержденіе личности не можетъ быть примирено съ ея самоотреченіемъ. Напротивъ, только живущій полной жизнью способенъ къ совершенному самоотреченію въ любви. Богъ есть любовь совершеннѣйшая полнота жизни есть и совершеннѣйшая любовь, а съ нею вмѣстѣ и совершеннѣйшее самоотреченіе. Тотъ, Который былъ образомъ Божіимъ и равнымъ Богу, до конца уничижилъ Себя, принявъ образъ раба и смирилъ Себя, будучи послушнымъ голосу любви до смерти и смерти крестной (Фил. II, 6--8). Такова природа не только Божьей, но и всякой любви и ея самоотреченія. Любимъ мы не отъ нашей нищеты и безсилія, но, напротивъ, отъ полноты и богатства своей души. Неспособность любить можетъ всегда свидѣтельствовать о духовной бѣдности или нравственной испорченности человѣка. И если раньше я сказалъ, что любовь къ Богу не только духовно обогащаетъ человѣка, но по мѣрѣ этого обогощенія дѣлаетъ его способнымъ къ самоотреченію, то это же самое примѣнимо и ко всякаго рода любви, это ея законъ. Всякая искренняя любовь не боится жертвъ самоотреченія, порою даже готова искать ихъ, и сама растетъ и крѣпнетъ на подобныхъ жертвахъ, при чемъ всегда величина самоотреченія измѣряется полнотою любви, а послѣдняя высшимъ сознаніемъ цѣнности своей жизни, глубиною самоутвержденія. Я не говорю въ данномъ случаѣ о любви къ людямъ ради Бога, хотя именно эта любовь наиболѣе радостная и наиболѣе самоотреченная, какъ находящаяся подъ защитой самой абсолютности, чуждой всякой колеблемости, самого источника любви; но и любовь наша обычная, земная всегда не только измѣряется степенью самоотреченія, но и послѣдняя зависитъ отъ полноты сознанія важности и цѣнности того сокровища, которое является предметомъ любви.

И напрасно Ницше кажется, что въ этомъ случаѣ любовь эгоистична, такъ какъ мы любимъ не предметъ любви, а свои желанія [1]). Вся сущность альтруистической природы любви, какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, и заключается въ томъ, что самыя желанія человѣка, всѣ его цѣнности, не исключая и глубокаго сознанія своей личной цѣнности, переносятся любящимъ въ любимаго, въ немъ познаются и цѣнятся. Весь вопросъ въ томъ, въ чемъ человѣкъ находитъ свое удовлетвореніе, блаженство, источникъ самоутвержденія, въ кого онъ „богатѣетъ“ по слову Христа Спасителя. И только любящій можетъ быть блаженнымъ въ комъ либо или въ чемъ либо другомъ и эта именно черта составляетъ прямую противоположность эгоизму. Въ частности, христіанство никогда не утверждало, что человѣкъ созданъ для терзанія и сознанія своего безсилія, но для блаженства и царственной силы, только по вѣрѣ не въ себя и не отъ себя, но въ Бога и отъ Бога.

То, что мною сказано было до сихъ поръ о любви съ точки зрѣнія ея психологической природы, имѣло прямою цѣлью показать источникъ того различнаго до противоположности отношенія Евангелія и Ницше къ переживаніямъ и настроеніямъ нашего сердца, которое не можетъ быть понято безъ предварительнаго уясненія природы той любви, какую принесъ на землю Христосъ и завѣщалъ міру. Если источникъ такой любви видѣть въ сознаніи ничтожности нашего существованія, его призрачности, неисцѣльной болѣзни, то ясно, что на такую любовь и на всѣ ея проявленія нельзя не смотрѣть, какъ ни проявленіе воли къ ничто, какъ на пассивную покорность року, ведущую къ обезцѣниванію и униженію жизни. Всѣ проявленія любви—терпѣніе, милосердіе, кротость, прощеніе будутъ тогда разсматриваться подъ такимъ угломъ зрѣнія и выступятъ въ жизненномъ кругозорѣ какъ проявленіе слабости духа, убивающія всякую силу и вдохновеніе личности. Неудивительно, что и Ницше видѣлъ во всей добродѣтели христіанской только такую пассивную примѣняемость и приспособляемость къ жизни. И не одинъ Ницше видѣлъ, но многіе, быть можетъ, великое множество нашихъ современниковъ видѣли то же самое, когда они не могутъ безъ внутренняго раздраженія

[1]) „По ту сторону добра и зла“, § 2, стр. 105.

слышать рѣчи о смиреніи, терпѣніи, прощеніи, непротивленіи, какъ пути ко спасенію, заповѣданному христіанствомъ. И наоборотъ, если посмотрѣть на жизнь любви съ евангельской точки зрѣнія, какъ на проявленіе полноты жизни, богатство личности, силы, побѣждающей міръ грѣха и злобы, то легко откроются тѣ активныя свойства христіанской добродѣтели, которыя остаются вовсе затѣненными односторонне ошибочнымъ взглядомъ на источникъ религіозной любви, а еще болѣе, быть можетъ, лукавыми измышленіями тѣхъ, для кого, говоря словами Ницше, выгодна добродѣтель другихъ. Мимоходомъ замѣчу, что когда Ницше возмущается добродѣтелью, какъ выгодною угнетателямъ человѣчества, то онъ какъ бы вовсе не замѣчаетъ того, что если такіе угнетатели дѣйствительно заинтересованы въ добродѣтели, то въ добродѣтели другихъ, а сами или носятъ маску ея или и вовсе освобождаютъ себя отъ ея оковъ. Но при чемъ же въ такомъ случаѣ сама добродѣтель, какъ можно ей усвоять характеръ какой бы то ни было корысти? Но это между прочимъ, а теперь я перехожу къ краткому обзору тѣхъ христіанскихъ „добродѣтелей“, которыя представляются Ницше нигилистическими, отрицающими жизнь, противными здоровымъ инстинктамъ человѣческой природы.

*Весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего какъ самого себя.* Гал. V, 14.

## IV

Христіанская любовь, по образу Г. Друммонда [1]), подобна бѣлому солнечному лучу. Какъ послѣдній, проходя сквозь призму, начинаетъ сіять всѣми цвѣтами радуги, такъ и любовь, проходя сквозь призму человѣческаго сердца въ его различныхъ отношеніяхъ къ міру и людямъ, проявляется въ жизни въ формѣ различныхъ настроеній и направленій воли, въ формѣ того, что называется обыкновенно добродѣтелями и что такъ зло и ожесточенно высмѣивается Ницше.

Теперь моя задача и будетъ заключаться въ томъ, чтобы посмотрѣть на эти добродѣтели съ точки зрѣнія критеріевъ цѣнности, принятыхъ самимъ Ницше и показать въ заповѣдуемыхъ Евангеліемъ настроеніяхъ проявленіе подлинной силы и красоты человѣческой жизни. Свою задачу я не считаю легкой, такъ какъ мнѣ приходится имѣть въ виду, большею частью, не только нападки Ницше, но и считаться съ направленіемъ широкихъ круговъ современнаго общественнаго мнѣнія—врага наиболѣе сильнаго, обладающаго такимъ могущественнымъ оружіемъ затѣнять истину, какъ предубѣжденность и неуловимость логическихъ доводовъ въ пользу принимаемаго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ наши дни серіозно вѣритъ, что смиреніе, терпѣніе, непротивленіе злу являются истинно творческими началами жизни? Съ уходомъ Толстого, точно, ушелъ и послѣдній проповѣдникъ того великаго жизненнаго значенія, какое имѣютъ эти „пассивныя“

---

[1]) „Самое великое въ мірѣ“.

добродѣтели; да и то, ни къ чему въ ученіи Толстого наше общество не относилось съ такимъ добродушнымъ пренебреженіемъ, какъ именно къ тому, что самъ Толстой считалъ ключемъ къ разумѣнію всего Евангелія,—считалъ, допустимъ, ошибочно, такъ какъ терпѣніе и кротость являются лишь однимъ изъ цвѣтовъ спектра христіанскаго солнца — любви,—но все же справедливо и вдохновенно оттѣнялъ великое жизненное значеніе этихъ евангельскихъ началъ. Наше оффиціальное богословіе, съ одной стороны, всячески высмѣивало и бранило Толстого, словно забывъ, что онъ,— пусть не совершенно,—исповѣдывалъ и защищалъ то, чему училъ Христосъ; а съ другой стороны, это же самое богословіе въ проповѣдническомъ жанрѣ своего творчества такъ характеризовало христіанскую кротость, смиреніе и терпѣніе, что, дѣйствительно, не нужно было быть Ницше, чтобы признать за такимъ смиреніемъ и терпѣніемъ выраженіе началъ самой безнадежной низости и робости человѣческой души, а не проявленіе ея величія и силы, побѣждающей міръ. И теперь, когда мнѣ предстоитъ характеризовать и защищать отъ нападокъ различныя частныя проявленія христіанской любви, мнѣ приходится одновременно не только отражать ожесточенный натискъ на нихъ со стороны Ницше, но не въ меньшей мѣрѣ защищаться и отгораживаться отъ тѣхъ истолкователей Евангелія, которые слѣдовали въ своемъ истолкованіи не духу и не буквѣ его, но вовсе чуждымъ ему началамъ.

Свою рѣчь по поводу критики Ницше христіанскихъ добродѣтелей я начну съ анализа начала милосердія, еще частнѣе, состраданія, такъ какъ это именно начало подверглось наиболѣе ожесточеннымъ нападкамъ со стороны Ницше, и въ состраданіи послѣдній видѣлъ сущность христіанской нравственности.

Прежде всего, если остановиться мыслью на самомъ началѣ состраданія, не касаясь пока вопроса объ отношеніи этого начала къ любви, заповѣдуемой Евангеліемъ, то никакъ нельзя понять приниженія этого начала въ системѣ Ницше и такого ожесточеннаго сужденія о состраданіи. какъ началѣ, ведущемъ къ ослабленію жизни. Какъ было уже отмѣчено, основнымъ критеріемъ цѣнности поведенія и настроенія для Ницше является природная естественность извѣ-

стныхъ инстинктовъ и чувствованій. Съ этой точки зрѣнія враждебное отношеніе Ницше къ началу состраданія не находитъ безспорной основы въ самомъ его міросозерцаніи. Сострадательность есть необходимое выраженіе инстинкта, присущаго всему живущему на землѣ. Самъ Ницше признаетъ, что каждый изъ насъ является пригвожденнымъ къ своему собственному кресту въ чувствѣ жалости [1]) и что, соотвѣтственно этому, каждое страдающее существо хочетъ, чтобы его пожалѣли [2]) Начало состраданія даже выходитъ далеко за границу собственно человѣческой жизни и находитъ выраженіе, хотя не всегда одинаково ясное, на всѣхъ ступеняхъ животной жизни, особенно въ любви материнской. Уже въ силу одного этого, въ силу всеобщности природнаго начала сострадательности, странно слышать такія ожесточенные нападки на него со стороны „аморалиста“ и „натуралиста“ Ницше. Вѣдь для того, чтобы отрицать любое природное начало жизни, надо обладать какимъ-либо высшимъ критеріемъ оцѣнки, какого у Ницше быть не можетъ. И если нападки Ницше утверждаются въ большинствѣ на безполезности и даже вредѣ состраданія для развитія жизни, то, вѣдь, самъ же Ницше призналъ, что критерій полезности есть характернѣйшая черта рабской морали, и что польза и вредъ не мѣрки для нравственной цѣнности поведенія. Но и этого мало. Нужно совершенно закрыть глаза на жизнь природы, чтобы такъ безапелляціонно утверждать вредъ состраданія съ точки зрѣнія полноты и развитія жизни въ мірѣ, какъ это дѣлалъ Ницше. Здѣсь есть цѣлый рядъ данныхъ, не могущихъ не быть отмѣченными какъ прямое указаніе на ошибочность сужденія Ницше. Прежде всего жалость и состраданіе къ слабому и больному имѣетъ не только всеобщее выраженіе въ природѣ, но и является необходимымъ условіемъ самой возможности появленія и развитія въ ней жизни, какъ это отмѣчали всѣ, изучавшіе жизнь въ природѣ, и притомъ далеко не одни представители морали безкорыстныхъ чувствъ. Требовать въ виду этого, чтобы человѣкъ вырвалъ изъ сердца съ корнемъ начало жалостливости, значило бы требовать отъ человѣчества опустить-

---

[1]) „Такъ гов. Зар.“. стр. 7.

[2]) Тамъ же стр. 161.

ся ниже животныхъ въ культѣ жестокости, хотя бы и безкорыстной. Конечно, и въ этомъ требованіи нѣтъ ничего ужаснаго и невозможнаго съ точки зрѣнія основъ нашей дѣйствительности. Въ нашемъ мірѣ человѣческихъ отношеній такъ мало жалости, неподдѣльнаго сочувствія, сострадательности, предупреждающей и побѣждающей страданія, что невольно часто вспоминаются слова Достоевскаго, что страшно несправедливо и обидно для звѣрей, когда жестокость человѣка называютъ „звѣрской", въ то время какъ звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человѣкъ („Братья Карамазовы"). Но важно то, что и въ жизни внѣрелигіозной, чисто природной, состраданіе выступаетъ со значеніемъ не пассивнаго, но творческаго начала жизни, такъ какъ оно именно прежде всего служитъ необходимой основой развитія жизни. Въ этомъ случаѣ безусловно ошибочно считать начало состраданія „глупымъ и безплоднымъ". Такимъ оно могло бы явиться лишь въ глазахъ мыслителя, считающаго нелѣпостью всякую мечту о развитіи и совершенствованіи жизни, а не для проповѣдника новыхъ путей жизни. Да и вообще, сужденія Ницше о „глупости и безплодности" состраданія грѣшатъ большою односторонностью и говорятъ о близорукости ихъ творца. Ницше утверждаетъ не разъ, какъ мы видѣли, что состраданіе губитъ жизнь, такъ какъ является въ своей искренней формѣ лишь безполезнымъ удвоеніемъ страданія. Однако, это утвержденіе настолько несправедливо, что и въ опроверженіи едва-ли нуждается. Если кормятъ голоднаго, напоятъ жаждущаго, лечатъ больного изъ чувства состраданія, то здѣсь прямой путь борьбы съ бѣдствіями и страданіями жизни, т. е. путь ея восхожденія, а не упадка съ точки зрѣнія и Ницше. Если, далѣе, сострадательное участіе только помогаетъ человѣку нести свой жизненный крестъ, то и тутъ психологически происходитъ раздѣленіе страданія, а не удвоеніе его, и при томъ такое раздѣленіе, когда сила сострадающаго не ослабѣваетъ, а напротивъ возрастаетъ по мѣрѣ дѣятельнаго служенія горю и нуждѣ другихъ. Жизнь всѣхъ подвижниковъ гуманизма ярко говоритъ объ этомъ, показывая въ ихъ лицѣ неизсякающій источникъ энергіи. Остается, значитъ, одна опасность, что состраданіе облегчитъ и задержитъ жизнь тѣхъ, которые уже непригодны для жизни. Здѣсь,

въ своемъ стремленіи спасти осужденное на гибель и неисцѣльное, состраданіе дѣйствительно можетъ показаться глупымъ и неразумнымъ. Основная черта состраданія та, что оно помимо всѣхъ разсудочныхъ соображеній и размышленій зоветъ человѣческое сердце откликнуться на призывъ о помощи, откуда бы онъ ни исходилъ, окружить добромъ и любовью страдающую душу независимо отъ ея цѣнности или излечимости. Но и тутъ эта „глупость“ состраданія выше разсудочности. Во-первыхъ, у насъ нѣтъ критерія, чтобы судить о томъ, что подлежитъ исцѣленію и что нѣтъ, что безнадежно утратило цѣнность и что способно къ возрожденію. Нерѣдко, очень нерѣдко, судъ въ этихъ случаяхъ бываетъ ошибочный и „милость возвышается“ надъ нимъ. А затѣмъ, даже при „глупости“ и безполезности состраданія для страдающаго, самая жалость вездѣ является выраженіемъ полноты, а не ущерба жизни сострадательнаго. Примѣры любви и жалости къ людямъ, недостойнымъ ихъ, нерѣдко не только не отвѣчающимъ благодарностью, но злобой и неправдой, примѣры такой любви, порою возмущающей нашъ разсудокъ, всегда вызываютъ невольное уваженіе къ носителямъ такой великой жалостливой любви, ясно говорящей объ особенной полнотѣ и богатствѣ души жалостливаго.

Я не буду болѣе подробно останавливаться на анализѣ природной сострадательности, такъ какъ для моей основной задачи это представляетъ второстепенный интересъ. Сдѣлаю лишь одно еще замѣчаніе, прежде чѣмъ перейти къ рѣчи о христіанскомъ милосердіи. Позволю именно отмѣтить, тотъ небезынтересный фактъ, что жестокость вовсе не есть признакъ силы какъ въ мірѣ животной жизни, такъ и особенно въ жизни людей, скорѣе наоборотъ: настоящая сила всегда отличается какимъ то снисходительнымъ благородствомъ, жалостливостью, тогда какъ жестокость соединяется съ трусостью и коварствомъ, т. е. со свойствами далеко не аристократическими.

Ницше нерѣдко отождествляетъ состраданіе съ христіанской любовью. Здѣсь онъ идетъ по стопамъ Шопенгауэра, но идетъ ложнымъ путемъ. Это необходимо отмѣтить прежде всего, чтобы понять несправедливость характеристики Ницше какъ любви христіанской, такъ и самаго состраданія. Основное начало религіозной любви, въ благоговѣніи передъ Бо-

гомъ, т. е. область, никакъ не могущая вытекать и опираться на природное начало жалости. Не созерцаніе горя, страданій и болѣзней въ мірѣ рождаетъ изъ себя любовь къ Богу, но созерцаніе идеи Безконечнаго, Его вѣчной силы и Божества, Его нетлѣнной красоты въ совершенной гармоніи съ добромъ. Христіанская любовь, поэтому, не только шире состраданія, включая въ себя область благоговѣйнаго поклоненія, сыновняго восторга, братскаго сорадованія, но эта любовь сообщаетъ и особую природу христіанскому состраданію, сравнительно съ обычнымъ его выраженіемъ, хотя, безспорно, состраданіе является выраженіемъ и христіанской любви. „Любовь, говоритъ апостолъ, милосердствуетъ“ Милосердіе—черта, неотдѣлимая отъ любви христіанской уже по одному тому, что милосердіе, сострадательная отзывчивость составляютъ самую яркую черту въ образѣ Спасителя міра христіанскаго. Это милосердіе Господа наиболѣе привлекло къ Нему современниковъ, эта же черта Его облика и навѣки будетъ привлекать къ Нему сердца, связанныя горемъ и нуждою въ мірѣ. Милосердіе и послѣдователей Христовыхъ въ мірѣ всегда указывается въ Евангеліи какъ путь прямого послѣдованія за Христомъ. Любовь милосердствуетъ, она не можетъ не плакать съ плачущими, какъ и радоваться съ радующимися потому, что любовь есть тѣснѣйшее единеніе съ любимымъ. Чужое горе, страданіе, болѣзнь, неудача всегда будутъ переживаться любящимъ, какъ свои собственныя, и всегда, поэтому, будетъ сильно и неизбѣжно для любящаго стремленіе раздѣлить горе и страданіе съ ближнимъ, облегчить его жизненное бремя, нести свѣтъ и утѣшеніе душѣ скорбящей и озлобленной въ мірѣ. Трудно, невозможно, даже окинуть взоромъ всю ту необъятную область, которая должна быть обнимаема христіанскимъ милосердіемъ, и всѣ эти безконечно разнообразныя формы, въ которыхъ оно можетъ выражаться. Вся сила и нравственная цѣнность его въ личномъ общеніи любящаго со страдающимъ. И здѣсь то сказывается все различіе по источнику происхожденія того состраданія, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе Ницше, и христіанскаго милосердія.

Самый сострадательный, полный искренней готовности всѣмъ своимъ пожертвовать для помощи страдающему не

можетъ дать больше, чѣмъ самъ онъ имѣетъ. Я уже говорилъ объ этомъ, когда характеризовалъ тотъ путь борьбы со страданіями въ мірѣ, который выражается въ одномъ стремленіи устранить ихъ. Какъ ни безконечно цѣнны, какъ ни нужны, какъ ни благородны эти стремленія, которыя питаетъ живое чувство состраданія, но всѣ они имѣютъ одну страшную сторону, способную привести въ отчаяніе—это несомнѣнное во множествѣ случаевъ безсиліе такой борьбы. Чѣмъ выше въ подобномъ случаѣ сострадательность, тѣмъ большая ей грозитъ опасность обезсиленія личной жизни безъ видимаго улучшенія окружающей. Контрастъ между этимъ человѣческимъ безсиліемъ и холодной силой природнаго равнодушія дѣйствительно такъ великъ, что нетрудно разбиться о скалу дѣйствительности самому горячему любящему сердцу. Поэтому много жестокой правды въ словахъ Ницше, что горе любящимъ, у которыхъ нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ ихъ состраданіе. Но именно эту новую вершину открываетъ передъ человѣкомъ міръ идей и религіозная вѣра въ указаніи новаго пути къ борьбѣ со страданіями и неразрывно съ этимъ новой формы состраданія. Самъ Ницше признавалъ, что не всякое страданіе и не всякая неисцѣлимая болѣзнь должна приводить къ убѣжденію въ негодности страдающаго, какъ члена общества. О себѣ самомъ Ницше думалъ, что онъ великій творецъ новой истинно человѣческой жизни и въ то же время ясно сознавалъ всю неисцѣльность своихъ страданій. Онъ для себя не хотѣлъ состраданія, какъ не могущаго исцѣлить болѣзнь и дать этимъ силу побѣдить свои страданія. Онъ хотѣлъ подняться на такую высоту, съ которой можно было бы смѣяться надъ всякой трагедіей человѣческаго горя и страданія и прежде всего надъ своими собственными. Задачей своей жизни онъ ставилъ стать выше своихъ страданій, побѣдить ихъ силою своего презрѣнія и своей любви. Не достигъ этого Ницше, но черезъ это нисколько не была поколеблена надежда на возможность высшаго пути борьбы со страданіями. Нуженъ только источникъ такой побѣждающей силы, которая могла бы не смѣяться лишь надъ трагедіей слезъ и горя, но и осушать эти слезы и исцѣлять это горе. И такая сила, какъ я уже имѣлъ случай показать, есть вѣра въ міръ вѣчныхъ цѣнностей, въ неразрушаемомъ единеніи съ которыми сознаетъ

себя человѣкъ. Повторять сказаннаго не буду, но укажу, что въ этой вѣрѣ источникъ побѣждающей силы и христіанскаго состраданія. Въ чемъ существенное сходство и отличіе его отъ обычнаго состраданія? Они сходны въ томъ, что чужое страданіе становится близко къ сердцу милосердаго, переживается имъ, какъ свое, и зоветъ на борьбу съ горемъ ближняго, какъ со своимъ собственнымъ. Но въ то время какъ состраданіе выступаетъ только со своими силами въ сознаніи милосердаго, и его самое богатое сердце легко можетъ изнемочь въ борьбѣ съ волнами безбрежнаго моря человѣческой скорби, христіанское милосердіе всегда чувствуетъ свое единство не только съ видомъ страданія и со страдающимъ, но и съ источниками неумирающей жизни и радости—Богомъ. Это послѣднее сознаніе и есть та вершина, съ которой можно не только смѣяться надъ всѣми земными страхами и страданіями, постигающими самого человѣка въ жизни, какъ показала наглядно исторія христіанства въ мірѣ, но въ то же время и вселять въ сердца другихъ источникъ этой побѣждающей силы вѣры. Сострадающій, сказалъ я, не можетъ дать страдающему больше того, что самъ онъ имѣетъ. Только раздѣлить бремя страданій онъ можетъ и пытаться устранить ихъ. Христіанское милосердіе несетъ вмѣстѣ съ собою въ сердце страдающаго ту волну вѣчной радости, которая можетъ окрылить душу, поднять её на высоту не только примиренности съ жизнью („Господь далъ, Господь и взялъ; пусть Его имя будетъ благословенно"), но и побѣды жизни надъ страданіями („среди великаго испытанія скорбями преизобилуютъ радостью"). И питаясь отъ источника Вѣчной Силы, христіанское милосердіе если не всегда можетъ повести къ побѣдѣ надъ страданіемъ, такъ какъ приносимыя вѣрой утѣшенія могутъ быть приняты лишь свободно раскрывшимся сердцемъ, то это сострадающее милосердіе никогда не можетъ повести къ ущербу личной духовной силы. Во-первыхъ, для христіанина страдающій братъ есть не только нѣчто больное и ущербленное, единеніе съ которымъ можетъ отразиться ущербомъ и на жизни сострадающаго, но такой братъ есть всегда, при всей безднѣ страданія и грѣха, въ какой онъ можетъ очутиться, всегда есть безцѣнная величина, Божіе дитя, сынъ вѣчности и участникъ брачнаго чертога Сына Божія, Его радости и славы

къ какому состоянію и долженъ возстать скорбящій въ мірѣ. А во вторыхъ, самая неумолимая суровость природы не является тою несокрушимой скалой, о которую можетъ разбиться вѣрующее сердце. Корни питанія послѣдняго выше этого міра, и при всемъ сознаніи реальности его, его радостей и страданій, душа вѣрующаго неизмѣнно всегда видитъ иной также реальный міръ, отъ предчувствія котораго „восторгомъ трепещетъ душа, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце“ Побѣждается природа не силой внѣшнею, какой не дано человѣку, но силой духа, окрыленнаго вѣрой и надеждой. Конечно, если бы Ницше сказалъ, что такое христіанское милосердіе покоится на призракѣ (вѣра въ Бога, безсмертіе души) и призрачной вѣрой утѣшаетъ и вдохновляетъ душу страдающаго, то съ этимъ спорить было бы безполезно. Но Ницше, этотъ поэтъ призраковъ, и въ такомъ случаѣ долженъ бы былъ согласиться, что призракъ, вдохновляющій и страдающаго и сострадающаго въ христіанствѣ, ведетъ не къ ущербу для жизни, но къ силѣ духа, и христіанское состраданіе, даже если бы оно было выраженіемъ чистаго заблужденія, есть сила вдохновляющая и утверждающая жизнь. Оно, также какъ и все христіанство, „рецептомъ“ своимъ, вопреки мнѣнію Ницше, имѣетъ не то, чтобы сильныхъ дѣлать слабыми, но слабыхъ — сильными. Любовь милосердаго не уменьшается, но растетъ и укрѣпляется по мѣрѣ жертвъ и усилій дѣятельнаго служенія людямъ, а изнемогающій въ мірѣ окрыляется къ новой въ немъ жизни и къ новой радости. И если Ницше хочетъ побѣдить природу черезъ порицаніе присущаго ей во всѣхъ представителяхъ животнаго царства инстинкта сострадания, то христіанство въ этомъ случаѣ, какъ и всегда. идетъ на помощь природѣ и сообщаетъ ея естественному началу истинный смыслъ и богатое содержаніе. Въ этомъ случаѣ можно было бы, пожалуй, самому Ницше бросить упрекъ въ клеветѣ на міръ и законы его жизни. И если понять все то значеніе, какое усвояется христіанствомъ естественному инстинкту сострадания, если обратить вниманіе на то необъятное поле, какое въ христіанскомъ кругозорѣ открывается дѣятельному милосердію, то трудно понять тотъ упрекъ, какой Ницше дѣлаетъ религіи вообще, а христіанству въ частности, когда утверждаетъ, что религіозное міропонима-

ніе ослабляетъ борьбу съ бѣдствіями и страданіями жизни [1]). То вѣрно, что эту борьбу оно ставитъ на новую почву, „на измѣненіе сознанія“, говоря языкомъ Ницше. Но неразрывная связь христіанскаго ученія о милосердіи съ естественнымъ началомъ состраданія заставляетъ насъ предполагать, что такое милосердіе явится не бормотаньемъ утѣшительныхъ словъ, но дѣйствіемъ, „станемъ любить—говоритъ апостолъ—не словами или языкомъ, но дѣломъ и истиной“. Таково и есть христіанское милосердіе. Нужно совершенно забыть внутреннее единство царства Божія на землѣ и на небѣ, чтобы думать о возможной пассивности христіанскаго состраданія. Задача жизни вѣрующаго въ служеніи Царству Божію здѣсь на землѣ, горячее, одушевленное стремленіе видѣть здѣсь осуществленіе воли Божіей, какъ она совершенно осуществляется на небѣ, здѣсь сознавать радующее душу братство людей и свое сыновство Богу. И насколько всегда активно христіанское милосердіе, видно не изъ ученія только Евангелія, когда оно въ любви указываетъ путь непосредственной борьбы со страданіями жизни; но эта активность со всею яркостью выступаетъ и въ образѣ самого Христа. Ницше и въ данномъ случаѣ не понялъ этого образа. Критикуя внутреннюю сторону евангельскаго повѣствованія, Ницше говоритъ: „обнаруживается зіяющее противорѣчіе между проповѣдникомъ на горахъ, морѣ и лугахъ, появленіе котораго также пріятно поражаетъ, какъ появленіе Будды.., и тѣмъ фанатикомъ нападенія, смертельнымъ врагомъ теологовъ и жрецовъ, котораго злость Ренана прославила, какъ великаго учителя ироніи“ [2]). Противорѣчіе это создало непониманіе Ницше природы христіанскаго милосердія. И на горахъ, и передъ книжниками и фарисеями Христосъ выступаетъ одинаково учителемъ и примѣромъ милосердія. Милосердіе всегда зоветъ на защиту страдающаго отъ всѣхъ скорбей его жизни, оно всегда становится между жертвой и обидчикомъ и своею грудью защищаетъ угнетеннаго, не переставая въ то же время быть милосердымъ и къ самому обидчику. Христосъ защищалъ всею силою Своего вдохновеннаго слова народъ, обижаемый и обма-

---

[1]) „Человѣческое, слишкомъ человѣческое“, § 108, т. 3, стр. 89.

[2]) „Антихристъ“ § 31.

нываемый сильными міра и своими учителями. Но какъ ни сильны и горячи обличенія послѣднихъ, и эти обличенія исходили изъ любящаго милосердаго сердца, а не изъ фанатической ненависти. Обличенія эти были тѣмъ же призывомъ къ покаянію самихъ вождей народныхъ. И если „на горахъ“ Христосъ по преимуществу говорилъ о блаженствѣ добра, даже страдающаго на землѣ, то передъ лицомъ зла Онъ говорилъ о гибельности его даже въ то время, когда это зло является въ ореолѣ земной славы и успѣха, подобно раскрашеннымъ гробамъ. И тамъ, и здѣсь говорилъ Онъ и дѣйствовалъ по одному Своему милосердію, желая не гибели, но обращенія грѣшныхъ на путь праведности. И каждый христіанинъ, идущій по стопамъ Господа, не можетъ не знать, что не въ словахъ, а въ дѣлахъ выраженіе истиннаго милосердія, и что самоотверженная и ревностная борьба со злыми является въ большей мѣрѣ выраженіемъ любви къ нимъ самимъ, а не только защищаемымъ слабымъ, чѣмъ уживчивость со зломъ, вялая уступчивость. Непротивленіе злому со стороны ученика Христова оружіемъ самаго злого— насиліемъ и неправдой не есть уклоненіе отъ борьбы и бѣгство съ поля жизненной борьбы, но есть борьба съ болѣе сильнымъ, совершеннымъ и побѣдоноснымъ оружіемъ— силой правды и любви. Можно и должно обвинять за пассивность и уклончивость отъ борьбы со зломъ и бѣдствіями жизни христіанъ, но нельзя обвинять въ этомъ самое христіанское милосердіе, самое ученіе Того, Кто по милосердію пришелъ въ міръ и вся жизнь Котораго была борьбою съ неправдою и горемъ людей.

Я сравнительно подробно остановился на началѣ состраданія и милосердія въ кругозорѣ нашей жизни и религіи въ виду того, что этому началу особенно много вниманія удѣляетъ самъ Ницше, обнаруживая въ равной мѣрѣ и непониманіе природы этого жизненнаго начала и самую острую враждебность къ его проявленіямъ въ жизни. Теперь я перехожу къ замѣчаніямъ о другихъ христіанскихъ „добродѣтеляхъ“. О нихъ Ницше не распространяется такъ подробно, какъ о состраданіи, но не менѣе безповоротно отрицаетъ ихъ жизненную цѣнность, усматривая въ этихъ добродѣтеляхъ проявленіе самыхъ низкихъ сторонъ человѣческой личности, если послѣднюю разсматривать съ

точки зрѣнія ея силы, ея творческаго участія въ жизни. Начну съ терпѣнія.

Отрицательное отношеніе Ницше къ „добродѣтели“ терпѣнія легко понять, если судить о немъ по тѣмъ самымъ обычнымъ въ жизни проявленіямъ терпѣнія, которыя нерѣдко показываютъ его пассивную природу, выражаютъ нежеланіе бороться за улучшеніе жизни, довольство тою принижающей атмосферой, которая незамѣтно, но вѣрно ведетъ къ гибели души и тѣла. Исторія даетъ много поучительныхъ примѣровъ того, какъ такое терпѣніе вело къ измельчанію цѣлыхъ расъ, а обыденная жизнь на каждомъ шагу даетъ поводъ возмущаться тою безразличной уживчивостью со зломъ, которая прославляется, какъ „добродѣтель“ терпѣнія со стороны тѣхъ, кому это выгодно. Но я уже говорилъ и повторяю, что христіанскія настроенія могутъ быть вѣрно поняты только тогда, если ихъ разсматривать въ связи съ основами христіанской вѣры, въ которой, по глубоко справедливому сужденію самого Ницше; заключенъ источникъ этихъ настроеній, этихъ добродѣтелей. И вотъ, когда мы слышимъ нападки Ницше на терпѣніе, какъ рабскую трусость, [1]) и анализируемъ природу христіанскаго терпѣнія, то можемъ только указать на совершенное непониманіе Ницше психологіи вѣры вообще, а относительно терпѣнія въ особенности. „Неспособность слабаго къ наступательному дѣйствію, самая трусость его, которой онъ такъ богато надѣленъ, его стояніе у дверей, его неутомимое выжиданіе,—все это носитъ здѣсь красивое имя „терпѣнія“, оно возводится здѣсь даже въ добродѣтель“. [2]) Ницше пишетъ, что все Евангеліе представляетъ собою наглядное выраженіе этой рабской трусости, и во всемъ Новомъ Завѣтѣ „встрѣчается только единственная фигура, достойная уваженія, Пилатъ, римскій правитель, обнаружившій мужество въ „благородной насмѣшкѣ“ „что есть истина“ [3])

Евангеліе и весь Новый Завѣтъ дѣйствительно проповѣдуютъ терпѣніе. Прежде всего въ жизни самого Христа Спасителя и Его учениковъ а затѣмъ въ ихъ ученіи, и при томъ проповѣдуютъ терпѣніе до конца, совершенный отказъ

---

[1]) „Такъ гов Зар.“, стр. 166.

[2]) Т. IX, стр. 124. изд. Клюкина.

[3]) Антихр., § 46.

отъ защиты обычными средствами насилія или хитрости. И такое терпѣніе является въ новозавѣтномъ жизнепониманіи однимъ изъ спасительныхъ путей жизни Мысль эта настолько, я думаю, несомнѣнна для каждаго, читавшаго Евангеліе и апостольскія писанія, что я не буду передавать даже картинъ величайшаго терпѣнія, показаннаго міру Господомъ Іисусомъ и Его послѣдователями, и не буду приводить множество текстовъ изъ апостольскихъ писаній, [1]) говорящихъ о терпѣніи какъ добродѣтели и царственномъ пути христіанской жизни. Но я попрошу позволенія поставить лишь вопросъ о томъ, было ли это показанное и проповѣданное христіанствомъ терпѣніе выраженіемъ трусости, рабской придавленности, униженнаго духа? Неужели Іисусъ Христосъ, терпѣливо переносившій „біенія, оплеванія, заушенія“ во дворѣ Пилата, не отвѣчавшій даже на выкрики клеветниковъ, неужели этотъ терпѣливый страдалецъ, удивившій даже прокуратора Своею непоколебимой твердостью духа, неужели Онъ жалкая и трусливая фигура по сравненію съ самимъ Пилатомъ, которымъ восторгается Ницше за его храбрость передъ истиной, и который оказался такимъ мелкимъ трусомъ передъ одною угрозой именемъ Кесаря? Тутъ даже понимать нечего, а нужно совершенно закрыть глаза, чтобы прославлять достоинство Пилата по сравненію съ образомъ дѣйствій его Подсудимаго. Но это только примѣръ, и мнѣ не хотѣлось бы на парадоксальной ошибкѣ Ницше строить защиту христіанскаго терпѣнія отъ тѣхъ нападокъ, которыми окружили его многіе наши современники. Вопросъ долженъ рѣшиться изслѣдованіемъ самого происхожденія начала терпѣнія въ христіанской жизни.

Я уже имѣлъ случай отмѣтить, что всѣ отдѣльныя христіанскія добродѣтели имѣютъ свой источникъ въ любви христіанской, т. е. прежде всего въ любви къ Богу, а затѣмъ и людямъ. И если это только вспомнить, то понятнымъ станетъ какъ то, что терпѣніе—необходимое выраженіе христіанскаго настроенія, такъ и то, что именно терпѣніе является выраженіемъ въ христіанской жизни непоколебимаго мужества, а не трусости.

---

[1]) Напр. Мѳ. X, 22, Лк., XXI, 19 2 Тим, II, 12, Рим. XII, 12; Іак. 1, 3—4. Рим. XV, 5, Евр. XII, 3.

Любовь всегда неотдѣлима отъ терпѣнія, поскольку она всегда утверждается на готовности со стороны любящаго на жертвы и самоотреченіе ради любимаго и насколько любовь всегда чужда въ своемъ дѣйствіи всякаго вида насилія и гнета. И особенно это такъ въ любви ко Христу и ради Христа. Можно сказать безъ колебанія, что терпѣніе любви необходимо прежде всего въ отношеніи христіанина къ Богу. И любовь можетъ быть нѣсколько торопливою. Апостолы и ихъ современники очень хотѣли своими глазами видѣть устроеніе Христомъ Своего Царства на землѣ, но время наступленія этого Царства осталось для нихъ закрытымъ, а само Царство невидимымъ. Христосъ призывалъ Своихъ учениковъ къ терпѣнію до конца.. То-же и въ жизни всѣхъ послѣдователей Христа. Какъ часто праведные земли могли бы воскликнуть къ Богу: „доколѣ, Владыко святый и истинный, не судишь и не мстишь... за кровь нашу"? (Апок. VI, 10). Какъ часто сердце вѣрующаго сжимается въ безконечной тоскѣ при видѣ торжества зла на землѣ, господства лжи и обмана, страданій праведныхъ, страданій дѣтей, страданій любимыхъ!.. Но любовь къ Богу долготерпитъ, она вѣритъ, что наступитъ день откровенія славы Божіей, оправданія Сыномъ Божіимъ Его путей, и въ этомъ упованіи все переноситъ ради Христа и служенія Его Царству. Такая терпѣливая любовь не боится убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу; ни временныхъ страданій и болѣзней, которыя должны смѣниться вѣчной радостью, ни самой смерти ранней или поздней. Не было никого въ мірѣ до Ницше, кто, согласно съ нимъ, не превозносилъ бы мужества и не презиралъ трусости. Но понятія о мужествѣ не всегда совпадали въ сознаніи человѣчества. Если, напримѣръ, для всѣхъ ясна благородная храбрость льва, то быть можетъ не всѣмъ одинаково доступно пониманіе мужества Христа, когда Онъ молился на крестѣ за распявшихъ Его. Но эта нѣкоторая непримѣтность духовнаго мужества не говоритъ еще за его слабость и безсиліе, за отсутствіе въ немъ творческаго начала. Великая притягательная сила земли не ощущается нами, но на ней утверждается вся жизнь на землѣ; сильный раскатъ грома кажется намъ мощнымъ и величественнымъ въ то время, какъ это пустой звукъ, случайный спутникъ разряжающагося

воздушнаго электричества. Подобное можно видѣть и въ жизни. Красива храбрость льва, но она ничтожна передъ лицомъ любого оружія или большей силы; красива сильная воодушевленная армія, но и она легко можетъ быть побѣждена сильнѣйшимъ противникомъ, и не войска творятъ жизнь на землѣ. Самъ Ницше хорошо формулировалъ сущность истиннаго прогресса жизни, когда сказалъ, что міръ неслышно вращается среди изобрѣтателей человѣческихъ цѣнностей. А народъ и слава вращается вокругъ комедіантовъ [1]). Объ этомъ дѣйствительно говоритъ жизнь, и она свидѣтельствуетъ, какъ именно терпѣніе лежало въ основѣ истинныхъ побѣдъ и завоеваній человѣческаго духа, терпѣніе не труса, вызывающаго или отвращеніе или сожалѣніе, но терпѣніе любви къ высокому и святому. Терпѣніемъ материнской любви живо все существующее на землѣ. Самоотверженнымъ терпѣніемъ самопожертвованія ученаго открыты въ мірѣ великія силы; терпѣніемъ Колумба открытъ новый свѣтъ; терпѣніемъ учениковъ Христа просвѣщены новымъ свѣтомъ истины всѣ концы земли. Такова природа любви. Чѣмъ большихъ жертвъ она требуетъ, тѣмъ больше нужно и терпѣнія и тѣмъ выше, мужественнѣй, неустрашимѣй является сама любовь. Великая любовь всегда безгранично мужественна и безгранично терпѣлива. Это самое надо сказать и о томъ обыденномъ терпѣніи въ жизни, которое заповѣдуется христіанствомъ. Оно мало замѣтно, оно можетъ казаться признакомъ слабости, но на дѣлѣ не менѣе заслуживаетъ преклоненія, чѣмъ геройскіе подвиги прямой борьбы со зломъ. „Нѣтъ ничего равнаго терпѣнію — разсуждаетъ великій отецъ Церкви, — оно — царица добродѣтелей, безмятежная пристань.., оно дѣлаетъ обладающаго имъ крѣпче адаманта, ему не въ силахъ повредить ни выдвигаемыя оружія, ни построенныя въ боевомъ порядкѣ войска, ни стрѣлы, ни копья [2])... Между людьми раздраженными обыкновенно считаютъ побѣдителемъ того, кто болѣе нанесъ обидъ.., но это худая побѣда. Во многихъ случаяхъ лучше претерпѣть пораженіе, и это есть самый лучшій способъ побѣды.., когда мы терпѣніемъ побѣждаемъ

---

[1]) „Такъ гов. Зар.", стр. 40—41.

[2]) Творенія св. Іоанна Злат., т. 3, стр. 631.

обижающихъ насъ“ [3]). Не ученіе только Христа и Церкви, но и повседневная жизнь говоритъ объ этомъ. Въ молчаливыхъ усиліяхъ и непрерывномъ трудѣ, въ терпѣливомъ несеніи жизненнаго креста и разныхъ страданій ради долга и правды, гораздо больше мужества, даже героизма, чѣмъ въ подвигахъ физической храбрости. Все это ясно и несомнѣнно, только нужно не закрывать глаза на жизнь, а также и умѣть различать ученіе Христа отъ фальшивыхъ измышленій людей, говорящихъ порою отъ имени Христа. Разницу эту не трудно замѣтить и оцѣнить: ученикъ Христовъ тотъ, кто самъ терпитъ скорби и лишенія ради Христа и Царства Его; клеветникъ на Евангеліе тотъ, кто самъ ничего не терпитъ, но поощряетъ мучителей и угнетателей идти своими путями злобы и неправды, а обиженныхъ и мучимыхъ—терпѣть и страдать.

То, что сказано о терпѣніи, во многомъ примѣнимо къ началу смиренія и кротости, заповѣдуемыхъ христіанствомъ. Насъ не можетъ удивить отрицательное отношеніе къ такому настроенію со стороны Ницше. Кротость и смиреніе для Ницше такая же „трусливая низость“, какъ и терпѣніе [1]) и, „смиренная мудрость есть привычка раба, недостоиная человѣка“. О смиреніи можно сказать то же, что и о терпѣніи: есть смиреніе и смиреніе. Называютъ смиреніемъ и пресмыкательство передъ сильными, и льстивую услужливость и лицемѣрное благочестіе, и трусливое бѣгство отъ всего того, что требуетъ силы воли, мужественной защиты истины, мужества быть честнымъ, быть самимъ собой. Но есть смиреніе любви истинной и нелицемѣрной, которое и завѣщано міру Христомъ, и это смиреніе можетъ явиться творческимъ началомъ въ жизни и развитіи человѣчества, не выраженіемъ упадка или безсилія, но проявленіемъ силы и благороднаго величія души. „Смиреніе любовное—страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего“. Это говоритъ Достоевскій („Братья Карамазовы“), человѣкъ еще неизмѣримо болѣе проницательный, чѣмъ самъ Ницше. Ясно, что не одно и то же они

---

[3]) Т. 7, стр. 842—843

[1]) Т. IX, стр 124.

[2]) „Такъ гов. Зар.“, стр. 106.

разумѣли надъ смиреніемъ, когда одинъ видитъ въ немъ воплощеніе безсилія, а другой—величайшую силу.

Что такое смиреніе? Это есть сознаніе своей малости, нищеты духовной, своей слабости, своего несоотвѣтствія ничему великому и святому. Такое опредѣленіе какъ будто бы и дѣйствительно говоритъ въ пользу того предположенія, что подобное душевное настроеніе способно скорѣе принижать душу, чѣмъ возвышать и вдохновлять ее. И наоборотъ, гордость, по сравненію со смиреніемъ, представляется началомъ повышающимъ самочувствіе, сознаніе своей цѣнности, своего значенія, что должно отразиться и на проявленіи личности въ жизни, на ея творческомъ дѣланіи. Можно сказать сразу, что съ точки зрѣнія чистаго натурализма Ницше правъ, хотя и относительно. Но есть еще сфера собственно религіознаго пониманія жизни, и этой сферы вовсе не коснулся Ницше, даже съ психологической точки зрѣнія, какая ему могла быть доступной. Я позволю себѣ сейчасъ отмѣтить то характерное различіе, какое должна испытывать душа смиреннаго въ зависимости отъ источника сознанія своей малости, т. е. я хочу относительно смиренія дѣлать то же, что до сихъ поръ дѣлалъ, анализируя любовь и ея различныя проявленія, къ числу которыхъ принадлежитъ и смиреніе.

Есть три сферы, передъ лицомъ которыхъ человѣкъ можетъ гордиться или смиряться. Это: міръ физической природы съ ея неумолимыми законами; міръ разумныхъ существъ—царство человѣчности; и, наконецъ, міръ чистой духовности: Богъ и Его Царство, какъ на небѣ, такъ и на землѣ. Для Ницше, собственно, важно было установить натуралистическіе принципы жизни и, насколько для него человѣкъ являлся кусочкомъ видимаго міра, настолько идеаломъ для человѣка было слиться съ природой, жить ея законами. „Въ природѣ я нашелъ надменность—говоритъ Ницше,—которую я называю божественной. Такъ какъ я нашелъ эту надменность и въ своей душѣ, то и душу свою я называю божественной“ [1]). И надменность природы и надменность человѣка, какъ ея части, стоятъ другъ друга въ глазахъ самого Ницше „братья мои—увѣряетъ онъ,—

[1]) „Посмертные афоризмы“.

природа глупа; и поскольку всѣ мы природа, постольку всѣ мы—глупы. Но и глупость носитъ красивое имя· она называется необходимостью“ [1]). Ясно что передъ лицомъ необходимости говорить о смиреніи или надменности природы можно только на поэтическомъ языкѣ. На обычномъ языкѣ можно говорить лишь о надменномъ или смиренномъ отношеніи человѣка къ природѣ Здѣсь, какъ будто бы мало данныхъ для надменности. Хотя человѣкъ и называетъ себя царемъ природы, но онъ не можетъ не сознавать ограниченности своей царской власти. По крайней мѣрѣ Ницше это было вполнѣ ясно. Онъ умѣлъ радоваться природѣ, восторгаться бездоннымъ небомъ, яркимъ солнцемъ, чистымъ воздухомъ [2]), но онъ же прекрасно понималъ, какъ смѣшонъ и жалокъ человѣкъ, когда онъ вздумаетъ изобразить изъ себя повелителя природы. Если вдуматься въ рецептъ самого Ницше для того, чтобы чувствовать свое величіе передъ лицомъ природы, то здѣсь скажется глубокая правда. Для этого надо не стремиться возвыситься надъ природой, но раствориться въ ней, разсматривать себя, какъ часть этой природы, забыться въ ней, какъ дитя забывается и сладко засыпаетъ на рукахъ матери. Можетъ ли человѣкъ довольствоваться такою ролью смиренной песчинки бытія или нѣтъ—вопросъ другой, но передъ лицомъ одной природы ему нѣтъ другого выхода, какъ или смириться до конца и жить дарами милости природы или начать бунтъ и погибнуть въ безсиліи передѣлать міръ по своему плану. Большее, что можетъ сдѣлать человѣкъ въ отношеніи своемъ къ природѣ, это возможно полнѣе приспособляться къ ней, познавать ее, пользоваться ея силами для защиты себя отъ вредныхъ природныхъ вліяній. Всѣ т. н. „завоеванія природы“, всѣ „побѣды“ надъ нею имѣютъ именно такое условное значеніе. И при всемъ томъ крѣпость самого человѣка остается неизмѣнно ничтожной. „Мы—персть. Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ отцвѣтаетъ. Пронесется надъ нимъ дуновеніе вѣтра, и уже нѣтъ его и даже памяти о немъ“ (Псал. 102). Такъ говоритъ ветхозавѣтный поэтъ, и не можетъ иначе думать никто, если

---

[1]) Тамъ же стр. 4.

[2]) „Такъ гов. Зар.“, стр 142—144 и др.

только начнетъ думать. Смиренное сліяніе съ природой, подчиненіе ея законамъ, приспособленіе къ ея строю—вотъ путь сохраненія жизни на землѣ и маленькія радости на ней кратковременной человѣческой жизни.

Вторая сфера жизни, гдѣ можетъ выступить дѣйствительно и гордость и смиреніе, есть сфера человѣческихъ отношеній. Гордость исходнымъ началомъ своимъ имѣетъ въ этомъ случаѣ сознаніе своего превосходства передъ другими или же сознаніе своего достоинства вмѣстѣ со всѣми. Смиреніе своей основой имѣетъ любовь къ человѣку. Любящаго не могутъ радовать недостатки и униженіе любимаго. Напротивъ, все это болью отзывается въ любящемъ сердцѣ въ то время, какъ всякое благо и всякое совершенство любимаго является радостью для любящаго. Поэтому всегда, говоря апостольскими словами, „любовь не превозносится и не гордится". Если посмотрѣть со стороны на жизнь человѣческую на землѣ, насколько это доступно намъ, особенно при изученіи исторіи, то безспорно нужно признать, что господство въ этой жизни принадлежало гордымъ и превозносящимся. Если во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были свои святыни въ почитаніи красоты смиреннаго духа, то это были почти всегда какъ бы наджизненныя святыни, а жизнь творили гордыя натуры. Эту сторону особенно отмѣчалъ и подчеркивалъ Ницше, когда, напримѣръ, въ Наполеонѣ I видѣлъ „синтезъ не человѣка, а сверхчеловѣка". Нельзя не согласиться съ Ницше, оцѣнивая образъ поведенія человѣка единственно со стороны цѣнности человѣческой силы и красоты, что гордость является естественной основой успѣха и славы и съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ безпощаднымъ приговоромъ надъ чисто человѣческой любовью. Въ такой любви, дѣйствительно, залогъ постояннаго сознанія своего безсилія, страданія, огорченій, скорби, вообще всего того, что питаетъ чувство смиреннаго сознанія своего ничтожества, но что мало даетъ разумныхъ основаній для любви къ жизни и стремленія къ утвержденію царства человѣка на землѣ. Самая любовь подобнаго рода не можетъ быть прочной основой энергичнаго служенія людямъ, потому что если настроеніе любящаго есть всегда въ большей или въ меньшей мѣрѣ отраженіе окружающаго, то гдѣ же явится неизсякающій источникъ

бодрой и радующей энергіи? Самъ Ницше задыхался отъ отвращенія и презрѣнія къ человѣку, несмотря на то, что въ преклоненіи предъ гордостью стремился поставить себя на недосягаемую высоту сравнительно съ будничной жизнью и питалъ свою гордость созерцаніемъ сверхчеловѣческаго величія. Что же могло пережить и испытать сердце любящаго не дальняго, а ближняго въ своей постепенной близости къ горю и немощи людей? Все это могло бы съ несомнѣнностью говорить за естественность и плодотворность начала гордости въ жизни и отношеніяхъ людей между собою, какъ начала, выражающаго силу и красоту, сознаваемыхъ въ себѣ человѣкомъ, если бъ не одно такое неизбѣжное въ жизни явленіе, которое или дѣлаетъ невозможной гордость человѣка передъ человѣкомъ, или обезцѣниваетъ это чувство внутреннимъ противорѣчіемъ между чувствомъ гордости и сознаніемъ безсилія, то явленіе, что концомъ всякой человѣческой силы здѣсь является безсиліе и концомъ всякой красоты—безобразіе. Если говорить конкретно о человѣческой силѣ, величіи и красотѣ, то воплощеніемъ этихъ свойствъ во всемірной исторіи является, по мысли В. С. Соловьева, одинъ и тотъ же образъ Александра Македонскаго „И бысть, егда поражаше Александръ Македонскій, сынъ Филиппа, иже изыде изъ земли Хеттимъ, порази и Дарія, царя Перскаго и Мидскаго, и воцарися... въ Елладѣ. И состави брани мнози, и одержа твердыни мнози, и уби цари земскія. И пройде даже до краевъ земли и взя корысти многихъ языковъ, и умолча земли предъ нимъ, и возвысися, и вознесеся сердце его. И собра силу крѣпку зѣло, и начальствова надъ странами и языки, и мучительми, и быша ему въ данники. И по семъ паде на ложе и позна яко умираетъ“. Развѣ сила – спрашиваетъ В. С. Соловьевъ, приведши эти слова изъ первой книги Макковейской,—безсильная передъ смертью, есть въ самомъ дѣлѣ сила? Развѣ разлагающійся трупъ есть красота? Древній представитель силы и красоты умеръ и истлѣлъ не иначе, какъ самая безсильная и безобразная тварь“... Такъ по мысли В. С. Соловьева культъ натуральной силы и красоты упраздняется самъ собою, своей очевидной несостоятельностью въ борьбѣ все съ однимъ и тѣмъ же врагомъ—со смертью, съ постояннымъ разрушеніемъ и обезображиваніемъ того, что являлось

еще такъ недавно въ жизни людей воплощеніемъ силы и красоты. Правда, эти имена живы порою въ сознаніи и памяти потомковъ, исторія сохраняетъ ихъ надолго отъ забвенія, но эта историческая слава, не является ли сама она лишь надгробными памятниками надъ отдѣльными именами и цѣлыми народами, больше напоминающими мыслящему человѣку о призрачности и быстротечности всего, чѣмъ о прочности и важности на землѣ людей и дѣлъ человѣческихъ? Не напрасно созналъ древній мудрецъ, что „во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь“ (Екк. I, 18) Одинъ путь гордиться въ жизни: закрыть глаза на все, пить, ѣсть и веселиться также беззаботно, какъ неразумныя животныя. Не нравился, однако, Ницше такой идеалъ, не этотъ путь онъ указываетъ для своего „познающаго и созидающаго человѣка“ [1]), да и такой путь маленькаго счастья въ беззаботномъ отношеніи къ жизни и къ смерти, какъ самъ онъ ненадеженъ и часто безрадостенъ! „Если мы не станемъ смиренными для Бога—говоритъ великій наблюдатель жизни,—то смиряетъ насъ скорбь, несчастья, притѣсненія“ [2])... Итакъ оказывается, что самый источникъ питанія чувства гордости и собственнаго достоинства въ человѣкѣ, сознаніе своей власти надъ другими и своего надъ ними превосходства этотъ источникъ легко совершенно изсякаетъ отъ одного призрака смерти. Не христіанская мизантропія измыслила, что „возвышающій себя униженъ будетъ“ [3]), не Церковь измыслила, что все въ жизни „пепелъ, тѣнь, прахъ и дымъ“—это законъ естественной жизни. Передъ лицомъ этого закона и гордость, и смиреніе одинаково жалки и ненужны. Нужно или мужество признать, что все суета и томленіе духа, и нѣтъ ничего ни сильнаго, ни прекраснаго въ жизни; или же признать силу и красоту вышемірную, силу, которая не ослабѣваетъ, и красоту, которая не умираетъ. Источникъ той силы и красоты—Богъ, а путь къ нимъ—вѣра.

Богъ, какъ я сказалъ, и отношенія къ Нему человѣка составляютъ третью сферу тѣхъ отношеній, гдѣ возможно

[1]) Такъ гов. Зар., 50—52.

[2]) Творенія св. Іоанна и Злат., т. XI, стр. 899.

[3]) Лк. 14, 11.

проявленіе сознательной гордости или смиренія Первая форма отношенія—удѣлъ невѣрующихъ. Если Бога нѣтъ, то я богъ—долженъ мыслить каждый послѣдовательный атеистъ. Насколько эта гордость въ отношеніи къ Богу находитъ источники питанія въ мірѣ физической природы и человѣческихъ отношеній и насколько „несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Апок , 3, 17) такой богъ я уже говорилъ, и потому о гордости этой говорить не буду, а скажу о смиреніи передъ лицомъ Божіимъ—удѣлъ христіанскій и вообще путь искренней вѣры въ Бога.

Я уже отмѣтилъ, что всякое смиреніе есть сознаніе своей духовной нищеты, чувства своего безсилія, немощности, недостоинства. Вопросъ ставится такой, какъ подобное сознаніе и чувство должно отразиться на волѣ человѣка. Для Ницше, единственная сила—воля къ жизни. Отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи смиренія къ такой волѣ и дѣйствительно имѣетъ рѣшающее значеніе для сужденія о цѣнности или вредѣ смиренія для жизни. Это—вообще говоря; то же, въ частности, и относительно религіознаго смиренія. Если оно только заставляетъ преклоняться передъ Богомъ и въ бездѣйствіи созерцать контрастъ безконечной Божеской силы съ моею немощью, то такой самый благоговѣйный квіетизмъ не способенъ побуждать душу къ смѣлымъ энергичнымъ усиліямъ воли, къ творчеству, къ строительству. Ницше такъ и думаетъ, когда все христіанское дѣланіе готовъ сравнить съ пережевываніемъ своей жвачки коровами, которымъ принадлежитъ Царство небесное [1]). Оно бы такъ не только могло, но и должно было быть, если бъ не та живая сила, которая соединяетъ человѣка съ его Богомъ, если бы не сила любви. Послѣдняя дѣлаетъ то чудо внутренней жизни, что все величіе и сила Божія не остаются внѣ человѣка, какъ сила и красота природнаго міра, но внутри человѣка, по слову Спасителя: Царство Божіе внутри васъ есть. И Царство и Царь: „се стою—говоритъ Онъ самъ—у дверей и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною“ [2]). Если душа человѣка отвѣчаетъ Возлюбившему ее отъ начала, то

---

[1]) „Такъ гов. Зар.“ 238.

[2]) Ап. 3, 20

она становится въ то же мгновеніе Божіимъ дитятей, сознаетъ свое внутреннее органическое единеніе съ Богомъ и живое стремленіе къ этому общенію. Чувство своей малости, слабости, недостоинства отъ такого сознанія не только не уменьшается, но еще болѣе возрастаетъ, какъ и ребенку вообще никто не кажется такимъ сильнымъ, такимъ красивымъ, такимъ святымъ, какъ его отецъ и мать. Подобное сознаніе не можетъ не вызывать благоговѣйнаго поклоненія и величанія своего Бога, радованія Ему. Свойственная любви вообще идеализація только въ Богѣ и можетъ найти полное осуществленіе, когда душа поклоняется одному святому, одному крѣпкому, одному безсмертному. Но эта совершенная идеализація отражается также совершеннымъ повышеніемъ самочувствія въ сознаніи и сердцѣ любящаго Бога. Этотъ Богъ—мой Богъ, мой небесный Отецъ, мой мудрый руководитель, мой мощный защитникъ, моя радость, моя слава и гордость. Чѣмъ больше я созерцаю силу Божію, чѣмъ глубже проникаю въ Его ученіе, чѣмъ живѣе ощущаю безмѣрное величіе Его дѣлъ и любви, тѣмъ меньшимъ сознаю себя, тѣмъ смиреннѣе принимаю изъ Его руки все то, что Онъ благоволитъ дать мнѣ: и радость, и горе, и славу, и безчестье, и жизнь, и смерть. Совершенная покорность, совершенное преклоненіе, всецѣлая любящая самопреданность Богу неотдѣлимы отъ живой вѣры въ Него, но неотдѣлимы точно такъ же, какъ и сознаніе своего безмѣрнаго достоинства, своего Божественнаго происхожденія, своего долга быть достойнымъ любимаго, подражать Ему въ своей жизни, творить Его волю, искать Его славы. Сознаніе своей слабости ясно говоритъ, что безъ Бога я ничто; но живая вѣра въ Бога говоритъ, что въ Богѣ и съ Богомъ я—все. „Когда я немощенъ, тогда силенъ“ [1]), говорилъ о себѣ ап. Павелъ. Слова эти могли бы показаться парадоксомъ, если бы они не утверждались на жизненномъ тяжеломъ опытѣ сказавшаго эти слова апостола. Самое глубокое сознаніе своей немощности ни на мгновеніе не можетъ покинуть вѣрующаго, такъ какъ онъ ощущаетъ себя всегда въ присутствіи безграничной силы и совершенной чистоты. Но когда человѣкъ сознаетъ себя хотъ и немощнымъ орудіемъ, но орудіемъ

[1]) 2 кор. 12, 10.

этой самой великой и святой силы, когда онъ сознаетъ себя исполняющимъ волю Божію, соработникомъ Его въ мірѣ и чувствуетъ свое пребываніе въ любви Отчей до такой степени, что можетъ сказать: живу не я, но живетъ со мной Христосъ [1]), то спадаютъ всѣ человѣческія цѣпи и природныя ограниченія, вѣрующій сознаетъ себя сыномъ вѣчности, вознесеннымъ на такую высоту, съ которой всѣ царства этого міра кажутся малыми и незначительными. Ницше прекрасно понимаетъ это настроеніе сознающаго себя Божіимъ дитятей, когда съ безудержной злобой возмущался возведеніемъ себя вѣрующими до безконечности въ ученіи о безсмертной жизни и побѣдѣ надъ законами природы [2]). Не буду спорить, справедливо или нѣтъ такое возмущеніе, такъ какъ отвѣтъ можетъ дать лишь вѣра или невѣріе. Но и для той и для другого ясно, что если ужъ можно упрекать смиреніе вѣрующаго предъ Богомъ, то единственно развѣ за то, что такое смиреніе ведетъ къ безмѣрному подъему духа по слову самого Христа: „смиряющій себя возвысится“, а возвысится именно въ мѣру своего смиренія передъ Богомъ, въ мѣру совершеннаго самоотреченія ради жизни въ Богѣ. И если теперь мы попытаемся оцѣнить такое смиреніе, какъ настроеніе ума и чувства вѣрующаго съ точки зрѣнія его вліянія на волю, волю къ жизни, то увидимъ опять таки, какъ подобное религіозное смиреніе отлично отъ „естественнаго“ и какимъ мощнымъ факторомъ оно является въ дѣланіи христіанина.

Я уже говорилъ, что безъ вѣры въ Бога и міръ надземный въ отношеніи къ природѣ возможно лишь преклоненіе предъ ея законами, сознаніе своей совершенной зависимости отъ ея началъ. Иное самочувствіе христіанина, живущаго вѣрой въ вѣчныя цѣнности. Онъ не можетъ не сознавать себя сыномъ земли и не только чувствовать силу ея законовъ, но и преклоняться передъ ними, какъ передъ законами, данными міру Высшей Премудростью, Творцомъ міра. Христіанину болѣе чѣмъ кому-либо доступно наслажденіе красотами міра, преклоненіе передъ тайной жизни, проникновеніе въ малѣйшія детали бытія. Изучая міръ,

---

[1]) Гал. 2, 20

[2]) Антихр., § 43.

вѣрующій изучаетъ чудное твореніе Бога; любуясь міромъ. онъ радуется красотѣ Создавшаго; воздѣлывая землю, онъ въ собственномъ смыслѣ слова работаетъ на нивѣ Божіей. Все это источникъ живой и новой любви къ міру, этой книгѣ откровенія Отца жизни. Все то, что въ мірѣ можетъ дѣйствовать повышающимъ образомъ на душу человѣка, все это доступно вѣрѣ, и никакого преимущества предъ вѣрующимъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ человѣкъ, сознающій себя только сыномъ земли, а не вѣчности. Послѣдній, какъ я уже говорилъ, не можетъ не сознавать своего ничтожества передъ природой и лишь въ совершенномъ слияніи съ нею можетъ искать спасенія отъ бездны отчаянія. Вѣрующій, сознавая себя сыномъ вѣчности, можетъ не только преклоняться передъ законами природы, но и побѣждать ихъ въ своемъ сознаніи, противополагая видимый міръ, какъ не вѣчный, своей душѣ, какъ соединенной союзомъ любви съ вѣчнымъ началомъ жизни. Здѣсь лежитъ соблазнъ нѣкотораго презрительнаго отношенія ко всему тлѣнному и преходящему, но вѣдь самое это презрѣніе, съ точки зрѣнія Ницше, говоритъ о сознаніи человѣкомъ своей высшей силы. Соблазнъ подобнаго презрѣнія побѣждается болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ планы божественнаго строительства жизни, гдѣ познается нераздѣльность плоти и духа въ предѣлахъ настоящаго Но самое сознаніе высшей своей независимости и высшаго достоинства неизмѣнно живутъ въ умѣ и сердцѣ вѣрующаго и являются непобѣдимыми двигателями ихъ воли. Ницше горитъ негодованіемъ, что „маленькіи святоша и полусумасшедшій“ смѣли противоставлять себя всей природѣ и смѣяться надъ ея законами. Но вѣдь *смѣли* же, и какъ смѣли! находили въ себѣ силу воли переносить и голодъ, холодъ, и жажду, и лишенія, и побои, и всѣ тѣ пытки истязаній, на которыя такъ изобрѣтательна людская злоба. Терпѣли, и еще радовались, и еще славили Бога и продолжали свое дѣло до послѣдняго вздоха на землѣ. Неужели послѣ этого можно не понять, что смиреніе передъ Богомъ является залогомъ истинной гордости въ отношеніи видимой стихіи міра: „не заботьтесь, что вамъ ѣсть, или пить, или во что облечься. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды... И не бойтесь убивающихъ тѣло, а больше уже не могущихъ ничего сдѣлать“... Неужели этотъ голосъ

единаго Учителя христіанъ, голосъ слабости и раболѣпства передъ землей? Не голосъ ли это дѣйствительно Нагорнаго Проповѣдника, Который видитъ, какъ все въ мірѣ мало и незначительно, если смотрѣть на это съ высоты цѣнности человѣческаго безсмертнаго духа?

Наконецъ, христіанское смиреніе и люди. Для громаднаго большинства нашихъ современниковъ среди интеллигенціи проповѣдь христіанскаго смиренія означаетъ прежде всего проповѣдь раболѣпства передъ людьми, рабской услужливости, низкопоклонства, потери чувства собственнаго достоинства и т. д.

Едва ли ошибочно будетъ сказать, что смиреніе изъ всѣхъ христіанскихъ „добродѣтелей" наиболѣе отталкиваетъ наше время отъ благоговѣйнаго преклоненія передъ Евангеліемъ. Здѣсь или отвергаютъ смиреніе, считая его не обязательнымъ признакомъ христіанина, или же отвергаютъ Евангеліе, усвояя ему характеръ какого-то приниженія человѣка, подавленія въ немъ чувства человѣческаго достоинства. И то и другое одинаково ошибочно. Что смиреніе неотдѣлимо отъ христіанства, это ясно для каждаго, кто читалъ Евангеліе и слышалъ призывъ Христа ко всѣмъ, приходящимъ къ Нему, сдѣлаться такими же кроткими и смиренными, какъ самъ Онъ. Христосъ смирилъ себя до смерти и смерти крестной, умалилъ Себя, будучи Богомъ, до рабскаго вида и черезъ этотъ путь смиренія достигъ той высоты, когда предъ Нимъ преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, всѣ народы поняли Божественность Христа, и Самъ Онъ обитаетъ не только на престолѣ съ Отцомъ, но и живетъ въ сердцѣ каждаго, приходящаго къ Богу. Но какъ образъ Христа учитъ, что смиреніе неотдѣлимо отъ исповѣдующаго себя Его послѣдователемъ, такъ этотъ же образъ говоритъ, какъ ошибочно понимается смиреніе въ наши дни. Не на образѣ Христа узнаютъ они, что такое смиреніе вѣрующаго въ Бога, но на образѣ тѣхъ волковъ въ овечьей шкурѣ, для которыхъ образъ овцы, образъ кротости и смиренія является средствомъ расхитить и погубить достояніе Божіе. Но кто на Христа посмотритъ, тотъ будетъ далекъ отъ мысли обвинять смиреніе въ искательствѣ, раболѣпствѣ, утратѣ сознанія своего достоинства. Это настолько несомнѣнно, что мнѣ представляется совершенно излишнимъ

картинами изъ земной жизни Христа доказывать, какъ чуждо Его образу все то, что по роковому для христіанскаго сознанія заблужденію несправедливо связывается съ образомъ и поведеніемъ смиреннаго Глубочайшее смиреніе передъ волей Отца и дѣлало Христа Спасителя царственно великимъ среди величайшаго униженія и поруганія со стороны людей. И это самое царственное величіе чудно гармонировало съ величайшей смиренной простотой, ласковостью и добротой въ Его общеніи съ людьми. Онъ ласкаетъ дѣтей, ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками, о высочайшихъ предметахъ вѣры бесѣдуетъ съ самарянкой, умываетъ ноги ученикамъ Своимъ и воистину всею жизнью Своею учитъ, что пришелъ на землю не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другимъ. Христосъ—родоначальникъ христіанскаго человѣчества, и всѣ дѣти Его не могутъ быть иными, какъ живущими по образу и подобію Своего Учителя. Если никому изъ людей не можетъ быть въ полной мѣрѣ свойственно то сознаніе совершенной святости въ исполненіи воли Отца, какое было присуще Христу, если каждый Его послѣдователь не можетъ не сознавать своего личнаго недостоинства и въ силу этого смиренно сознавать себя ниже своихъ братьевъ по вѣрѣ, то и это сознаніе никогда не можетъ вести къ забвенію своего Божественнаго посланничества, никогда не можетъ явиться путемъ большаго повиновенія людямъ, чѣмъ Богу, искательства и раболѣпства передъ сильными міра. Источникомъ христіанскаго смиренія въ отношеніи людей является прежде всего признаніе безусловно важнымъ и цѣннымъ только Божественной благодатной жизни, какъ она открылась міру во Христѣ и чрезъ Него сообщается міру. Передъ лицомъ такого сознанія, конечно, при искренней христіанской настроенности, не можетъ быть и рѣчи о смиреніи передъ всякаго рода выраженіемъ силы и славы въ естественномъ смыслѣ, но въ виду сознаваемой безусловной цѣнности каждой личности, какъ носителя Божія образа, и еще болѣе въ виду постояннаго сознанія того, что вся наша жизнь со всѣми ея возможными духовными дарами и преимуществами не отъ насъ, но отъ Бога. Ни одинъ христіанинъ, жившій религіозной жизнью никогда не утверждалъ, что даже самое слабое доброе движеніе воли или успѣхъ въ духовной жизни лично ему принад-

лежали, но всегда источникъ всего добраго въ себѣ относилъ къ божественной благодати. Ап. Павелъ, который не разъ говорилъ съ сознаніемъ своей правоты и плодотворности своего служенія о томъ, что онъ потрудился больше другихъ апостоловъ для дѣла Божія всегда исповѣдывалъ, что все же потрудился не онъ, „а благодать Божія, которая со мною... Благодатію Божіею есмь то, что есмь“ (1 Кор. XV, 10). И такое сознаніе неотдѣлимо отъ христіанина. Можно, конечно, вѣрить въ это или не вѣрить, но разъ такая вѣра живетъ въ сердцѣ человѣка, то несомнѣнно она всегда явится и живымъ источникомъ христіанскаго одушевленія въ сознаніи величія Божія дара, и своей миссіи на землѣ, и въ то же время смиренія, такъ какъ самому по себѣ христіанину нечѣмъ хвалиться и, напротивъ, имъ всегда живо сознается контрастъ личной немощи и силы Христовой, черезъ нее дѣйствующей (2 Кор 12, 9) Никто не будетъ отрицать, что среди христіанъ было не мало смиренія не христіанскаго, а „подпольнаго“, соединяющаго раболѣпство съ затаенной злобой и завистью и дѣйствительно отталкивающаго порою не только отъ такихъ смиренныхъ, но и отъ исповѣдуемой ими религіозности, особенно если носителями такой маски являются представители пастырства въ церкви. Но, вѣдь, рѣчь идетъ не о человѣческой гадости, а о христіанской вѣрѣ, и отличить первую отъ второй легко могъ-бы не только тонкій умъ Ницше, но и самый поверхностный наблюдатель. Христіанское смиреніе всецѣло утверждается на сознаніи обладанія великимъ даромъ Божіимъ и въ силу этого величайшей отвѣтственностью передъ Богомъ, но это же сознаніе является источникомъ чувства возможно полной свободы отъ всего случайнаго и превознесеннаго на землѣ „То, что высоко у людей, то мерзость въ очахъ Божіихъ“. Смиренію христіанина не можетъ быть ничего болѣе чуждого, какъ всякій видъ льстивости, угодливости, своекорыстной приниженности. Христіанское смиреніе—не путь угожденія людямъ, но путь освобожденія отъ всякой тревоги и безпокойства въ обычномъ „мірскомъ“ смыслѣ, высшаго христіанскаго довольства всякой личной своей судьбой, но не въ силу недостатка мужества или высшихъ запросовъ духа, но въ силу сознанія того, чѣмъ обладаетъ христіанинъ въ Божественной благодати, какъ высшей, несравнимой ни

съ чѣмъ цѣнности. Чѣмъ немощнѣе и недостойнѣе сознаетъ себя христіанинъ, тѣмъ больше цѣнитъ онъ даръ Божественной благодати и тѣмъ меньше онъ способенъ быть рабомъ міра. Это и есть законъ того царственнаго величія, до котораго всегда и непремѣнно поднимается истинно смиренный въ своей свободѣ отъ всѣхъ цѣпей жизни. Смиреніе Христа дѣлало то, что Онъ не искалъ Своей славы на землѣ, не хотѣлъ никакихъ преимуществъ въ земномъ смыслѣ, не имѣлъ даже пристанища и не стыдился жить чужимъ подаяніемъ, и однако не было на землѣ образа большей духовной высоты.

Итакъ, я думаю, что нападки Ницше на христіанское смиреніе, какъ нѣчто, принижающее личность, дѣлающее ее льстиво покорной и раболѣпной, эти нападки глубоко несправедливы и если могутъ опираться на что-либо реальное, такъ только имѣя въ виду то пошлое наряживаніе въ мантію христіанской добродѣтели человѣческой низости и гадости, ниже которой и опуститься не можетъ человѣкъ, когда оно предаетъ Бога своего ради раболѣпнаго служенія другимъ богамъ, такъ какъ въ наше время, какъ и всегда „есть много боговъ и господъ много“ (1 Кор. 8, 5).

О прощеніи и покаяніи христіанскомъ ограничусь лишь краткими замѣчаніями.

Ницше думаетъ, что прощеніе—удѣлъ слабаго и разочарованнаго въ жизни [1]), что его источникъ въ сознаніи своего безсилія и пассивнаго отношенія къ жизни, когда „неспособность отмстить за себя называютъ нежеланіемъ мстить и даже больше того, прощеніемъ. Говорятъ и о любви къ своему врагу“... Какое значеніе усвояется прощенію въ христіанствѣ, едва ли нужно и говорить Самое спасеніе христіанина поставляется въ прямую связь съ его способностью и готовностью прощать отъ всего сердца своему согрѣшившему брату (Мѳ. 19, 35). Но источникъ этой способности и готовности прощать заключается, какъ ясно для каждаго, читавшаго Евангеліе, не въ бѣдности, но въ полнотѣ и богатствѣ духа прощающаго. Ницше глубоко правъ, что въ обычныхъ условіяхъ всегда выгоднѣе обижать, чѣмъ прощать. „Гораздо пріятнѣе обижать и потомъ просить про-

---

[1]) „Воля къ власти“, т. IX, стр. 53.

щенія, чѣмъ быть обиженнымъ и даровать прощеніе Тотъ, кто дѣлаетъ первое, даетъ знакъ своего могущества, а позднѣе—доброты своего характера. Обиженный, если онъ не хочетъ прослыть негуманнымъ, долженъ простить [1]). Благодаря этой вынужденности, наслажденіе униженіемъ обидчика не велико[2])". Если бы критеріемъ цѣнности христіанскаго поведенія былъ принципъ полезности, то Ницше, несомнѣнно, былъ бы правъ. Но нигдѣ съ такою ясностью не обнаруживается внутреннее богатство христіанской личности какъ именно въ фактѣ прощенія, когда послѣднее истекаетъ изъ переполняющей сердце любви обиженнаго, любви, питаемой двумя одинаковой силы источниками: сознанія своего безмѣрнаго богатства въ Богѣ и не менѣе искренняго смиренія передъ людьми. Первое, какъ я недавно пояснилъ, есть богатство божественной благодатью въ сознаніи своей возлюбленности Богомъ. Когда апостолъ наставляетъ: „прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ". (Еф. IV, 32), то онъ обращается не къ чувству разслабленнаго духа, безсильнаго мстить, но къ тому богатству дара духовнаго, обладателемъ какого сознаетъ себя христіанинъ. Притча Спасителя поясняетъ это низокъ душою тотъ, кто зная, какъ много ему прощено, неспособенъ къ великодушію въ отношеніи согрѣшившаго противъ него брата (Мѳ. глава 18). И насколько обширно сердце христіанина, сознающаго себя вѣтвью прощающей любви Небеснаго Отца, ясно показалъ завѣтъ Христа о прощеніи не семь, а седмижды семьдесятъ разъ (Мѳ. 18, 21, 22),—завѣтъ, выводящій законъ прощенія изъ всякаго ограниченія числомъ и мѣрой, т. е. предполагающій безмѣрное богатство духовнаго содержанія христіанской жизни. Опытъ повседневной жизни наглядно говоритъ, что простить отъ сердца—свойственно прежде всего человѣку съ сильной и благородной душой Тотъ же опытъ постоянно показываетъ, какъ легко прощать въ минуту извѣстнаго подъема самочувствія, въ минуту большой радости, удачи. Даже въ обычай общенародной жизни вошло даровать прощеніе преступникамъ противъ закона въ особенно важныя мгновенія народной

---

[1]) Т. IX, стр. 124, „Происх морали", § 14.

[2]) „Человѣч. сл. человѣч.". § 348, т. III Моск. книгоизд., стр. 218.

жизни, въ періодъ ея наивысшаго подъема или переживанія воспоминаній былого величія.

Въ обычной жизни это лишь мгновенія, свидѣтельствующія, однако, о томъ, что прощеніе—удѣлъ полнаго и радостнаго сердца, а не дѣло слабаго и вялаго духа. Въ христіанской же жизни такое богатство души не случайное переживаніе, а прочное настроеніе, питаемое не только, какъ я сказалъ, сознаніемъ полноты своей жизни въ Богѣ, но и смиренной любовью къ людямъ. Для такой любви не только невозможно превозношеніе передъ братомъ своими достоинствами, но и враждебное отношеніе къ самому врагу въ силу того внутренняго единенія, устанавливаемаго между людьми любовью, по которому каждый любящій чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за самый грѣхъ людей, участникомъ вины согрѣшившаго. Если Ницше представляется нелѣпостью говорить о любви ко врагамъ, то другому великому психологу, согласно съ Евангельскимъ словомъ о любви ко врагамъ, представляется именно эта способность прощать и любить согрѣшившаго высшей формой земной любви, уподобляющей человѣка Богу. „Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ.. Да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи.. Одно спасеніе тутъ. возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то тотчасъ же увидишь, что оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ, и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ“... Какъ видимъ, противоположность въ пониманіи начала любви ко врагамъ между Ницше и Достоевскимъ полное. Для перваго только безсиліе можетъ симулировать такую любовь; для второго эта любовь можетъ явиться лишь проявленіемъ богатаго любовью сердца до уподобленія въ этомъ Богу. И дѣйствительно, таково христіанское понятіе о Богѣ. Высота Божественной любви обнаруживается именно въ томъ, что Богъ возлюбилъ людей, когда они еще были грѣшниками (Рим. 5, 8), возлюбилъ и простилъ во Христѣ (Еф. 4, 32). И эта любовь олицетворилась въ образѣ Іисуса Христа, какъ Агнца, взявшаго на Себя грѣхи міра (Іо. 1, 29). Великая любовь къ человѣку Бога не могла умереть въ тѣ

мгновенія, когда человѣкъ согрѣшилъ и сдѣлался врагомъ Божіимъ черезъ это. Святой Богъ не могъ сдѣлаться участникомъ грѣха человѣческаго, но Онъ въ любви Своей становится отвѣтчикомъ за грѣхъ любимаго передъ Высшей Правдой. И молитва Христа, и кровавый потъ Безгрѣшнаго въ саду Геѳсиманскомъ лучше всего говорятъ о томъ тяжкомъ бремени чужихъ грѣховъ, которое всегда несетъ всякая искренняя любовь Только при такой любви вѣрующій во Христа становится причастникомъ Его жизни, вѣтвью Божественной Лозы; и только въ такой любви душа человѣка поднимается до сознанія своего участія въ великой искупительной миссіи Христа. Величайшее смиреніе наполняетъ душу человѣка въ то мгновеніе, когда онъ сознаетъ, что грѣхъ ближняго—его грѣхъ, и въ этомъ смиренномъ сознаніи прощеніе согрѣшающему оказывается уже путемъ къ облегченію души, снятію съ нея тяжелаго бремени. Это прощеніе одна изъ тѣхъ жертвъ любви, которыя не только не отражаются ущербомъ на душевной жизни любящаго, но питаютъ ее, расширяя сферу любящаго общенія человѣка съ окружающимъ міромъ до безконечности.

Покаяніе не одному Ницше кажется тяжелымъ бременемъ, лежащимъ на совѣсти человѣка и ведущимъ за собою разслабленіе воли и пассивное отношеніе къ жизни. Я не буду останавливаться на разборѣ взглядовъ Ницше на происхожденіе совѣсти, чувства вины и нравственной отвѣтственности [1]). Новаго тутъ онъ ничего не сказалъ сравнительно съ представителями позитивной морали, если не считать новымъ крайнюю легкость выводовъ и утвержденій Ницше. Я поставлю лишь вопросъ о цѣнности покаянія, какъ настроенія души, въ виду лежащей передъ каждымъ человѣкомъ задачи творить жизнь, дѣлать въ ней свое дѣло энергично, бодро, радостно. Если христіанское покаяніе понимать такъ, какъ нерѣдко оно понималось и глубокомысленными философами [2]), которые въ покаяніи видѣли лишь „слезливое обозрѣваніе прошлаго“, то, разумѣется, трудно было бы оправдывать покаяніе съ точки зрѣнія его активнаго значенія въ жизни вѣрующаго Но ничего болѣе чуждаго

---

[1]) См. „Происхожденіе морали“.

[2]) Напр., Б. Спинозой.

понятію христіанскаго покаянія и представить себѣ нельзя, какъ такое его истолкованіе. Та благая вѣсть, которая принесена въ міръ пришествіемъ Іисуса Христа и вѣрой въ Него, прежде всего есть радостная вѣсть о прощеніи грѣховъ человѣку и примиреніи его съ Богомъ. Во Христѣ человѣкъ прощенъ Богомъ (Еф. 4, 32; Кол. 3, 13) и постоянно прощается (1 Іо 2, 1—2), благодаря чему христіанинъ является усыновленнымъ Богу (1 Іо, 3, 2; Рим. 8, 16) дерзновенно обращается къ Нему, какъ Отцу своему (Рим. VIII, 12; Гал 4, 6) и сознаетъ себя не какимъ-то отверженнымъ грѣшникомъ, но храмомъ Духа Святого (1 Кор. 3, 16; 6, 19), святымъ по дару прощающей Божественной благодати. Этому слезливому обозрѣванію прошлаго противорѣчитъ весь духъ Евангельской проповѣди. „Никто—говоритъ Господь—возложившій руку на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царства Божія“ (Лк., IX, 62). Это относится одинаково и къ привязанностямъ мірской жизни, къ ея славѣ и утѣхамъ, такъ и къ мнимо-покаянному обозрѣванію прошлаго. Ап. Павелъ, напримѣръ, вспоминая ту пору жизни, когда онъ являлся гонителемъ церкви, не вопитъ о себѣ, какъ великомъ грѣшникѣ, но славитъ величіе прощающей благодати Христа и съ воодушевленіемъ говоритъ о тѣхъ трудахъ, какія понесъ ради Христа на землѣ, „хвалится“ ими и ждетъ за нихъ „вѣнца правды“ (Гал. гл. 1—2; 2 Тим. 4, 8 и мн. др.). И живая вѣра неотдѣлима отъ такого радостнаго сознанія реальнаго прощенія грѣховъ Іисусомъ Христомъ, ради Его крови. Это настроеніе постоянно укрѣпляется въ вѣрующихъ и практикою покаянія въ таинствѣ исповѣди, признаваемомъ каѳолическимъ Востокомъ и Западомъ. Итакъ, покаяніе предметомъ своего созерцанія имѣетъ не безплодное обозрѣваніе прошлаго [1]), но настоящее и будущее. Сознавая себя прощеннымъ, возлюбленнымъ и усыновленнымъ Богомъ, христіанинъ можетъ скорбѣть только отъ одного сознанія своего недостоинства въ настоящемъ этой безмѣрной любви Божіей, когда сравниваетъ путь своей жизни съ тѣмъ царственнымъ путемъ въ жизнь, какой открытъ міру Христомъ. Покаяніе христіанина питается жи-

[1]) Ницше съ большою силой поэтическаго одушевленія указалъ на этотъ безплодныи „скрежетъ зубовный“ воли, когда она сознаетъ свое безсиліе возвратить или измѣнить прошлое. (Такъ гов. Зар., 121—122 стр.).

вымъ сознаніемъ контраста своей жизни съ идеаломъ жизни во Христѣ, постояннымъ томленіемъ по лучшему и совершеннѣйшему, чистой радостью въ сознаніи гармоніи своей жизни съ завѣтами Христа, глубокой скорбью въ случаѣ ихъ разлада. Но такое сознаніе и является всегда необходимо побужденіемъ къ болѣе совершенной жизни, къ болѣе чистой, къ болѣе дѣятельной.

Если сознаніе своего недостоинства, по сравненію съ святымъ путемъ жизни по заповѣдямъ Христа, всегда служитъ основой непреклонной внутренней борьбы съ искушающимъ зломъ, то сознаніе неосуществленности завѣтовъ Христа въ жизни всего міра служитъ наиболѣе живымъ и могучимъ стимуломъ для этой энергичной, самоотверженной и неустанной дѣятельности въ служеніи міру, проповѣди вѣры Христовой, вообще въ служеніи дѣлу водворенія на землѣ Царства Христова и правды Его Покаянное настроеніе—это всегдашнее созерцаніе пути свѣта и жизни, сравненіе съ которымъ своего жизненнаго пути должно отражаться въ жизни, воли неустаннымъ стремленіемъ къ лучшей и совершеннѣйшей жизни. Всѣ проповѣдники начинали свою проповѣдь съ призыва покаяться, т. е. передумать свою жизнь переоцѣнить ея цѣнности, оставить худшее и избрать лучшее. Самъ Ницше не только не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія въ средѣ другихъ проповѣдниковъ новыхъ путей жизни, но, напротивъ, вся его проповѣдь есть призывъ къ покаянію въ совершенномъ осужденіи тѣхъ путей, какими шло и идетъ современное человѣчество, и въ призывѣ вступить на новый путь свѣтлой и радостной жизни въ стремленіи къ сверхчеловѣку. Разница въ содержаніи проповѣди покаянія въ Евангеліи и у Ницше, конечно, неизмѣримо большая, цѣлая пропасть ихъ раздѣляетъ. Но призывъ къ покаянію громко звучитъ почти въ каждомъ наставленіи Ницше И даже въ христіанскомъ сознаніи своей грѣховности Ницше сумѣлъ усмотрѣть, несмотря на всю свою враждебную предубѣжденность, начало, двигающее волю на путь одухотворенной жизни, хотя, разумѣется, не призналъ такого возбуждающаго начала спасительнымъ въ человѣческой жизни [1]). Но и для самого Ницше не осталось,

---

[1]) „Челов., сл. челов." § 141 стр 114—115

такимъ образомъ, скрытымъ то активное начало, которое неразрывно связано съ христіанскимъ покаяніемъ. И дѣйствительно, послѣднее всегда есть дверь, открывающая путь въ Царство Христово. По направленію къ послѣднему всегда шли впереди мытари, блудницы, грѣшные и нищіе духомъ, потому что только сознаніе лжи и ошибочности прежнихъ путей своей жизни и своего несовершенства въ настоящемъ можетъ окрылять душу живымъ стремленіемъ искать, домогаться лучшаго, великими усиліями нудить Царство Божіе и входить въ него путемъ узкимъ и труднымъ

Мнѣ кажется, я отмѣтилъ всѣ тѣ стороны христіанскаго, аскетическаго идеала, которыя осуждаетъ Ницше и которымъ противополагаетъ образъ своего сверхъчеловѣка. Остается мнѣ только сказать о той внутренней цѣли христіанскаго аскетизма, которая, какъ мы видѣли, состоитъ по Ницше, въ совершенномъ подавленіи въ человѣкѣ природнаго начала. Ницше вполнѣ справедливо думаетъ, что „вырывать съ корнемъ“ наши страсти и желанія значитъ вырывать съ корнемъ и самую жизнь[1]). И Ницше думаетъ, что при образованіи идеаловъ нужно намъ не отказываться отъ своихъ страстей, но стремиться искать для нихъ возвышенную форму[2]), создать такой союзъ страсти съ духомъ, при которомъ жизнь одухотворяется[3]). Если бы эта мысль не принадлежала Ницше, то можно было бы принять высказанное Ницше за весьма удачное опредѣленіе цѣли именно христіанскаго аскетизма. Когда Ницше характеризуетъ аскетическій идеалъ, то онъ въ одно общее сливаетъ и Евангеліе, и Шопенгауэра, и какихъ-то „чудовищъ древности“ Благодаря этому Ницше договаривается до того, что все природное считаетъ отрицаемымъ христіанствомъ[4]), совершенно забывъ, что природное для христіанина вовсе не какое-то трагическое заблужденіе слѣпой воли Шопенгауэра, но твореніе самого же христіанскаго Бога. Объ этомъ я уже говорилъ ранѣе и здѣсь лишь примѣню сказанное къ природному

---

[1]) „Нравственность, какъ противоестеств. явленіе“, § 1, т. 6, стр. 79, изд. Клюкина

[2]) Т. III, стр. 237 изд. Клюкина.

[3]) Т. VI, стр. 79.

[4]) Антихристъ, §

состоянію самого человѣка къ сферѣ его желаній, страстей и чувствованій.

Ницше вполнѣ правъ, что для современнаго психолога ясна связь между волей и сферой чувствованій человѣка, Но эта связь неизмѣримо ранѣе была ясна для Евангелія и для учителей христіанства въ мірѣ, и не только ясна, но именно Евангеліе положило въ основу человѣческихъ отношеній живое естественное чувство любви, и при томъ любви во всѣхъ ея человѣческихъ проявленіяхъ. Величайшая любовь къ Богу образомъ своимъ имѣетъ любовь дитяти къ отцу, когда всѣ люди разсматриваются какъ братья, дѣти одного Небеснаго Отца. Любовь мужа и жены въ христіанствѣ не только освящается, но по своей важности для жизни и святости возводится, какъ къ первообразу, къ любви Христа и Церкви Дружба, какъ преимущественное влеченіе къ отдѣльнымъ людямъ также освящена Евангеліемъ, которое говоритъ о друзьяхъ Господа[1]) на землѣ. Совершеннѣйшая любовь на землѣ и гнѣваетса[2]) и радуется[3]), и плачетъ[4]) и вообще нѣтъ ни одного естественнаго чувства, возникающаго въ человѣческомъ сердцѣ безъ противорѣчія основному чувству любви къ Богу и людямъ, которое бы осуждалось христіанствомъ или относительно котораго давался бы совѣтъ умерщвлять его. Нерѣдко и христіанскій аскетизмъ разсматривался подъ такимъ угломъ зрѣнія, то есть какъ путь умерщвленія естественныхъ чувствъ и желаній человѣческаго сердца, разсматривался не только Шопенгауэромъ, но и представителями односторонне аскетическаго направленія самой христіанской мысли. Но односторонность эта ясно обнаруживается всѣмъ Евангеліемъ и самымъ назначеніемъ христіанства въ мірѣ. Высочайшія стороны христіанскаго ученія, всѣ тайны Царства Божія, всѣ онѣ въ Евангеліи уясняются путемъ такихъ аналогій съ жизнью природы и человѣка, которыя не допускаютъ и мысли объ осудительномъ отношеніи къ міру природной жизни Евангелія. Достаточно вспомнить ученіе Господа и апостоловъ о возрожденіи и рожденіи въ новую жизнь, о причаще-

---

1) Напр. Іо., XV, 14—15; Лк., 12, 4, и Іо., XI, 11

2) Напр., Мрк., 3, 5.

3) Рим., 12, 15.

4) Напр. Лк. 19, 41

ніи Тѣла и Крови Христовыхъ, какъ залогѣ вѣчной жизни, о крещеніи водою и Духомъ, о человѣчествѣ и Богѣ, какъ о любящей семьѣ, о талантахъ, означающихъ богодарованныя способности человѣка, о сѣмени, полевыхъ лиліяхъ, горчичномъ и смоковничномъ деревѣ, о птицахъ, о дѣтяхъ... Не такимъ языкомъ говорила бы обо всѣхъ этихъ предметахъ та книга, которая проповѣдовала бы осужденіе и отрицаніе міра. Напротивъ, въ словахъ Господа всюду звучитъ голосъ Творца міра, радующагося Своему творенію, полный горячимъ призывомъ людей къ чистой радости въ жизни любви, къ жизни простой и естественной, близкой къ землѣ, не чуждой ея радостямъ. Евангеліе, конечно, знаетъ и постъ, и уединеніе, и борьбу съ самимъ собою, но все это не какъ пути умерщвленія природныхъ влеченій, а какъ средство воспитанія духа для святой и богоугодной жизни въ мірѣ. Ап. Павелъ первый употребляетъ понятіе „аскетизмъ", когда сравниваетъ жизнь христіанъ въ этомъ мірѣ съ „бѣгущими на ристалищѣ" [1]) и подвизающимися для того, чтобы успѣшно достигать поставленной цѣли. Самъ Ницше признаетъ, какъ мы видимъ, полную законность и естественность такого аскетизма. И христіанскій аскетизмъ является именно прежде всего школой воспитанія цѣльной человѣческой личности, укрѣпленія воли, облагораживанія чувствованій, очищенія мысли. Эта трудная школа дисциплины духа, трудная въ силу той высокой цѣли, какую ставитъ себѣ христіанство въ мірѣ—быть проводникомъ въ сферу послѣдняго началъ жизни Божьяго Царства. Это можетъ быть достигнуто не отсѣченіемъ церкви отъ міра и не умерщвленіемъ нашихъ естественныхъ чувствъ и стремленій, но именно тѣмъ путемъ, какой предносился самому Ницше—путемъ сообщенія самимъ страстямъ и желаніямъ возвышенной и благородной формы. Христіанство не говоритъ человѣку, что онъ не долженъ жениться или выходить замужъ, но что долженъ имѣть одну жену и одного мужа и быть одно вдвоемъ, по силѣ и полнотѣ чувства любви. Христіанство не говоритъ, что человѣкъ не долженъ ѣсть или пить, но что все это нужно дѣлать во славу Божію, [2]) т. е. согласно съ

[1]) 1 Кор. 9, 24.
[2]) Кор. 10, 31.

законами Христа о любви къ людямъ, и о первенствѣ духовныхъ запросовъ нашего существа. Христіанство не говоритъ, что человѣкъ не долженъ стремиться къ познанію, красотѣ, блаженству, но все это оно возводитъ до первоисточника ихъ въ Богѣ, т. е. сообщаетъ самую возвышенную форму нашимъ духовнымъ стремленіямъ. Правда, есть въ Евангеліи и апостольскихъ писаніяхъ одинъ пунктъ, поражающій своею видимой суровостью — это пунктъ о необходимости смерти для жизни [1]), долгѣ умерщвлять своего плотскаго человѣка съ его страстями и похотьми [2]), и сораспинаться Христу для участія въ Его славѣ и Его жизни [3]). Это все образы поражающей силы и выразительности, и никакъ нельзя этой силы умалять. Я уже имѣлъ поводъ подробно говорить о совмѣстимости всеобъемлющей по исключительности любви къ Богу въ христіанствѣ съ любовью къ людямъ [4]). Здѣсь я не буду повторять сказаннаго однажды, но ограничусь указаніемъ на ту существенную сторону въ этомъ ученіи Новаго Завѣта о долгѣ умерщвлять своего ветхаго человѣка, которая уже нѣсколько уяснена предшествующею рѣчью о тайнѣ рожденія въ новую жизнь. Для того, чтобы родиться въ новую жизнь, нужно умереть для прежней. Для того, кто сознаетъ себя во Христѣ новой тварью, невозможно жить по тѣмъ началамъ и законамъ, по какимъ протекала его жизнь до познанія Христа Если мы говоримъ о возрожденіи человѣка и человѣчества во Христѣ и не играемъ при этомъ словами, то ясно исповѣдуемъ свою вѣру въ новую жизнь во Христѣ, отрицающую жизнь внѣ Христа. Нужно „возненавидѣть“ эту прежнюю жизнь, отречься отъ нея совершенно, чтобы жить новой жизнью. Въ этомъ фактѣ отреченія отъ прежней жизни, сознательной смерти для нея ради жизни въ Богѣ безспорно выступаетъ со всею яркостью противоположность и несовмѣстимость двухъ жизней—мірской и въ Богѣ, міра и Бога. Но эта противоположность условная: новая жизнь для христіанина не есть жизнь въ другомъ мірѣ и не есть отрицаніе условій естественной жизни, но есть жизнь въ этомъ же

---

1) Лк. 17, 31, Іо. 12, 25 и др.

2) Рим., 8, 13; Кол. 3, 5.

3) Гал., 2, 19; 5, 24, 6, 14; Рим., 6, 6 и др.

4) „Евангеліе и общественная жизнь“

мірѣ по новымъ законамъ Божьяго Царства. Когда Господь молилъ Своего Небеснаго Отца о сохраненіи Своихъ учениковъ, то говорилъ: „Я не прошу, чтобъ Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла. Какъ Ты Меня послалъ въ міръ, и ихъ Я посылаю въ міръ". То, что опредѣлено Господомъ относительно избранныхъ Имъ учениковъ, это самое опредѣлено Имъ и для всей церкви вѣрующихъ въ Него. Церковь эта призвана войти въ жизнь міра и освѣтитъ, переродить эту жизнь. Христіанинъ, ради любви къ Богу, любви все превышающей, отрекается совершенно отъ міра и всѣхъ его привязанностей, забываетъ землю и все, что на ней, умираетъ для этой жизни въ своемъ сознаніи и волѣ, но не для того, чтобы погрузиться въ Нирвану или какое-то таинственное бытіе, но чтобъ въ Богѣ найти источникъ новой жизни и новой любви къ этому же міру и въ этомъ же мірѣ. Объ этомъ я уже говорилъ, и если вспомнилъ теперь, то лишь для того, чтобъ уяснить глубокій образъ новозавѣтнаго Откровенія о необходимости смерти и умерщвленія грѣховныхъ стремленій для новой жизни и возрастанія въ ней. Мистически эта смерть и возрожденіе совершается въ таинствѣ крещенія, какъ началѣ новой жизни, и таинствѣ покаянія, какъ пути исцѣленія болѣзней души, отъ чего несвободно ни одно ограниченное существо. А психологически—это то настроеніе искренняго покаянія, когда человѣкъ оставляетъ въ сознаніи и намѣреніи воли путь прежней жизни и вступаетъ на новый. И міръ, и небо, и земля, и страсти, и влеченія и вся природа остаются тѣ же у человѣка, но все это получаетъ новое значеніе, все переоцѣнивается человѣкомъ и составляетъ особое Царство жизни, подобно тому, какъ одинаковый химическій составъ можетъ образовать и предметъ неодушевленный и явиться въ видѣ живого организма. Христіанство и есть начало новаго царства жизни во Христѣ, по сравненію съ которой обычная жизнь есть царство смерти, а не жизни. Эта новая жизнь слагается изъ тѣхъ же элементовъ изъ какихъ слагается жизнь „мірская", но эти элементы одушевлены новымъ животворящимъ началомъ, которое есть благодать Духа Святого. Эта благодать, повторяю, не уничтожаетъ природныхъ способностей, дарованій, различій человѣка, какъ не уничтожаетъ она общечеловѣческихъ

страстей и желаній. Но все это въ новой жизни поставляется передъ лицомъ новой оцѣнки жизни по сравненію съ типомъ жизни истинной во Христѣ. Съ этой точки зрѣнія аскетизмъ христіанскій есть не угнетеніе природнаго начала, но культура его въ направленіи согласованія мыслей, чувствованій и стремленій человѣка съ содержаніемъ жизни самого Христа, съ Его завѣтами, съ Его планами жизни. Въ этомъ процессѣ подражанія Христу нѣтъ никакого залога насилія надъ своею природой для истинно вѣрующаго, признающаго гибельность того пути, какимъ шло человѣчество до Христа и свѣтомъ и радостью путь Христовъ въ мірѣ. Такъ какъ здѣсь мы вступаемъ въ сферу свободноличнаго отношенія вѣрующаго къ своему Богу, то должны быть готовыми встрѣтить самое различное пониманіе задачи своей жизни въ мірѣ и, частнѣе, задачи аскетическаго самовоспитанія для жизни въ Богѣ. Здѣсь, дѣйствительно, возможны такія одностороннія крайности, какъ превращеніе аскетическихъ подвиговъ изъ пути или средства къ совершенству, въ самую цѣль жизни. Но ошибочность такого смѣшенія пути и цѣли всегда была ясна для церковнаго сознанія. Мысль же о подражаніи Христу, какъ пути оклеветанія жизни и умерщвленія естественныхъ способностей человѣка всецѣло отрицается самымъ образомъ Христа и Его ученіемъ. Объ этомъ я уже говорилъ, сейчасъ же въ заключеніе позволю себѣ обратить вниманіе лишь на одинъ приточный образъ Спасителя, именно на видимую жестокость суда господина надъ рабомъ, получившимъ одинъ талантъ, спрятавшимъ его до времени и возвратившимъ въ сохранности господину. (Мѳ. XXV гл.). Вся вина этого человѣка была только въ бездѣятельности, въ боязни труда и риска. И однако ему опредѣляется самое строгое наказаніе: „возьмите у него талантъ, и дайте имѣющему десять талантовъ... А негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ“ (ст. 28—30). Приговоръ этотъ можетъ показаться непонятно суровымъ, но онъ является естественнымъ выраженіемъ законовъ возрастанія въ мірѣ Божьяго Царства, содѣйствовать которому призваны люди. Не умерщвлять нужно для этого дѣла и его успѣха свои естественныя силы и способности, чтобы избѣжать соблазновъ міра и борьбы съ ними изъ-за страха передъ отвѣ-

томъ Богу на судѣ Его, но нужно всѣ силы, всю душу и все свое разумѣніе отдать тому, чтобы творить дѣло Божіе въ мірѣ, преобразовывать всѣ стороны мірской жизни и добытое въ жизни путемъ всѣхъ своихъ естественныхъ силъ и способностей, приносить Богу на Его милостивый судъ. Такъ, не угнетеніе жизни есть путь, ведущій въ Царство, но возможная полнота этой жизни, ея развитіе, ея совершенствованіе Христіанская культура тѣла и души есть, безспорно, культура существенно отличная отъ дохристіанской, но все же это есть именно культура, т. е. планомѣрный путь развитія въ опредѣленномъ направленіи всѣхъ сторонъ человѣческой жизни. Христіанство не опредѣляетъ внѣшнихъ формъ человѣческой жизни, какъ личной, такъ и общественной, но оно указываетъ высшія руководящія начала этой жизни, предъ лицомъ которыхъ онѣ должны протекать. И эти начала не только безмѣрно чисты и высоки, но и глубоко жизненны, они требуютъ отъ человѣка для своего осуществленія всесторонней культуры личности и общества. Разсматривать вопросъ объ отношеніи христіанства и культуры было бы здѣсь, конечно, неумѣстно уже по одному тому, что такой вопросъ въ полномъ объемѣ и не ставится Ницше. Но отдѣльныя замѣчанія по этому вопросу въ связи съ нападками Ницше, сдѣлать необходимо и прежде всего по поводу отношенія христіанства къ интеллектуальной культурѣ, той „ненависти къ уму“ [1]) со стороны христіанства, о которой постоянно говоритъ Ницше.

Хорошо извѣстно, какъ неопредѣленно и противорѣчиво отношеніе самого Ницше къ разуму. При всей этой противорѣчивости, у Ницше, какъ послѣдовательнаго скептика, преобладаетъ крайне отрицательное отношеніе къ уму и познанію. Если послѣднее, какъ процессъ, порою представляется Ницше очень цѣннымъ въ человѣческой жизни, то вообще сужденія Ницше объ истинѣ и разумѣ не менѣе парадоксально-отрицательны, чѣмъ его сужденія о добрѣ и совѣсти. Но въ одномъ лишь случаѣ Ницше со всею рѣшительностью и горячностью беретъ подъ свою защиту нашъ разумъ, когда защищаетъ его отъ мнимой ненависти къ нему въ христіанствѣ. Здѣсь онъ выступаетъ убѣжденнымъ

[1]) Antichrist § 21.

защитникомъ правъ разума и его свѣтлаго значенія въ жизни, а христіанство изображается культомъ невѣжества и вражды къ просвѣщенію. Самое начало вѣры представляется Ницше отрицаніемъ естественныхъ путей познаванія нашимъ разумомъ. „Если—говоритъ онъ—прежде всего необходима вѣра, то разумъ, познаніе, изслѣдованіе необходимо дискредитируются: путь къ истинѣ дѣлается запрещеннымъ путемъ“ [1]). Христіанство уже въ силу этого должно было стать во враждебныя отношенія къ „мудрости міра“, къ наукѣ. Самъ Богъ христіанскій въ ученіи Павла „позоритъ мудрость міра“. Наука не только является запрещенной, но это п е р в ы й грѣхъ, зерно всѣхъ грѣховъ. Только это одно и есть мораль. „Ты н е долженъ познавать“, остальное все вытекаетъ изъ этого“ [2]). „Христіанство стоитъ въ противорѣчіи со всякой духовной удачливостью, оно нуждается только въ больномъ разумѣ, какъ христіанскомъ разумѣ, оно беретъ сторону всякаго скудоумія... Всѣ прямые, честные, научные пути къ познанію д о л ж н ы быть также отвергаемы Церковью какъ пути запрещенные. Сомнѣніе есть уже грѣхъ... Вѣрой называется нежеланіе знать истину“ [3]). Особенное вниманіе и не разъ Ницше останавливаетъ на словахъ апостола Павла 1 Кор. I, 20—29 ст. и въ этихъ словахъ видитъ неопровержимое доказательство ненависти христіанства къ уму и враждебности его къ образованію, культурѣ ума.

Я не буду говорить объ отношеніи религіи и науки вообще, равно какъ и объ отношеніи къ наукѣ христіанства. По этому вопросу написано множество спеціальныхъ изслѣдованій, и даже цѣлыя книги посвящаются вопросу о совмѣстимости въ лицѣ выдающихся ученыхъ и писателей глубокаго научнаго образованія, величайшихъ умственныхъ дарованій и искренней религіозности. Я останусь въ границахъ высказаннаго Ницше, для котораго и самая наука вовсе не представляла какой-либо достойной уваженія области, и останавлюсь на дѣйствительно поражающемъ ученіи Новаго Завѣта о противоположности мудрости Божіей и мудрости міра. Къ пониманію ученія Новаго Завѣта объ

---

1) Antichrist, § 23, перев. Флеровои

2) § 47—48.

3) Ibid, 52.

этой противоположности мы уже подготовлены предшествующею рѣчью о противоположности Царства Божія и міра. Тамъ мы видѣли, что эта противоположность устраняется не оклеветаніемъ міра и не отрицаніемъ его, но дарованіемъ міру начала новой благодатной жизни и ученія, призванныхъ преобразовать царство этого міра въ царство Божіе. Подобно этому нужно сказать и относительно противоположенія мудрости міра Божіей мудрости. Это противоположеніе проведено въ Новомъ Завѣтѣ со всею яркостью и силою. Вотъ прежде всего что говоритъ апостолъ Павелъ въ тѣхъ словахъ, которыя наиболѣе поразили Ницше. „Христосъ послалъ меня... благовѣствовать, не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ сила Божія. Ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.. Мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для эллиновъ безуміе... Богъ избралъ немудрое міра, чтобъ посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра, и уничиженное, и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“ (1 Кор. 1, 17—29). И эта мысль неоднократно подчеркивается во всемъ ученіи апостола Павла. „Если—съ силою говоритъ онъ—кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ“ (1 Кор. 3, 18—19). И множество разъ апостолъ противоставляетъ мудрость человѣческую мудрости Божіей (1 Кор. II, 1, 4, 5, 13; 2 Кор. 1, 12; 1 Кор. 4, 6 и др.).

Подобно ап. Павлу и ап. Іаковъ противополагаетъ мудрости, нисходящей свыше, мудрость земную (Іак. 3, 15), и вообще ученіе ап. Павла по этому вопросу, несмотря на исключительную рѣзкость выраженія, находится въ совершенной гармоніи со всѣмъ новозавѣтнымъ міропониманіемъ, съ самымъ содержаніемъ христіанской проповѣди. „Душев-

ный человѣкъ—т. е. не вѣрующій во Христа, не возрожденный божественной благодатью—не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ (1 Кор 2, 14). Когда Іисусъ Христосъ выступилъ на Свое общественное служеніе, то о Немъ говорили: „Онъ вышелъ изъ Себя“ (Мар. 3, 2). Когда ап. Павелъ проповѣдывалъ въ Аѳинахъ передъ мудрецами о воскресеніи, смѣялись надъ нимъ (Дѣян. 17, 32), а когда Фестъ услыхалъ проповѣдь того же Павла о воскресеніи Христовомъ, то не могъ спокойно слушать и закричалъ: безумствуешь ты, Павелъ (Дѣян., 26, 24). Одинаково несомнѣнно, что какъ мудрость міра въ пониманіи имъ смысла человѣческой жизни и сущности бытія была безуміемъ съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о жизни, такъ и обратно, послѣднее должно было казаться безуміемъ для обычнаго человѣческаго сужденія о жизненныхъ цѣнностяхъ. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не безуміемъ могли звучать слова Христа о томъ, что нужно вновь родиться, чтобы войти въ Царство Божіе, что нужно ѣсть плоть и пить кровь Его, чтобъ жить вѣчно, что нужно погубить жизнь свою въ мірѣ, чтобы вновь ее найти, что Царство принадлежитъ нищимъ, плачущимъ, изгнаннымъ, что истлѣвшее тѣло снова оживетъ, и что самъ Онъ воскреснетъ на третій день по смерти? Такимъ же безуміемъ была проповѣдь всѣхъ учениковъ Христа объ Единородномъ Божіемъ Сынѣ, сдѣлавшемся человѣкомъ и умершемъ на крестѣ; о безсмертномъ человѣческомъ духѣ и воскресеніи тѣла; о Царствѣ Божіемъ, какъ не о брашнѣ и питіи, но любви и радости. Юродствомъ и безуміемъ была проповѣдь Христа и Его учениковъ въ глазахъ міра, такою же была и жизнь ихъ, юродивыми и безумными навсегда останутся въ мірѣ всѣ тѣ, которые идутъ или пойдутъ въ своей жизни путемъ Христовымъ. Въ отношеніи ума христіанство не можетъ поставить иного требованія, какъ и въ отношеніи всей жизни вообще: или погубить жизнь, чтобъ жить во Христѣ, или отвергнуть Христа и жить въ мірѣ; или признать мудрость міра безуміемъ и отвергнуть ее, сдѣлаться юродивыми ради Христа, или отвергнуть Христа и считать себя мудрымъ въ вѣкѣ семъ. Но эта противоположность есть такая же не безусловная, какъ и противоположность сферъ сердечной жизни въ любви къ Богу и міру. Безъ совершеннаго само-

отреченія невозможна всецѣлая преданность Богу любви, но въ Немъ же находится источникъ новой и совершенной любви къ міру. Безъ конечнаго отрицанія всей мудрости міра нельзя притти къ вѣрѣ въ духовное и вѣчное. Но отвергши мудрость міра и принявъ безумную проповѣдь о Богѣ на крестѣ, человѣкъ получаетъ источникъ новаго и совершеннѣйшаго знанія о мірѣ и его жизни. Ни одно собственно человѣческое знаніе, собственно человѣческая мудрость не кажутся ненужными или противобожескими, но недостаточными и незавершенными. Если исторія христіанства показала, что христіанская религіозность можетъ покушаться на стремленіе къ культурѣ ума и къ его пріобрѣтеніямъ, то эта же исторія осудила такую религіозность, какъ несогласную съ духомъ Евангелія. Также были безплодны и ошибочны усилія „мірской“ мудрости побѣдить юродство проповѣди о Христѣ огнемъ и мечемъ, какъ несправедливы и вредны попытки отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ эпохъ во имя Христа подавить свободу человѣка. Путь къ безумію во Христѣ –путь свободный и такимъ онъ долженъ остаться навѣки, и кто пройдетъ этимъ путемъ, тотъ сумѣетъ отнестись съ уваженіемъ и любовью къ собственно человѣческому знанію, съ живымъ сочувствіемъ къ его успѣхамъ. Великіе отцы церкви, ревность которыхъ объ истинѣ Христовой ни для кого не можетъ подлежать сомнѣнію съ интересомъ изучали греческихъ философовъ и указывали въ нихъ пророковъ языческаго міра, возвѣщавшихъ послѣднему истину о надземныхъ идеалахъ. И никогда въ лицѣ первоучителей христіанства мы не встрѣчаемся со слѣпою ненавистью къ уму и знанію, а напротивъ видимъ, какъ они пользовались этимъ даромъ на служеніе высшимъ задачамъ Божьяго Царства. Ап. Павелъ съ такою рѣзкой отчетливостью проводившій границу между мудростію міра и Бога, въ своемъ лицѣ показалъ первый примѣръ истинно-христіанскаго „книжника, наученнаго Царству Небесному“, который—подобно хозяину, выноситъ изъ сокровищницы своей и новое, на старое (Мѳ., 13, 52), былъ вѣстникомъ Христовымъ, и пренебрегая своими знаніями іудейской и эллинской мудрости.

И онъ именно высказалъ верховную примиряющую точку зрѣнія, когда послѣ очень остраго противоположенія муд-

рости мірской и Божеской заключилъ свою рѣчь словами: „все ваше... вы же Христовы, а Христосъ—Божій“ (1 Кор. 3, 21—23). „Все ваше“. Мудрость міра, оставленная вами ради безумія Христовой проповѣди, также ваша, но вы уже не тѣ, вы—Христовы, и духъ Его преображаетъ все, чего Онъ коснется, все получаетъ новое значеніе и новую силу, для нашего познанія спадаютъ границы временнаго и видимаго и открывается Царство незаходящаго свѣта вѣчности и вѣчной любви. Вся мудрость „міра“ не могла безъ вѣры сказать о мірѣ и жизни въ немъ больше, чѣмъ то, что міръ этотъ вѣчно несовершенный—осколокъ бытія, а человѣкъ—позоръ земли. Такъ думалъ самъ Ницше, не могла думать иначе и послѣдовательная земная мудрость. „Преимущество мудрости предъ глупостью такое же, какъ преимущество свѣта предъ тьмою: у мудраго глаза его—въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ: но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ... мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ. И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ. И ублажилъ я мертвыхъ, болѣе живыхъ..; а блаженнѣе ихъ тотъ, кто еще не существовалъ“ (Екл. гл. I—II). Вотъ прямой, послѣдовательный и неизбѣжный выводъ земной мудрости при оцѣнкѣ ею жизни. Свѣтъ этой мудрости—есть источникъ боли познаванія зла и несовершенства міра, безумія всѣхъ дѣлъ человѣка, безумія самой мудрости. Этотъ свѣтъ не могъ не померкнуть передъ свѣтомъ мудрости, сходящей свыше, указывающей человѣку новую родину, усвояющей ему новую цѣнность. Какъ любовь къ Богу и вѣра въ вѣчность сообщаютъ истинную цѣнность трудамъ человѣка на землѣ, такъ и сообщеніе новой мудрости даетъ дѣйствительную важность нашимъ земнымъ знаніямъ и культурѣ нашего ума, показывая все міровое бытіе sub specie aeternitatis, возводя все разрозненное къ единству, временное къ вѣчному, несовершенное къ совершенному. Въ этомъ случаѣ преимущества совершенной терпимости и уваженія къ знанію со стороны вѣры. „Мудрость міра“, хотя бы словами самого Ницше, совершенно безапелляціонно отвергаетъ все, чего не видитъ глазами, какъ „чистую фикцію“[1]). „Мудрость

[1]) Antichrist, § 15

Божія" требуетъ отреченія отъ „мудрости міра" только для того, чтобы обогатить умъ человѣка новымъ содержаніемъ, восполнить недостающее, расширить до безконечности умственный горизонтъ человѣка, разсѣять тьму на пути его, но никакъ не погасить тотъ естественный источникъ свѣта, который не только есть въ человѣкѣ, но и по вѣрѣ христіанской является въ немъ отраженіемъ Божественнаго свѣта. „Все мое"—можетъ сказать христіанинъ, потому что все Божіе. Познавать міръ—значитъ познавать Бога, въ твореніи являющаго Свои силу и Божество; познавать внутренній міръ человѣка—значитъ познавать образъ Божій въ немъ. Каждая мелочь, каждая песчинка для человѣка вѣры представляетъ усиленный интересъ, какъ выраженіе въ сложности и красотѣ своего строенія премудрости Строителя. Повторю то, что сказалъ: нѣтъ ни одной области знанія, которая была бы враждебна, чужда или неинтересна по существу началу жизни вѣрующаго. Вся разница только въ томъ, что вѣрѣ открывается новая область вѣдѣнія о мірѣ духовномъ. Можно, конечно, слѣпо отрицать эту область, но нельзя видѣть въ томъ пути, какимъ открываетъ этотъ міръ человѣку въ вѣрѣ, нельзя въ этомъ пути видѣть чего либо по существу противнаго путямъ нашего познаванія жизни. Всѣ знанія даетъ намъ среда. Если я хочу что-либо знать о минералахъ, говоря словами Друммонда [1]), я обращаюсь къ минераламъ. Когда мнѣ нужно знать о цвѣтахъ, я обращаюсь къ цвѣтамъ, и они отвѣчаютъ мнѣ. Но минералъ не даетъ мнѣ знаній о цвѣткѣ, ни цвѣтокъ о минералѣ. И если я хочу знать о духовной жизни, то я обращаюсь къ Богу, и Онъ говоритъ мнѣ въ Единородномъ Своемъ Сынѣ. И этотъ голосъ Божій, обращенный къ нашему же разуму и говорящій о Богѣ, неминуемо говоритъ въ то же время новое и о мірѣ, и о человѣкѣ. О мірѣ, какъ Божіемъ твореніи, и о человѣкѣ; какъ сынѣ вѣчности.

Если по существу несправедливо упрекать христіанство въ отрицаніи и униженіи человѣческаго разума, то не менѣе неосновательны и упреки Евангелію въ отрицательномъ отношеніи къ сферѣ эстетическихъ переживаній человѣка, къ области искусства, въ чемъ, какъ мы видѣли, Ницше обви-

---

[1]) „Естеств. законъ въ духовномъ мірѣ".

няетъ христіанство. Конечно, такъ какъ Богъ наполняетъ весь міръ жизни христіанской души, то и содержаніе прекраснаго не можетъ для христіанина остаться неизмѣннымъ сравнительно съ міромъ до-христіанскимъ. Евангеліе ничего не говоритъ ни противъ красоты, ни противъ искусства, какъ сферѣ ихъ воплощенія. Но, конечно, несомнѣнно, что насколько въ Богѣ неразрывно мыслятся въ единствѣ совершенное добро и совершенная красота, настолько и въ творчествѣ человѣческаго генія не можетъ быть раздѣленія добра и красоты, т. е. не можетъ быть цѣлью искусства, при полной свободѣ трактуемыхъ имъ темъ, служеніе началу противобожеской жизни въ мірѣ. Это есть то ограниченіе, которое неизбѣжно и послѣдовательно проходитъ черезъ всѣ стороны жизни вѣрующаго, какъ раба Божія. Онъ не можетъ работать нигдѣ болѣе, какъ на нивѣ своего Господина, но это настолько же мало можетъ явиться поводомъ считать вѣрующаго связаннымъ и подавленнымъ, насколько мало основаній считать идею Бога несовершенной только въ силу того, что совершенный не можетъ погрѣшать. Добро, которому призванъ служить христіанинъ во всей жизни, какъ и въ сферѣ своего художественнаго творчества, не есть нѣчто ограниченное и недостаточное, но есть все, полнота жизни, совершенство ея. Той ненависти къ красотѣ, о которой говоритъ Ницше, нѣтъ и слѣда въ Евангеліи. Христіанство только не можетъ примириться „на силѣ умирающаго больного и на красотѣ разлагающагося трупа“, говоря словами Вл. Соловьева, то есть и для красоты христіанство также ищетъ первоисточника въ Вѣчномъ, въ Которомъ источникъ и добра. Исторія говоритъ, что Церковь приняла всѣ виды художественнаго творчества для выраженія религіозныхъ идей и что на этомъ пути творчества искусство достигло величайшихъ успѣховъ, когда художественный геній стоялъ передъ міромъ высочайшихъ идей. Но христіанство Евангелія никогда не претендовало на ограниченіе сферы собственно человѣческаго и природнаго содержанія въ произведеніяхъ искусства. Здѣсь христіанинъ также могъ сказать „все мое“ лишь при одномъ всегдашнемъ условіи, что самъ онъ Христовъ. Если Ницше негодуетъ, что религія „правдиваго Бога“ уничтожила искусство, когда осудила всякую ложь, то странно слышать отъ философа-натуралиста подобное обви-

неніе христіанства въ томъ, что оно проповѣдуетъ реализмъ въ искусствѣ, если бы это было даже и такъ. Но какъ вся христіанская вѣра живетъ идеаломъ соединенія неба и земли въ твореніи воли Божіей, такъ и сфера художественнаго христіанскаго творчества не можетъ остановиться на реализмѣ копированія, но обязательно будетъ стремиться, нимало не противорѣча духу Евангелія, проникновенію въ искусство идеализма и мистицизма, разумѣя подъ первымъ воплощеніе въ искусствѣ міра идей нашего творящаго разума, а подъ вторымъ—міра собственно религіозныхъ вѣрованій; не ограниченіе, а расширеніе въ безконечность открываетъ христіанство художественному творчеству. Міръ весь остается въ его владѣніи, но небо надъ нимъ уже не является крышкой гроба, но открываетъ новый міръ духовныхъ цѣнностей, требующихъ созданія новаго міра символовъ въ художественномъ творчествѣ, съ цѣлью удовлетворять горячимъ стремленіямъ вѣрующаго духа приблизиться своею человѣческой стороной къ тайнѣ міра незримаго. „Правда“ натурализма дѣйствительно должна бы убить всякое окрыленіе творческой мысли, неопровержимо свидѣтельствуя, что красота міра—есть чистое творчество человѣческаго духа, а не реальность, что сознавалъ Ницше... „Правдивый Богъ“, напротивъ, есть источникъ новой высшей правды въ красотѣ нетлѣннаго духа и красоты самого міра, какъ выраженіе величія своего Творца. Конечно, трудно было бы показать на конкретныхъ примѣрахъ, что произведенія христіанскаго искусства выше до-христіанскаго. Трудно это потому, что въ искусствѣ такъ же не нашло еще вполнѣ самостоятельнаго выраженія христіанское міроощущеніе, какъ и вообще въ жизни человѣчества переоцѣнка цѣнностей, произведенная христіанствомъ, была слишкомъ велика, сравнительно съ обычными шагами и успѣхами культуры, чтобы всецѣло проникнуть собою до нашего времени человѣческое сознаніе. Все еще только зрѣетъ закваска Царства Божія въ мірѣ, все еще только растетъ дерево новой жизни, и мы не знаемъ, когда наступятъ времена и сроки завершенія этого роста. Но при всей неотдѣлимости до-христіанскаго искусства отъ христіанскаго, расширеніе и измѣненіе сферы второго сравнительно съ первымъ несомнѣнно уже для сознанія каждаго. „Идеаломъ стало не величіе фараона и рим-

скаго императора, не красота грека или богатства Финикіи, а смиреніе, цѣломудріе, состраданіе, любовь. Героемъ сталъ не богачъ, а нищій Лазарь; Марія Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаянія; не пріобрѣтатели богатства, а раздававшіе его, живущіе не въ палатахъ, а въ катакомбахъ и хижинахъ. И высшимъ произведеніемъ искусства – не храмъ побѣды со статуями побѣдителей, а изображеніе души человѣческой, претворенной любовью такъ, что мучимый и убиваемый человѣкъ жалѣетъ и любитъ своихъ мучителей". Въ этихъ словахъ, принадлежащихъ Л. Н. Толстому („Что такое искусство") отмѣчается именно та сторона преобразующаго вліянія христіанства, что если оно и обезцѣниваетъ нѣкоторыя прежнія цѣнности, признаетъ призрачными прежнихъ боговъ человѣчества, то взамѣнъ этого и въ области художественнаго творчества христіанство открываетъ человѣку міръ новыхъ цѣнностей, какъ міръ, достойный воплощенія въ искусствѣ.

Сдѣланными замѣчаніями объ отношеніи христіанства къ духовной культурѣ я заканчиваю свои чтенія. Если въ нихъ мнѣ удалось хоть нѣсколько освѣтить евангельское ученіе съ тѣхъ сторонъ, какія остались затѣненными для Ницше, а съ нимъ вмѣстѣ и для многихъ другихъ, то, конечно, я могу считать свою задачу выполненной. Если достигнуть этого мнѣ не удалось, то все же самая задача, поставленная мною, не теряетъ своего значенія: остается лишь желать болѣе успѣшнаго ея выполненія и остерегаться принять слабый голосъ защитника истины евангельскаго міропониманія, за слабость самой истины. Эту послѣднюю мысль мнѣ хочется особенно подчеркнуть теперь, когда уже я кончилъ свою бесѣду о Евангеліи и сознаю болѣе всего недостаточность и блѣдность сказаннаго мною.

„Съ моральной стороны—говоритъ справедливо Ницше—защита труднѣе нападенія, такъ какъ состоитъ не въ томъ, чтобы нападать на возраженія противника.., а въ болѣе трудномъ—защищать свое собственное дѣло". [1]) Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, легко оказаться „рыцаремъ печальнаго образа", если взять на себя „роль защитниковъ истины на землѣ, какъ будто-бы истина является такой беззащитной

[1]) V, 37 - 38.

и неуклюжей особой, которой нужны защитники“ [1]). Ницше въ этихъ словахъ проницательно указалъ исключительную трудность говорить что бы то ни было въ защиту истины. Дѣйствительно, въ исторіи человѣческой мысли много было высказано въ защиту истины такого, что могло служить не къ прославленію, но къ умаленію ея. И роль „защитниковъ истины“ страшна не тѣмъ, конечно, что можетъ оказаться смѣшнымъ рыцаремъ печальнаго образа самъ защитникъ, но своимъ ничтожествомъ онъ можетъ точно затѣнить самый свѣтъ истины, сдѣлать ее, порою, въ глазахъ людей болѣе безсильной, чѣмъ самыя ожесточенныя нападенія на нее. И однако, вѣра въ истину всегда соединяется съ долгомъ, съ живою и неумолчною потребностью ея исповѣданія и проповѣданія. Конечно, говоря словами великаго учителя Церкви, истина Евангелія „не нуждается въ какой-либо помощи или защитѣ“. Но защита ея и борьба за нее вытекаютъ не изъ сознанія слабости истины самой въ себѣ, но изъ живой потребности дѣлиться съ другими своими вѣрованіями и убѣжденіями. Для каждаго, вѣрующаго въ истину, послѣдняя не людьми, не слабыми усиліями отдѣльнаго человѣка держится на землѣ, но сіяетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ. И подобно тому, какъ солнце одинаково свѣтитъ и добрымъ и злымъ, праведнымъ и неправеднымъ, подобно этому и проводниками этого вышеземного свѣта истины въ мірѣ могутъ оказаться одинаково и ея слабые защитники, и ея ожесточенные, но искренніе противники. У Ницше есть одно замѣчательное мѣсто какой-то удивительной, спокойной глубины, гдѣ онъ говоритъ о своей вѣрѣ въ звѣздную дружбу людей, хотя бы даже чувствующихъ себя врагами здѣсь на землѣ. Передъ лицомъ этой дружбы, этого непостижимаго для насъ высшаго смысла жизни, наши жизненныя цѣли и дороги, какъ бы онѣ ни были различны, являются ничтожными тропинками, по сравненію съ тѣми безконечно высокими звѣздными путями, которые *охватываютъ* всѣ наши пути, не будучи сами замѣтными нашему близорукому взгляду [2]). Съ этой точки зрѣнія, конечно одинаково малы и ничтожны наши жизненныя дороги по сравненію съ необъ-

---

[1]) II, 39.

[2]) „Веселая Наука“ кн. 4, „Звѣздная дружба“, т. 7, стр. 168—169 рус. пер.

ятностью мірового пути, одинаково безсильны погасить свѣтъ истины, какъ самыя горячія нападки на нее, такъ и прибавить ей свѣта самая искренняя защита ея. Истина всегда остается себѣ равной и безмѣрно насъ высшей. Но по этимъ тропинкамъ, по этимъ крошечнымъ дорогамъ, по которымъ пробѣгаетъ наша короткая и такая бѣдная жизнь, мы стремимся все же къ прекрасному и безконечному надзвѣздному міру, и такъ какъ по своимъ тропинкамъ мы не одни идемъ, но вмѣстѣ со всѣми нашими братьями, то и не можетъ никто изъ насъ не пѣть славу тому свѣту, какой виденъ намъ въ нашей жизни, не можемъ не звать къ нему другихъ, не можемъ не бороться съ тѣми, которые хотятъ свѣтъ нашъ назвать тьмою. Это и дѣлаетъ то, что какъ бы малы и ничтожны ни были силы человѣка, сколь безконечно ничтожнымъ ни сознавалъ онъ себя передъ лицомъ незаходящаго жизненнаго Свѣта, онъ не можетъ не славить Его, хотя бы, говоря образомъ псалмопѣвца, самъ человѣкъ погрязъ въ глубокомъ болотѣ и воды уже дошли до души его (Пс. 68). Безмѣрно высокъ, чистъ и святъ Евангельскій идеалъ жизни, безсиленъ Ницше въ своей борьбѣ съ нимъ, ничтожна и всякая попытка защитить этотъ идеалъ отъ нападенія на него. Но одинаково естественно какъ невѣрующему въ свѣтъ говорить, что нѣтъ его, такъ и вѣрующему указывать на него другимъ и пытаться устранить тѣ препятствія, которыя, будучи по существу ничтожными, могутъ не позволить людямъ видѣть ясно сіяніе дня.